Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Соловьева Дарья Владимировна

МЕДИЙНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РИСКОГЕННОСТИ ТЕКСТОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Рацибурская Лариса Викторовна

Нижний Новгород – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИЙНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В АСПЕКТЕ ИХ РИСКОГЕННОСТИ 13

1.1. Язык СМИ в оценке лингвистов 13

1.2. Нормативность: традиционный и коммуникативно-прагматический подходы 19

1.3. Проблема рискогенности современной медийной коммуникации 28

1.4. Новое слово в оценке лингвистов 36

1.4.1. Проблема типологии новых слов 42

1.4.2. Экспрессивность новообразований в аспекте их рискогенности 47

Выводы 52

Глава II. НОВООБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РИСКОГЕННОСТИ МЕДИЙНОГО ТЕКСТА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 55

2.1. Медийные новообразования стандартной словообразовательной структуры 55

2.1.1. Префиксальные новообразования 55

2.1.2. Суффиксальные новообразования 65

2.1.3. Новообразования аффиксоидного типа 73

2.1.4. Новообразования, созданные путем сложения 83

2.2. Медийные новообразования нестандартной словообразовательной структуры 92

2.2.1. Новообразования, созданные с отклонениями от условий словообразовательного типа 93

2.2.2. Новообразования, созданные путем чересступенного словообразования 99

2.2.3. Новообразования, созданные путем заменительной деривации 103

2.2.4. Новообразования как результат контаминированного словообразования 111

2.2.5. Новообразования как результат графического словообразования…. 124

Выводы 137

Глава III. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РИСКОГЕННОСТИ НОВООБРАЗОВАНИЙ В МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ 140

3.1. Актуализация семантики новообразований как фактор их рискогенности ..... ……..140

3.2. Медийные новообразования на базе прецедентных феноменов: риски словотворчества 156

3.3. Стилистическая обусловленность рискогенности медийных новообразований 167

Выводы 183

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 186

БИБЛИОГРАФИЯ 191

ПРИЛОЖЕНИЕ 221

ВВЕДЕНИЕ

Концентрация усилий лингвистического сообщества при изучении медиатекстов объясняется тем, что СМИ обладают огромной силой массового воздействия: они формируют общественное мнение, создают идеологический фон, пропагандируют определенные ценности, способны изменять картину мира адресата. Демократизация языка, обусловленная либерализацией общественных отношений в постсоветской России, ярко проявляется в газетных текстах общественно-политической направленности. Авторы современных медийных текстов активно используют словообразовательные ресурсы языка, конструируя новые лексические единицы, необходимые для реализации конкретной коммуникативно-прагматической цели: «Различного рода преобразования системы общественных ценностей, изменения массового сознания, идеологическая переориентация общества находят свое отражение в идеологически заряженных лексемах, представляющих собой конденсируемые, сжатые воплощения, сгустки, узлы мировоззренческих, политических ориентиров, оценок и предпочтений» [Сметанина 2002: 207].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью и важностью исследования медиатекстов с точки зрения эффективности взаимодействия адресанта и адресата; важностью изучения факторов рискогенности медийной коммуникации; необходимостью выявления и осмысления коммуникативных рисков, возникающих в медийных текстах, а также результатов рискогенного словотворчества в условиях современной идеологической нестабильности российского социума. По-прежнему остается актуальным изучение современных деривационных процессов с целью установления основных тенденций и закономерностей, определяющих развитие современного русского языка в области словообразования. Исследование медийных новообразований в аспекте их рискогенности необходимо не только для выявления рискогенных случаев медийного словотворчества, но и для определения путей преодоления коммуникативных рисков в медиакоммуникации.

Цель работы – структурно-семантический и функционально-прагматический анализ медийных новообразований как фактора

рискогенности медиатекстов общественно-политической прессы начала XXI века.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

– обосновать необходимость изучения современного медийного текста в аспекте коммуникативно-прагматического подхода;

– определить и охарактеризовать специфику явления рискогенности, а также типологию коммуникативных рисков (КР) на основании представленных в современной науке концепций;

– определить соотношение терминов «потенциальное слово», «окказионализм», «новообразование», «инновация» на современном этапе развития лингвистической науки;

– выявить новообразования в текстах российских СМИ общественно-политической направленности начала XXI века;

– определить способы создания медийных новообразований, проанализировать их структурно-семантические особенности, провоцирующие появление коммуникативных рисков в медийной коммуникации;

– охарактеризовать функционально-прагматические условия рискогенности медиатекстов с участием новообразований;

– дать социально-этическую оценку рискогенным медийным новообразованиям.

Объектом исследования выступают новообразования в текстах общероссийских печатных изданий начала XXI века.

Предмет исследования – структурно-функциональная специфика медийных новообразований как источника коммуникативных рисков в текстах печатных СМИ.

Материал исследования (490 новообразований из медийных текстов) формировался на базе общероссийских массовых печатных изданий за период с января 2009 г. по апрель 2019 г.

Источниками материала стали тексты современных российских общественно-политических изданий: «Аргументы и Факты», «Завтра», «Известия», «Коммерсантъ», «Комсомольская Правда», «Московский Комсомолец», «Наша Версия», «Новая Газета», «РБК», «Российская газета»,

«Совершенно Секретно». Выбор печатных изданий обусловлен их популярностью среди населения, а также их нацеленностью на формирование информационной повестки дня современного россиянина.

Методологическая база научного исследования определяется его целью, задачами, а также спецификой исследуемого материала. В работе используются следующие методы: теоретический анализ и обобщение научных концепций, метод непосредственного лингвистического наблюдения и метод сплошной выборки, контент-анализ, описательный и сравнительный методы. Метод контент-анализа основан на выборочном изучении содержания разнообразного текстового материала. Сравнительный метод предполагает сопоставление медиатекстов между собой, выявление их значимых сходств и различий с точки зрения языкового представления. При анализе медийных новообразований используется также описательный метод с элементами интерпретационного анализа, словообразовательный, структурный, функциональный, количественный виды анализа новообразований.

Степень разработанности проблемы. Язык СМИ на протяжении многих лет находится в фокусе внимания лингвистического сообщества. Процессы, происходящие в языке печатных средств массовой информации, нашли отражение в научных работах таких ученых, как А.Д. Васильев [Васильев 2003], А.Н. Васильева [Васильева 1982], Е.В. Власова [Власова 2015], М.Н. Володина [Володина 2008, 2011], Т.Г. Добросклонская [Добросклонская 2005, 2008, 2015], Л.Р. Дускаева [Дускаева 2009], М.Р. Желтухина [Желтухина 2004], Е.А. Земская [Земская 2000], О.С. Иссерс [Иссерс 2008], Е.В. Какорина [Какорина 1996, 2008], Н.И. Клушина [Клушина 2002, 2004, 2011], М.А. Кормилицына [Кормилицына 2008, 2014], В.Г. Костомаров [Костомаров 1971, 1999], О.А. Лаптева [Лаптева 1978], В.М. Лейчик [Лейчик 2003], И.П. Лысакова [Лысакова 2005], Л.В. Рацибурская [Рацибурская 2004, 2006, 2015, 2017], О.Б. Сиротинина [Сиротинина 2001, 2009, 2013], С.И. Сметанина [Сметанина 2002], Г.Я. Солганик [Солганик 1981, 2003, 2008], Т.В. Чернышова [Чернышова 2003] и др.

Теоретическими предпосылками для формирования понятия «рискогенности» стали труды лингвистов, работающих в русле проблем

речевой коммуникации и изучающих возникающие в ней сбои, провалы, неудачи применительно к разному материалу. Это работы А.Н. Байкуловой [Байкулова 2011, 2015], Б.Н. Головина [Головин 1988], Д.Б. Гудкова [Гудков 2003], О.П. Ермаковой, Е.А. Земской [Ермакова, Земская 1993], С.В. Ильясовой [Ильясова 2015], О.В. Кукушкиной [Кукушкина 1998], Л.Г. Лисицкой [Лисицкая 2009], А.Ю. Масловой [Маслова 2008], О.Б. Сиротининой [Сиротинина 2013, 2014, 2017], А.П. Сковородникова [Сковородников 1998], Н.И. Формановской [Формановская 2002], Г.М. Шипицыной, Ю.А. Воронцовой [Шипицына, Воронцова 2005] и др.

По-прежнему актуальны проблемы неологии, изучающей новые номинации в словообразовательном, лексикографическом, стилистическом, прагматическом, лингвокультурологическом и других аспектах. В этом отношении данное диссертационное исследование опирается на труды Л.П. Амири [Амири 2015], Н.Г. Бабенко [Бабенко 1997], Т.А. Гридиной [Гридина 1996], Е.А. Земской [Земская 1973, 2000, 2004, 2009], С.В. Ильясовой [Ильясова 2002, 2015, 2017], М.У. Калниязова [Калниязов 1975, 1976], Е.И. Коряковцевой [Коряковцева 2008, 2009], Л.П. Крысина [Крысин 2005, 2010], В.В. Лопатина [Лопатин 1973], А.Г. Лыкова [Лыков 1972, 1976], Е.В. Мариновой [Маринова 2008], З.И. Минеевой [Минеева 2015, 2017], Р.Ю. Намитоковой [Намитокова 1986, 1989], И.А. Нефляшевой [Нефляшева 1998], В.Н. Немченко [Немченко 1984, 1985], Н.А. Николиной [Николина 1996, 2005, 2009, 2011, 2013, 2017], Е.В. Петрухиной [Петрухина 2017], Л.И. Плотниковой [Плотникова 2015], Т.В. Поповой [Попова 2010, 2011, 2018], Л.В. Рацибурской [Рацибурская 1992, 2003, 2011, 2014, 2016, 2017, 2018], О.Г. Ревзиной [Ревзина 1996], Е.Н. Ремчуковой [Ремчукова 2009], Н.А. Самыличевой [Самыличева 2010, 2011, 2015], Е.В. Сенько [Сенько 2000], Г.Я. Солганика [Солганик 2003], С.И. Тогоевой [Тогоева 2000], И.С. Улуханова [Улуханов 1994, 1996], Н.И. Фельдман [Фельдман 1957], Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая 1975, 2001] и др.

Научная новизна исследования связана с определением и анализом структурно-семантической и функциональной специфики медийных новообразований, влияющей на формирование их рискогенности. В научный оборот вводится новый материал – новообразования из медийных текстов с 2009 года по 2019 год. В работе последовательно и комплексно описываются

новообразования в текстах общероссийской печати XXI века, выявляются структурно-семантические (семантико-стилистические характеристики производящих основ и аффиксов), а также функционально-прагматические (актуализация семантики, прецедентность, стилистика текста) факторы коммуникативных рисков в медийных текстах. Впервые применительно к новообразованиям коммуникативные риски рассматриваются в связи с коммуникативными качествами речи; определяются критерии нормативности, нарушение которых провоцирует коммуникативные риски в медийной коммуникации. В работе доказывается, что структурно-функциональные особенности новообразований могут являться не только эффективным средством экспрессивизации медиатекста, но и фактором его рискогенности; анализируются коммуникативные последствия функционирования рискогенных новообразований в медийных текстах. Исследование печатных изданий общественно-политической направленности позволяет установить связь между рискогенным словотворчеством и коммуникативной политикой этих изданий.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования способствуют выработке подходов к анализу факторов рискогенности современной медийной коммуникации. Осмысление коммуникативных рисков применительно к медийным текстам вносит вклад в теорию коммуникации, в решение проблемы эффективности взаимодействия адресанта и адресата; анализ структурно-функциональной специфики медийных новообразований позволяет определить некоторые тенденции развития словообразовательной системы современного русского языка, а также вносит вклад в развитие дериватологии, неологии, прагмалингвистики, стилистики, лингвокультурологии, социолингвистики. В ходе исследования конкретизируется ряд дискуссионных лингвистических понятий: «коммуникативная неудача/коммуникативный риск», «окказиональное слово/потенциальное слово» и др.

Результаты диссертационного исследования имеют **практическую значимость**. Материалы, выводы и результаты исследования могут быть использованы в вузовской практике преподавания курсов лексикологии, словообразования, стилистики, основ культуры речи, теории речевой коммуникации, в спецкурсах по неологии, лингвоэкологии,

лингвокриминалистике, а также в лексикографической и журналистской практике. Изучение рискогенности медийных новообразований позволит выработать методические рекомендации для авторов медиатекстов, а также для студентов гуманитарных специальностей по направлениям подготовки «Филология», «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью» и др.

В результате изучения рискогенности медиатекстов возможна выработка конкретных правил «гармонизирующей» коммуникации, которые должны способствовать преодолению непонимания в обществе, снижению уровня агрессии, решению социальных конфликтов: «Это проблема уже не только языка, культуры речи, но и жизни, которая повседневно требует соблюдения принятых в данном обществе, данной ситуации конвенций. Только соблюдение языковых и конвенциональных норм преодолевает, а чаще и предупреждает рискогенность нашего и повседневного, и профессионального общения» [Сиротинина 2013: 64].

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Медиатексты начала XXI века следует анализировать в аспекте коммуникативно-прагматического подхода, находящегося в русле современной тенденции изучения языка в его функционировании. Критерием выбора языкового знака при таком подходе становится представление о его уместности (целесообразности) и эффективности. Необходимым при таком подходе к медиатексту также оказывается определение цели коммуникации, прагматических интенций и установок адресанта.

2. Словообразовательная система языка, и в частности ее речевая реализация в виде новообразований, сегодня является одной из зон формирования коммуникативных рисков в языке СМИ: это риски полного непонимания высказывания, неполного/не совсем точного/неправильного понимания, а также риск негативной эмоциональной реакции адресата. Наличие коммуникативных рисков в медиатекстах может приводить к неосуществлению процесса коммуникации или к его нежелательному результату.

3. Рискогенность медийных новообразований может определяться структурно-семантическими особенностями последних, влияющими на формирование их ингерентной экспрессивности: это семантико-стилистическая характеристика словообразовательного аффикса и/или

мотивирующей основы, экспрессивность словообразовательной модели, отклонение от условий словообразовательного типа, окказиональный словообразовательный способ. В первую очередь, высокая степень рискогенности присуща новообразованиям, в состав которых в качестве производящих вовлекаются жаргонные, вульгарные, обсценные лексемы, а также заимствованные слова и компоненты, денотат которых неочевиден для адресата.

4. На возможность рискогенности медийных новообразований оказывают влияние также функционально-прагматические факторы. Контекстуальное окружение деривата может снимать неоднозначность его интерпретации, а может формировать повышенный уровень его адгерентной экспрессивности. Рискогенность новообразований может быть обусловлена тематикой статей, коммуникативными установками адресантов, фоновыми знаниями получателей информации. Создание новообразований на базе прецедентных феноменов требует от журналистов высокого уровня коммуникативной компетентности, как и словотворчество с вовлечением стилистически маркированных элементов.

Апробация диссертационного исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры современного русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. По теме диссертационного исследования опубликованы 12 работ, в том числе пять – в изданиях, включенных в перечень ведущих научных журналов и изданий, утвержденный ВАК РФ. Одна из статей опубликована в журнале, включенном в Web of Science Core Collection (ESCI). Основные результаты исследования нашли отражение в докладах на следующих научных конференциях: Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе» (г. Нижний Новгород, 2017, 2018), IV Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения А.И. Солженицына «Русский язык в контексте национальной культуры» (г. Саранск, 2018), Международная научная конференция «Грехнёвские чтения – XII: литературное произведение в системе контекстов» (г. Нижний Новгород, 2018), III Международная научно-практическая конференция «Медиачтения СКФУ» (г. Ставрополь,

2019), Международная научная конференция «Настоящее и будущее стилистики» (г. Москва, 2019), Международный молодежный научный форум «Ломоносов-2019» (г. Москва, 2019), Международная научно-практическая конференция «Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия» (г. Москва, 2019).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения (объем текста составляет 190 страниц), библиографии (340 наименований) и приложения. Общий объём диссертации вместе с приложением составляет 270 страниц машинописного текста.

Во Введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются его цель и задачи, предмет и объект, источники текстового материала и методологическая база исследования; характеризуются степень разработанности проблемы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; формулируются положения, выносимые на защиту; представляются сведения об апробации результатов научного исследования.

В **первой главе** «Теоретические основы исследования медийных новообразований в аспекте их рискогенности» обосновывается необходимость изучения медиатекста с позиций коммуникативно-прагматического подхода; определяются теоретические предпосылки исследования рискогенности медийной коммуникации; характеризуются основные классификации новообразований, представленные в русистике; обозначаются факторы, которые могут влиять на рискогенность новообразований, медиатекста в целом.

Во **второй главе** «Новообразования как фактор рискогенности медийного текста: структурно-семантический аспект» исследуются структурно-семантические особенности медийных новообразований стандартной и нестандартной словообразовательной структуры, которые используются журналистами в целях экспрессивизации медиатекстов, но при определенных условиях становятся фактором возникновения коммуникативных рисков.

В **третьей главе** «Функционально-прагматические условия рискогенности новообразований в медийных текстах» анализируются

функциональные особенности новообразований, формирующие адгерентную экспрессивность новых слов и оказывающие влияние на степень их рискогенности: это лексическое окружение дериватов, специфика контекста, стилистические особенности функционирования новых слов, вовлечение в словотворчество прецедентных феноменов.

В **Заключении** обобщаются результаты работы, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Библиография состоит из трех разделов (источники, словари, научная и научно-методическая литература) и включает в себя 340 наименований.

В **Приложении** представлены в алфавитном порядке новообразования, дифференцированные в зависимости от изданий, в которых они встречаются. Новообразования приводятся в соответствующих контекстах с указанием выходных данных (источник материала, дата выхода публикации, автор статьи), а также страниц диссертации, где рассматриваются инновации.

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИЙНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В АСПЕКТЕ ИХ РИСКОГЕННОСТИ

1.1. Язык СМИ в оценке лингвистов

Процессы, происходящие в социально-политической сфере общества, находят непосредственное отражение в языке средств массовой информации. В настоящее время язык СМИ, рассматриваемый как целостная система функционально-стилевых явлений, продолжает привлекать внимание ученых. В.Г. Костомаров называет его «выразителем языкового вкуса эпохи» [Костомаров 1999]. М.Н. Володина подчеркивает, что сегодня язык СМИ является «одной из основных форм языкового существования» [Володина 2011: 7]. В трудах Г.Я. Солганика отмечается возрастающая роль языка СМИ, по степени влияния не сравнимых ни с какой другой сферой: «Практически все то, что касается проблем языка как феномена, в наиболее полной и, пожалуй, в острой форме отражается в языке СМИ, ибо нигде нет такой тесной связи с жизнью общества, как в СМИ» [Солганик 2010: 130]; «Обладая огромной аудиторией, многообразными средствами информирования и воздействия, язык СМИ выдвигается в центр национального языка» [Солганик 2012: 8]. На языковом материале СМИ строится известное исследование, посвященное описанию активных процессов в современном русском языке, – «Русский язык конца XX столетия (1985-1995)», во вступительной части которого указано: «Самую значительную часть наших материалов составляет язык средств массовой информации, ибо в нем отчетливо и быстро отражаются изменения, происходящие в наше время во всех сферах языка» [Земская 2000: 10]. Отдельная глава посвящена языку СМИ в коллективной монографии «Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков» [Какорина 2008: 495]. Список работ по исследованию языка СМИ можно продолжать.

Достижения различных школ и направлений, в рамках которых изучались и продолжают изучаться разнообразные вопросы функционирования языка в сфере массовой коммуникации, были интегрированы в самостоятельно научное направление под названием

медиалингвистика, центральной категорией которого выступает медиадискурс. В научной литературе встречаются синонимичные термины: дискурс массмедиа, массмедийный дискурс, массово-информационный дискурс, массмедиальный дискурс и пр.

Категория дискурса объединяет «в единое целое собственно словесную, вербальную составляющую коммуникации, и её экстралингвистические компоненты, как социокультурного, так и ситуативно-контекстного характера» [Добросклонская 2008: 36]. Под медиадискурсом понимается «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина 2003: 152].

Массмедийный дискурс реализуется и существует только в виде конкретных медиатекстов, объединенных на основе тех или иных объективных критериев [Добросклонская 2015: 49]. Согласно Т.Г. Добросклонской, термин «медиатекст» связывает такие «разноплановые и разноуровневые понятия, как газетная статья, радиопередача, телевизионные новости, интернет-реклама и прочие виды продукции СМИ» [Добросклонская 2008: 73].

Закономерно, что наиболее тщательно на современном этапе развития медиалингвистики изучен язык печатных СМИ. Газета является старейшим средством массовой информации, в ней формировались основные стилистические приемы и средства, характерные для языка СМИ в целом: «Это связано и с самой широкой повседневной доступностью газеты, и с огромным диапазоном многопрофильного выбора информации, и с синхронной многоплановостью содержания каждого номера, и с фиксированностью ее материала в удобной для пользователя форме» [Васильева 1982: 7].

В данной работе, исследуя непосредственно газетный текст, мы будем пользоваться основными понятиями медиалингвистики (медиадискурс и

медиатекст), как наиболее полно отражающими природу современной медиакоммуникации.

Анализируя язык современной прессы, ученые подчеркивают его широкий оценочный потенциал, усиливающуюся роль языковой личности. М.А. Кормилицына пишет о четырех важнейших процессах, происходящих в языке газет, – субъективизация, интертекстуальность, демократизация и интеллектуализация. Субъективизация газетного текста проявляется в усилении роли автора, повышенной оценочности и экспрессивности медиатекстов, их подчеркнутой адресованности; интертекстуальность обусловлена увеличением доли чужого слова, усилением полемичности; демократизация связывается со стремлением приблизиться к читательской аудитории, а интеллектуализация приводит к усложнению содержательной составляющей текстов [Кормилицына 2008: 15]. Ведущими процессами, характерными для медийного дискурса, признаются субъективизация и демократизация.

Субъективное значение высказывания связано с намерением адресанта добиться определенного результата, оказать воздействие. По мнению исследователей, воздействующая функция медийного дискурса постепенно вытесняет функцию информационную.

В текстах СМИ информирование всегда подчинено воздействию [Какорина 2008: 502]. Публицистическая картина мира направлена не столько на информирование широких масс, сколько на убеждение и воздействие на них [Ильясова, Амири 2015: 11]. Язык не только выражает и оформляет идеологические, политические термины, положения, лозунги, но и оказывает значительное влияние на процессы социализации личности, конструирования ментальности, манипулирования общественным сознанием [Солганик 2003: 268].

Под речевым воздействием в узком смысле понимается «тип воздействия в сфере координативных отношений <…>, предполагающий регуляцию адресантом деятельности адресата, в определенной мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями (СМИ, агитация)» [Желтухина 2003: 119-120].

С воздействующей направленностью медиадискурса тесно связано понятие экспрессивности (в широком смысле), которая признается его

важнейшей чертой: «Экспрессивные единицы выполняют не только номинативную и сигнификативную функции, но и прагматическую: их основное предназначение не просто назвать тот или иной элемент действительности, а сделать это так, чтобы воздействовать на собеседника, причем вторая задача выходит на первый план» [Кругликова 1988: 53].

Экстралингвистической причиной «эскалации экспрессии» (В.Г.Костомаров) является демократизация общества, что приводит к демократизации языка [Ильясова 2002: 64]. В настоящее время происходит активное проникновение в пространство медиадискурса просторечных слов, инвектив, разговорных конструкций, жанров неофициальной речи: «Если раньше, в период консервации языкового развития, контаминация стилистически полярных начал – книжности и разговорности – не выходила за пределы «дозволенного» строгой литературной нормой, то в период демократизации языка нелитературные средства выражения хлынули потоком во все каналы массовой информации, создав своим триумфальным маршем единое функционально-стилевое пространство живой разговорной стихии» [Шаззо 2012: 339].

Многие исследователи подчеркивают, что процесс демократизации привел к расширению (расшатыванию) нормативных границ языка СМИ: «Ошибочная ориентация СМИ на речь масс (быть её зеркалом) привела в СМИ журналистов без специальной (филологической) подготовки. В результате в СМИ стали свободно оскорблять, использовать грубую лексику, с мата было снято табу, исчезло в СМИ, а за ним и в массах соблюдение приличий и понятие непечатной лексики» [Кормилицына, Сиротинина 2015: 6-7]. Наблюдается процесс укрепления позиций разговорной составляющей вербальной коммуникации, происходит «смена нормативной основы литературного языка: нормотворческая значимость письменного языка художественной литературы стала уступать свою функцию устной речи публичных каналов общенациональной коммуникации» [Химик 2006: 49]. Тенденция к демократизации языка «трансформировала представления о литературно-языковой и коммуникативной нормах в средствах массовой информации» [Шаззо 2012: 339]. Сейчас «речь говорящих на русском языке обнаруживает признаки субъективной нормативности (то есть применения нормы по своему усмотрению) и, кроме того, в полной мере подчиняется

нормам, не подвергшимся кодифицированию, – нормам устной речи» [Лаптева 2003: 34].

Вопрос о массмедийной норме так или иначе затрагивается всеми учеными, которые изучают языковые процессы в СМИ. По мнению Е.А. Земской, норма меняется в периоды социальных потрясений. Язык печати советского времени исследователь характеризует как безликий и стандартный, а язык современных СМИ – раскованный и раскрепощенный: «Характерной особенностью современного дискурса является функциональный динамизм, а именно перемещение элементов разного рода (слов, фразеологизмов, сочетаний, высказываний и т. д.) из периферийных сфер языка в центр системы» [Земская 2010: 210].

В неизбежной демократизации газетно-публицистической нормы Г.Я. Солганик видит как положительные, так и отрицательные тенденции. С одной стороны, «происходит преодоление книжности и официозности газетного языка, присущее советским газетам, речь журналистов оживляется, обретает свое лицо. <…> Обращаясь к пластам национального языка, не обладающим качеством литературности, газета перерабатывает, осваивает их и, в конечном счете, олитературивает» [Солганик 2003: 265]. С другой стороны, в результате процесса демократизации расшатывается литературная норма, меняется отношение носителей языка к некодифицированным единицам: «Успешное освоение некоторых жаргонных единиц укрепляет в языковом сознании общества мысль, что жаргоны и просторечие (а нередко и обсценная лексика) – это законный источник пополнения литературного языка. И наблюдается (особенно в некоторых СМИ) неконтролируемое и не сдерживаемое какими-либо факторами «нашествие» жаргонов, просторечия [Солганик 2012: 246].

В оценке этих процессов неоднозначен и В.Г. Костомаров. В работе «Языковой вкус эпохи» он пишет о демократизации (либерализации) и карнавализации языка СМИ, обусловленных некоторым «вкусовым безразличием пишущих и говорящих, их часто сознательной нормативно-языковой недисциплинированностью» [Костомаров 1999: 7]. В более поздней монографии процесс «карнавализации» языка признается ученым мотивом для его развития, динамики: «Нынешняя свобода применения языка, как и поведения, всего нашего существования шокирует, но ведь снятие табу,

отмена цензуры, разрушение старых порядков ведет к новым формам культуры <…> Установление новых норм, помогающее миновать время роста энтропии (неопределенности), всегда ведет через патологию, через «смеховую лабораторию» опробования потенций» [Костомаров 2005: 235].

Преимущественно об отрицательных последствиях таких изменений пишет О.Б. Сиротинина, называя конец XX века периодом «нелитературной вакханалии». Она выделяет две четко выраженные тенденции – это «снижение речи ради её снижения» и «мода на все западное» [Сиротинина 2013: 23]. По мнению исследователя, в этот период существовала явная угроза «превращения богатейшего литературного русского языка в страшное по своим последствиям англо-жаргонно-просторечное его извращение» [Сиротинина 2009: 56]. Постепенное очищение текстов СМИ от негативных последствий перестроечного времени происходит в 2005 году после принятия закона «О государственном языке Российской Федерации». Но полностью избавиться от «ненормативного и сниженно-разговорного» в языке СМИ не удается до сих пор: «Следствием длительной «свободы» речи стало её огрубление, стилистическое снижение в целом, усиление штампованности, ослабление самоконтроля за речью, сдвиги в ориентирах языковых ценностей (эталонов речи), в соотношении типов речевой культуры» [Сиротинина 2013: 31].

Г.П. Нещименко называет язык СМИ «эталонным, нормотворческим фактором, влияющим на формирование нормы современного литературного языка, а также на уровень этнической языковой культуры в целом» [Нещименко 2001: 101]. «Вторжение разговорной стихии» в язык СМИ, снижение «языковой планки текста» исследователь связывает, прежде всего, с возрастанием экспрессивности и усилением личностного начала [Нещименко 2001]. Исследователь предлагает при изучении языка СМИ использовать так называемый коммуникативный подход. Его сущность заключается в рассмотрении и восприятии изменения состояния языка СМИ «как закономерный и предсказуемый процесс, происходящий в истории этноса с определенной периодичностью под влиянием целого комплекса причин. Соответственно и некоторые отступления от литературной нормы оцениваются не как проявление речевой «вседозволенности», а как отражение, иногда, может быть, и гипертрофированное, процессов, реально

развертывающихся в вербальной коммуникации этноса» [Нещименко 2001: 105]. Анализируя узус публичной коммуникации второй половины XX столетия, Г.П. Нещименко отмечает «очевидное снижение (усреднение, массовизацию, огрубление) речевого стандарта, сопровождаемого активным вторжением элементов разговорного языка» [Нещименко 2001: 99]. Однако исследователь предлагает не отвергать новые тенденции в развитии современной языковой ситуации, а выявлять причины их возникновения и предлагать рекомендации в области языкового воспитания и языковой политики.

Такой подход следует признать корректным, учитывая, что восприятие изменений в области нормы действительно неоднозначно со стороны носителей языка: «Динамика нормы – причина культурно-речевых конфликтов в обществе: речевые новации могут приниматься одними носителями языка и вызывать яростное сопротивление у других» [Черняк 2005: 96].

Таким образом, многие исследователи медийного дискурса пытаются определить сущность массмедийной нормы, установить закономерности, влияющие на её «подвижность», изменяемость, проследить влияние языка СМИ на состояние и функционирование современного русского языка в целом. Учитывая тот факт, что наше внимание сосредоточено на спорных явлениях, протекающих в языке печатных СМИ, необходимо рассмотреть вопрос о норме, определить возможные критерии соотношения нормы и отклонений от нее.

1.2. Нормативность: традиционный и коммуникативно-прагматический подходы

Еще в XX веке такие ученые, как М.М. Бахтин, Г.О. Винокур, Л.П. Якубинский, Л. Витгенштейн, Ч.У. Моррис, Г.П. Грайс и др., стали говорить о нежелательности ограничения предмета лингвистики лишь системой языка, без учета его выхода в аспекты речи. Постепенно формальное языкознание, оторванное от реальной жизни, теряет свои позиции: «Теория, ориентированная на язык и только на язык, неспособна объяснить процессы коммуникации. Поскольку коммуникация составляет сердцевину языка, такая теория, имеющая вид только формального аппарата,

ничего не объясняет» [Р. Шенк, цит. по: Слюсарева 1963: 36]. Неизбежно возникает необходимость перехода от «системного и структурного подхода в изучении языка к междисциплинарному и коммуникативному» [Клушина 2011: 148].

Развитие антропоцентрической парадигмы научного знания в конце XX - начале XXI века способствует изучению языка как динамической развивающейся системы, «в центре которой находится человек со всеми его психическими «составляющими» и состояниями, формами социального существования и культурной деятельности» [Арутюнова 1999: 95]. Антропоцентризм является одной из отличительных парадигмальных черт современной лингвистики [Кубрякова 2004: 206], объектом исследования которой выступает речевая коммуникация.

В нашем исследовании мы исходим из того, что язык и речь представляют собой явления взаимосвязанные: язык – это определенная система знаков, используемых в процессе вербального общения, а речь – деятельность, связанная с функционированием знаков языка, и результаты этой деятельности. Существование речи в её принятом смысле без языка является невозможным, как и языка без речи, так как в речи язык берет начало. Объединяющим началом этих двух систем является процесс коммуникации. Язык – это предпосылка речи, а речевая деятельность направлена на использование языка в качестве средства общения. Изучение языка в отрыве от его главной функции – коммуникативной – оказывается не просто недостаточным, но почти невозможным: «Реальное функционирование языка есть использование его в коммуникативной деятельности» [Телия 1991: 36].

С развитием коммуникативного подхода понятие нормы перестает рассматриваться как нечто «застывшее», статическое. Исследователи говорят о существовании грамматико-семантических (языковых, системных, формационных) норм и ситуативных (коммуникативных) норм: «...формационная (системная) норма ограничена языковым компонентом. Она тесно связана с системой. Ее отношение к коммуникации характеризуется тем, что ее конституирующими чертами является общественное признание и обязательность в данном языковом, коммуникативном сообществе. <…>. Общеобязательность литературной

формационной нормы подчеркивается ее кодификацией. <…>. Для коммуникативной нормы (называемой также ситуативной) определяющим является отношение к процессу коммуникации. Она манифестируется не только языковыми (вербальными) элементами, но и компонентами неязыковыми (невербальными). Она обусловлена ситуативными факторами и обстоятельствами. <…>. В отличие от литературных формационных норм коммуникативные нормы не являются кодифицированными» [Едличка 1988: 146-147].

В отечественном языкознании норма, рассматриваемая не в отдельности, а в рамках коммуникативного процесса, подробно изучается в теории культуры речи (см. работы А.Н. Васильевой, Л.К. Граудиной, К.С. Горбачевича, В.А. Ицковича, В.Г. Костомарова, С.И. Ожегова, Ю.С. Степанова, Е.Н. Ширяева и др.). Культура речи – это такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач [КРР 2003: 13].

Существенный вклад в исследование коммуникативного компонента речи внес Б.Н. Головин. Исследователь предпринял попытку определить, какая именно речь является оптимальной для решения конкретных задач, т.е. способна максимально эффективно воздействовать на адресата. Культура речи определяется им по набору коммуникативных качеств (ККР), которые выявляются на основе соотношения речи с неречевыми структурами, находящимися за её пределами: язык как устройство, порождающее речь, мышление, сознание, действительность, человек как адресат речи, условия общения [Головин 1988].

Благодаря терминированию различных ККР и их строгим дефинициям любая речь получает оценку по различным параметрам, которые в совокупности позволяют сделать выводы о том, хороша данная речь или плоха, в чём её достоинства и недостатки, что надо сделать, чтобы улучшить речь и, вообще говоря, оптимизировать её в соответствии с условиями общения [Виноградов 2010: 465].

Базовым критерием в концепции ККР признается критерий правильности, то есть соответствие языковой структуры речи действующим

языковым нормам. Под нормой Б.Н. Головин понимает «исторически принятый в данном языковом коллективе (предпочтенный) выбор одного из функциональных вариантов языкового знака» [Головин 1988: 42]. Критерий правильности имеет отношение ко всем другим ККР: например, логичность речи связана с грамматическими и синтаксическими нормами, чистота речи определяется соблюдением лексических и стилистических норм и пр.

Под чистотой речи подразумевается отсутствие в ней диалектных, жаргонных, просторечных слов и выражений, стилистически не оправданных иноязычных заимствований, грубых слов и высказываний. С этим качеством связано решение морально-этических проблем: в речевой практике должна отсутствовать лексика, непонятная окружающим или оскорбляющая их честь и достоинство. Понимание «чистой речи» особенно актуально в контексте нашего исследования в связи с наблюдаемым процессом вульгаризации языка современных СМИ.

Точность и логичность речи – это два коммуникативных качества речи, которые формируются на основе связей речи с действительностью и мышлением. Точность речи предполагает соответствие между выражаемым понятием и обозначаемым предметом речи; логичность регулирует построение речи согласно законам и правилам формальной логики. Логичность и точность проявляются в непротиворечивости, структурной правильности, последовательности и целенаправленности в изложении информации.

Выразительность речи связана с такими особенностями структуры речи, которые поддерживают внимание и интерес слушателей/читателей, а её богатство (или разнообразие) заключается в полноте владения разнообразными средствами языка на всех его уровнях [Головин 1988].

Другое качество речи (наряду с правильностью), занимающее особое место в иерархии ККР, – это её уместность: «такой подбор, такая организация средств языка, которые делают речь отвечающей целям и условиям общения. Уместная речь соответствует теме сообщения, его логическому и эмоциональному содержанию, составу слушателей и читателей, информационным, воспитательным, эстетическим и иным задачам письменного или устного выступления» [Головин 1988: 227]. Об особом статусе уместности говорит то, что она «как бы регулирует в

конкретной языковой ситуации содержание каждого из этих качеств» [Головин 1988: 228]. Уместность речи является одним из признаков культуры речевого поведения.

От умелого использования в речи комплекса ККР зависит эффективность общения, их знание и применение способствуют созданию благоприятных условий для гармоничного взаимодействия участников коммуникативного процесса.

Итак, при коммуникативном подходе акцент смещается с системы языка на её функционирование: «Коммуникативный подход к изучению языка и речи заставляет исследователя обращаться не только к фактам самого языка, но и к контексту их использования, к учету социально-психологических особенностей говорящих, их ролей, ситуаций, в которых проходит общение» [Байкулова 2014: 8]. При этом коммуникативные нормы не тождественны нормам языковым: «Нормы языка важны в образовательном процессе для формирования матрицы правильной речи. Но они не всегда сохраняются и не всегда применяются в современной коммуникации, в которой создается собственная норма, наиболее близкая к понятию стилевой нормы, подчиняющаяся законам уместности» [Клушина 2018: 74].

«Коммуникативный» выбор в отличие от «нормативного» смещает акцент с жестких запретов (средство А неправильно и поэтому недопустимо, Б правильно и допустимо), на нежесткие предпочтения (А лучше, чем Б, хотя Б тоже допустимо). Критерием выбора в этом случае становится аксиологическое по своей сути представление об уместности, которое основано, прежде всего, на оценочных интуициях участников речевой коммуникации [Иванов 2010: 34-35].

Отметим, что коммуникативный аспект культуры речи немыслим без дифференцированного подхода. Например, набор ККР при характеристике хорошего публицистического текста в одном случае будет существенно отличаться от характеристики хорошего научного текста в другом. Коммуникативный компонент культуры речи должен включать три основные составляющие: 1) определение цели коммуникации; 2) определение прагматических условий коммуникативного акта; 3) диктуемые целью и прагматикой основы выбора и организации языковых средств, формирующих

соответствующие тексты в их письменной или устной реализации [Ширяев 1996: 26]. В любой ситуации на достижение эффективности общения работают три основных компонента культуры речи – нормативный, коммуникативный и этический [Ширяев 1996: 16].

Продолжением развития идей о коммуникативных качествах речи стало введение понятия «хорошая речь» (ХР) представителями Саратовской лингвистической школы. О.Б. Сиротинина главным критерием, определяющим ХР, называет её целесообразность: «Хорошая речь – целесообразная речь, успешная для адресанта и эффективная для адресата» [Сиротинина 2001]. При этом правильность речи – важное, но недостаточное качество ХР. Представление о ХР может быть социально и территориально обусловлено, зависеть от возраста участников общения, их профессиональной принадлежности. Кроме того, оценка речи зависит от «функционально-стилевой принадлежности, формы (устная / письменная) и условий ее осуществления» [Сиротинина 2001].

Очевидно, что обобщающий критерий целесообразности в концепции О.Б. Сиротининой соотносится с коммуникативным качеством уместности в концепции Б.Н. Головина. Кстати, о принципе целесообразности писал К.С. Горбачевич, называя его одним из главных критериев выделения нормы: «Целесообразно, следовательно, и правильно то, что способствует пониманию высказывания; наоборот, нецелесообразно, следовательно, и неправильно то, что мешает ясности выражения или что трудно произнести или запомнить [Горбачевич 1989: 30].

Согласно О.Б. Сиротининой, ХР продуцируется носителями элитарного типа речевой культуры. Всего в сфере литературного языка выделяются четыре типа речевой культуры: элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный и фамильярно-разговорный. Последний часто пересекается с жаргонизирующим типом, который находится уже за пределами сферы литературного языка [Сиротинина 2001]. Для нашего исследования важно замечание ученого о том, что журналист должен быть представителем элитарного типа речевой культуры, то есть человеком, владеющим «всеми нормами литературного языка, выполняющим этические и коммуникационные нормы. <…> Для него характерно незатрудненное использование соответствующего ситуации и целям общения

функционального стиля и жанра речи, «неперенос» того, что типично для устной речи на письменную речь, а того, что свойственно письменной речи – на устную. В какой-то мере соблюдение коммуникативных норм требует знания и практической реализации риторических правил общения» [Сиротинина 2001]. Носителем элитарной речевой культуры является не тот журналист, который использует как можно больше средств речевой выразительности, а тот, кто это делает умеючи, зная закономерности их функционирования, соблюдая чувство меры и не нарушая этических заповедей [Копнина, Сковородников 2012а: 249]

При анализе речи О.Б. Сиротинина также говорит о необходимости оценивать степень понятности высказывания и его творческий потенциал, допустимость/недопустимость тех или иных отклонений от нормы. Творческий критерий предполагает отказ от стереотипных, клишированных выражений и адекватное выражение авторских интенций. Критерий допустимости/недопустимости отклонений от нормы напрямую связан с критерием целесообразности [Сиротинина 2001].

Несколько иные критерии (параметры) нормативности находим в работах других исследователей, оценивающих продукт речевой деятельности с точки зрения его коммуникативной эффективности.

Например, А.П. Сковородников, анализируя типичные нарушения критериев нормативности в языке СМИ, идет вслед за Е.Н. Ширяевым и выделяет три разновидности культурно-речевых норм – структурно-языковые, коммуникативно-прагматические и этико-речевые (каждая соответствует одному из трех аспектов культуры речи по Е.Н. Ширяеву – нормативному, коммуникативному или этическому) [Сковородников 1998: 11]. Важно, что нарушения структурно-языковых норм – это ошибки и недочеты, как правило, обусловленные уровнем грамотности журналиста, его недостаточным знанием системы языка (ошибки в лексической сочетаемости слов, смешение паронимов, разрушение фразеологизмов, ошибки в порядке слов и пр.). Нарушение коммуникативно-прагматических и этико-речевых норм происходит из-за стремления автора сообщения не просто проинформировать аудиторию, но оказать идеологическое, политическое, психологическое, организационное и другое воздействие на читателей, их мнения, оценки, поведение.

В рамках коммуникативно-прагматических норм А.П. Сковородников выделяет три критерия нормативности, нарушение (несоблюдение) которых приводит к ошибкам или недочетам в текстах СМИ: критерий целесообразности высказывания (его соответствие ситуации общения), критерий стилистической уместности и/или выразительности (функционально-стилевой, жанровой, эмоционально-экспрессивной адекватности), критерий эстетической приемлемости (критерий соответствия идеалу прекрасного) [Сковородников 1998: 13]. Отдельно исследователь анализирует «зоны неблагополучия общественно-речевой практики в СМИ» в аспекте этико-речевых норм [Сковородников 1998: 15], в сущности, имея в виду критерий этичности речи.

Обобщая результаты многочисленных исследований западных лингвистов (Г. Пауль, А. Мейер, О. Есперсен, Л. Блумфилд), О.В. Кукушкина пишет о трех основных параметрах оценки качества продукта речевой деятельности: 1) эффективность, ясность, понятность, простота и т. п.; 2) адекватность, точность; 3) корректность, приемлемость. Первый критерий показывает, насколько легко то или иное словоупотребление воспринимается адресатом, второй показатель устанавливает точность передачи смысла сообщения, а третий оценивает степень «привычности» языковой единицы по отношению к престижным образцам [Кукушкина 1998: 4].

Принимая во внимание представленные классификации, считаем целесообразным при анализе коммуникативной эффективности медийных текстов рассматривать пять основных критериев нормативности: критерий понятности (ясности), критерий точности, критерий стилистической уместности (выразительности, корректности), критерии эстетической и этической приемлемости речи.

Вслед за О.Б. Сиротининой, признаем критерий целесообразности «надкритерием», обобщающим все перечисленные категории: он предполагает учет слов и форм выражения мысли, их соответствие ситуации общения, зависимость от взаимоотношений между адресантом и адресатом, смысловое содержание сказанного/написанного, связь его с этикой общения и др. [Сиротинина 2001].

Учет перечисленных параметров позволит наиболее полно охарактеризовать медийный текст с позиций коммуникативно-

прагматического подхода. Как известно, авторы медиатекстов отбирают различные языковые средства (приемы) в зависимости от коммуникативных и прагматических целей. Медиатекст обладает определенной коммуникативно-прагматической установкой, то есть «намерением адресанта к передаче коммуникативно значимой информации с помощью тех или иных языковых средств и способов их включения в высказывание с расчетом на достижение планируемого результата» [Токарев 2014: 106].

Коммуникативный подход в изучении медийного дискурса предполагает анализ языковых единиц непосредственно в процессе коммуникации, во взаимодействии «адресант - адресат», а также подразумевает учет дискурсного контекста, в том числе социального. Прагматический подход выявляет функционально-прагматическое назначение языковых единиц, определение их значимости в зависимости от целей, намерений, эмоций говорящих (пишущих). Безусловно, основой коммуникативно-прагматического анализа является знание системно-структурного устройства языковой системы: «Как письменная, так и устная формы официальной коммуникации предполагают использование кодифицированной системы литературного языка, поскольку она способствует более точному донесению смысла до адресата, позволяет в этих условиях избежать коммуникативных неудач, снижает риск речевых конфликтов и экономит время» [Байкулова 2011: 18].

Таким образом, сегодня изучение языка СМИ особенно актуально в контексте теории культуры речи. Внимание многих современных исследователей медиадискурса сосредоточено на «коммуникативных нормах и их важнейших составляющих, таких, как ориентация на ценность, этические нормы и нравственные императивы» [Лисицкая 2009: 85]. Очевидно, что речь современных журналистов должна быть примером хорошей речи. При оценивании соответствия медиатекстов эталону хорошей речи критерий правильности (соблюдение структурно-языковых норм) оказывается недостаточным, замещается более широкими критериями уместности (целесообразности) и эффективности (соблюдение коммуникативно-прагматических норм, а также норм этики).

В связи с тем, что выраженные намерения авторов медиатекстов воздействовать на аудиторию любыми доступными способами нередко

приводят к дисфункциональному речевому общению, к тому, что происходит ухудшение коммуникативной эффективности передаваемого сообщения, современная речевая коммуникация (в том числе медийная) стала активно изучаться в аспекте её рискогенности.

1.3. Проблема рискогенности современной медийной коммуникации

Современные журналисты не просто пытаются донести информацию до максимального количества человек, но стремятся оказать на потенциальную аудиторию определенное воздействие – эмоциональное, политически ориентированное, идеологическое и др. При анализе коммуникативно-прагматических аспектов языка СМИ оказывается важным понятие «коммуникативной стратегии» как «комплекса определенных речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2008: 54]. Коммуникативное намерение журналиста должно быть одновременно легко декодируемым и привлекательным для массового адресата, иначе «коммуникативное и речевое взаимодействие адресанта и адресата не будет достигнуто, что неизбежно приведет к нежелательным информационным и другим потерям» [Нещименко 2001: 115].

Справедливо замечание О.Б. Сиротининой, отметившей, что сегодня «проблема релевантности понимания становится одной из главных для любого коммуникативного акта» [Сиротинина 2001а: 281]. Под «пониманием» мы имеем в виду «степень распознавания слушающим интенции, замысла говорящего, то есть распознавания того смысла, который придаёт сообщению сам говорящий» [Матьяш 2011: 25].

Понимание текста представляет собой сложный многоэтапный процесс, включающий перцептивно-когнитивно-аффективную переработку воспринимаемого и требующий взаимодействия различных типов знаний: языковых и энциклопедических, явно представленных в тексте и выводных [Залевская 2000: 262]. От адекватности декодирования информации реципиентом зависит коммуникативный успех или коммуникативный провал речевого акта.

Говоря об успешной коммуникации, пристальное внимание к которой обусловлено возросшим интересом к функциональным и прагматическим

аспектам речи, многие ученые указывают на проблемы – сбои или провалы – в процессе общения. В исследованиях последних лет наибольшее распространение получили два термина – «коммуникативные неудачи» и «коммуникативные риски».

Исследованию коммуникативных неудач (КН) посвящено самое обширное количество лингвистических работ, в которых подчеркивается, что КН являются «почти неизбежными спутниками естественного общения» [Гудков 2003: 12]. Фрагментарно КН изучены лингвистами в устной разговорной речи [Ермакова, Земская 1993], в письменной речи [Кукушкина 1998, Шипицына, Воронцова 2005], в межкультурной коммуникации [Формановская 2002, Гудков 2003], в художественном дискурсе [Маслова 2008], в рекламном тексте [Ильясова, Амири 2015].

Авторы коллективной статьи «К типологии коммуникативных неудач» определяют КН как «сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения» [Городецкий, Кобозева, Сабурова 1985: 65].

Это весьма широкое определение конкретизируется в статье О.П. Ермаковой и Е.А. Земской: под КН понимается «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [Ермакова, Земская 1993: 30-31]. Анализируя специфику данного явления на материале естественного русского диалога, авторы цитированной работы одним из видов КН также называют «нежелательный эмоциональный эффект, не предусмотренный говорящим в процессе общения: обида, раздражение, изумление» [Ермакова, Земская 1993: 602].

Предлагая классификацию коммуникативных неудач, многие исследователи подчеркивают условность и сложность её составления из-за разнообразия причин возникновения КН. Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, И.Г. Сабурова классифицируют КН по источникам: КН, причиной которых является сам коммуникант, и КН, вызванные обстоятельствами коммуникативного акта [Городецкий, Кобозева, Сабурова 1985]. Больше десяти типов КН выделяется в работе Е.А. Земской и О.П. Ермаковой. Например, КН, порождаемые неоднозначностью языковых единиц, или КН,

порождаемые игнорированием одним из собеседников прагматического компонента в семантике слова, и др. [Ермакова, Земская 1993: 605].

Авторы другой работы говорят о двух типах речевых аномалий (отклонений, неправильностей) при коммуникативном подходе к языку: «1) связанных с «собственно» речевой компетенцией и 2) коммуникативной компетенцией говорящих» [Шипицына, Воронцова 2005: 63]. Возможные типы КН, выделяемые авторами: 1) КН, связанные со специфическими явлениями когнитивно-вербальных механизмов возникновения текста; 2) КН, вызванные различием фоновых знаний адресатов и адресанта; 3) КН, связанные с интерпретационной деятельностью адресата; 4) КН, вызванные прагматической нечеткостью высказывания; 5) КН, обусловленные употреблением грубых, вульгарных слов и выражений [Шипицына, Воронцова 2005].

В исследовании Н.И. Формановской определены социально-культурные, психосоциальные и собственно языковые КН, так как непонимание, недопонимание, недоразумение и сбой в общении могут быть вызваны самыми разными обстоятельствами, как внешними, экстралингвистическими, так и собственно языковыми [Формановская 2002: 170]. Объединяющим основанием для выделения всех видов КН является их обнаружение в непосредственном процессе общения, когда коммуниканты не предполагают их возникновения.

Собственную типологию причин КН (на материале рекламных текстов) предлагает С.В. Ильясова. В основе её классификации – речевое поведение авторов текстов, в полной мере не учитывающих интерпретирующую деятельность массовой аудитории. По мнению исследователя, авторы могут не принимать во внимание возможные варианты интерпретации языковых единиц, их двусмысленность, обусловленную различными социальными характеристиками носителей языка. Создатели рекламных текстов также часто завышают языковую компетенцию массового адресата, нарушают в процессе словотворчества этические нормы, вызывая негативную реакцию аудитории вместо позитивной [Ильясова, Амири 2015].

Несмотря на различия представленных классификаций, для всех исследователей коммуникативных неудач важно было показать, какие именно особенности устройства языка и его функционирования, а также

особенности речевого поведения адресанта/адресата и прагматические факторы мешают эффективному диалогу, приводят к дисфункциональному речевому общению. Многие наблюдения, представленные в рассмотренных работах, можно проецировать на объект нашего исследования – язык СМИ, так как причины возникновения коммуникативных неудач (провалов, промахов, сбоев) схожи как для различных форм существования речи (устной, письменной), так и для различных дискурсов (медийного, рекламного, политического и др.).

Термин «коммуникативные риски» (КР) в трудах лингвистов появился сравнительно недавно. Изучению КР в различных сферах общения посвящена научно-исследовательская работа кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (А.Н. Байкулова, М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротинина и др.). В коллективной монографии «Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетенции в её преодолении» описываются КР в неофициальном общении, в деловой сфере, в сфере СМИ. Цель объемного исследования – «обнаружение реально создавшихся рисков и выявление даже возможности их проявления» [Рискогенность 2015: 12]. Сегодня речь перестает выполнять свое функциональное предназначение: из-за пронизанности рискогенностью страдает её коммуникативная эффективность [Сиротинина 2017: 31]. По мнению авторов, знания о КР особенно важны для успешной профессиональной деятельности современных сотрудников медиасферы: журналистов, редакторов, ведущих.

Под рискогенностью (от греч. genēs – ‘рождающий, рождённый’) в монографии саратовских лингвистов понимается способность языковой/речевой единицы порождать коммуникативные риски. На наш взгляд, сущность термина-словосочетания заключена в семантической характеристике главного слова: *риск* – ‘реальная возможность чего-либо нежелательного, опасного’ [БУСРЯ 2016]. Исходя из этого, сформулируем рабочее определение нового термина: коммуникативный риск – это реальная возможность получения непрогнозируемого, нежелательного результата коммуникации, возможность возникновения коммуникативной неудачи. Верны следующие утверждения: рискогенные единицы языка (или речи)

порождают КР; текст, в котором обнаруживаются коммуникативные риски, признается рискогенным.

В живом общении КН – это свершившийся факт (результат), а КР – это потенциальная возможность КН, создаваемая особенностями речи и коммуникативного поведения участников общения, условиями коммуникации. Следовательно, участники общения могут преодолеть риски в случае их идентификации (например, эмоциональная реакция адресата на утверждение): «Опознание того, что в общении произошел сбой, дает ответная реакция партнера» [Формановская 2002: 170].

Однако газетный текст – текст письменный, он отличается опосредованным, подготовленным характером связи с адресатом, что неизбежно предъявляет к журналисту требования учета возможного воздействия медиатекста (имплицитного или эксплицитного) на потенциального читателя, нежелательных последствий этого воздействия. Предупредить риски в письменной речи гораздо сложнее – между адресантом и адресатом нет непосредственной обратной связи. Однако важность идентификации КР и их последующего преодоления нельзя не учитывать: следствием неопознанных КР в массовой печати могут стать риски социального, профессионального, политического, культурного и иного характера.

На наш взгляд, термин «коммуникативные риски» является наиболее предпочтительным при анализе письменной речи, поскольку мы можем лишь предполагать, как то или иное словоупотребление (прием) воспримет массовая аудитория. Например, если обсценная лексика в СМИ может вызвать негодование старшего поколения, то, вполне вероятно, она привлечет своей эпатажностью молодежную аудиторию: «Объективная оскорбительность слова еще не обязательно вызывает субъективную оскорбленность: за тот же самый мат кто-то оскорбится и подаст в суд, а кто-то презрительно или равнодушно отмахнется» [Жельвис: 2000: 228].

Различия в восприятии языковых фактов могут быть обусловлены разницей поколений в использовании языка, профессией говорящих (пишущих), психологическими и социальными различиями людей, их интересами, уровнем образованности и пр. [Сиротинина 2007: 98]. Оценка

речи всегда субъективна, она зависит от того, насколько соблюден «баланс норм отправителя и получателя сообщения» [Шварцкопф 1996: 418].

Поэтому утверждать со стопроцентной уверенностью то, что в конкретном случае произошла коммуникативная неудача, нельзя. Правильно говорить о возможности коммуникативной неудачи, то есть о наличии коммуникативного риска, спровоцированного рискогенностью конкретной языковой/речевой единицы, использованного выразительного приема и пр. При исследовании «опасных» словоупотреблений важно анализировать не только сам факт рискогенности (условия и причины её возникновения), но и те нежелательные ментальные состояния, которые могут быть вызваны у адресата появлением «рискогенной» единицы.

Типология КР, представленная в монографии саратовских исследователей, основана на упомянутой классификации коммуникативных неудач [Ермакова, Земская 1993]. Факты возникновения коммуникативных рисков классифицируются следующим образом: 1) провал коммуникации из-за полного непонимания; 2) близкий к провалу вызов у адресата раздражения; 3) риск неправильного понимания; 4) риск неполного, не совсем точного понимания [Рискогенность 2015: 11-12].

Риски полного непонимания информации и вызова у адресата нежелательной эмоциональной реакции объединены учеными, так как при их возникновении можно констатировать, что процесс коммуникации не состоялся, его цель не достигнута. По мнению ученых, причиной раздражения читателя/слушателя может стать не прочитанное/не услышанное сообщение, неизвестное слово (иностранное, жаргонное, диалектное и др.), используемое в письменной/устной речи, а также грубое слово/выражение, неприемлемое для адресата.

Риск неправильного понимания чаще всего встречается в общении профессионала с непрофессионалом, особенно опасен такой вид риска в процессе обучения и в законодательстве, менее опасен в процессе живого общения, так как легко преодолим (переспрос, наблюдение за реакцией партнера, уточнение и пр.). Опасность этого риска в сфере СМИ заключается не только в сложности преодоления, но и в возможных следствиях, все варианты которых предусмотреть невозможно. Нередко этот риск возникает в массовом пространстве из-за того, что он не осознается адресантом.

Еще чаще не учитывается субъектом коммуникации четвертый вид рисков – неполного, не совсем точного понимания. Такие КР порождают социальные и профессиональные риски, иногда используются целенаправленно, например, в оппозиционных СМИ, как средство информационной борьбы [Рискогенность 2015: 11-12].

Любопытны обозначенные авторами монографии многочисленные причины (факторы) коммуникативных рисков, возникающих именно в медийной сфере:

1) Недостаточная коммуникативная компетентность журналистов/редакторов. Она обусловлена несовпадением апперцепционных баз участников общения, сложностью учета разнородной массовой аудитории, неумением прогнозировать ожидания адресата;

2) Нецелесообразность использования некоторых средств речевого воздействия на адресата. В современных СМИ все чаще рациональные аргументы подменяются иррациональными (эмоциональными), что может быть воспринято адресатом как элемент давления, угрозы, манипуляции;

3) К социальным рискам (разжигание межнациональной вражды, экстремизм, негативное влияние на культуру общества, воспитание агрессии и антитолерантности) может привести выбор конфликтогенных жанров, например, полемики: «В полемике несогласие часто имеет слишком категоричный, безапелляционный, даже оскорбительный для оппонента характер, что может оттолкнуть не только оппонента, но и массового адресата СМИ» [Рискогенность 2015: 16];

4) С нецелесообразным использованием выразительных (экспрессивных) средств языка связано негативное влияние на язык как средство коммуникации: «Часто участники общения ищут какие-то броские, необычные языковые средства, выражения своих мыслей, позволяющие им выделиться, любой ценой заставить обратить на себя внимание. Но поиски необычного в общении в условиях беспредельной свободы при недостаточном уровне коммуникативной компетенции приводят порой к ухудшению качества передаваемого сообщения» [Рискогенность 2015: 44].

Как показывает анализ охарактеризованных в научной литературе коммуникативных рисков, многообразие причин их возникновения можно

разделить на две основные группы – это причины лингвистического и экстралингвистического характера.

Лингвистические факторы КР обнаруживаются в системе самого языка, допускающего многозначность, неоднозначность, неопределенность понимания слова, выражения, текста: это избыточная метафоричность, неустранённая многозначность, омонимия языковых единиц, неразличение паронимов, неуместные окказионализмы, неоправданное многословие, использование инвектив и др.

Экстралингвистические факторы КР могут быть следующего свойства: различия в картинах мира адресата и адресанта; несовпадение оценок явлений и событий действительности; неудачный тематический выбор; нарушение или неверный выбор поведенческих стереотипов (в т.ч. этикетных); эмоциональная несдержанность автора сообщения; игнорирование разнородности массовой аудитории; неверно выбранная коммуникативная роль, нарушения этико-эстетического характера и др.

Важно отметить, что в основании определенного коммуникативного риска редко находится одна причина. Экстралингвистические факторы тесно связаны с факторами лингвистическими, могут порождать их, действовать в совокупности. Поэтому при анализе элементов, порождающих риски, важно отмечать как основную причину КР, так и сопутствующие.

По нашему мнению, знание и соблюдение основных критериев нормативности речи (см. п. 1.2.) способствуют эффективности (успешности) процесса коммуникации, а их нарушение (несоблюдение) приводит к возникновению коммуникативных рисков. Учитывая изложенные концепции, при описании и оценке видов КР в медийном дискурсе предлагаем руководствоваться следующими положениями:

- При нарушении критерия понятности (ясности) высказывания актуализируется риск полного непонимания/неправильного понимания высказывания;
- Несоблюдение критерия точности провоцирует риск неполного/не совсем точного/неправильного понимания сообщаемого;
- При нарушении критерия стилистической уместности (корректности) высказывания, а также критериев эстетической и этической

приемлемости речи актуализируется риск негативной эмоциональной реакции адресата.

Подчеркнем, что при нарушении конкретного критерия в данной классификации указаны риски, возникающие в первую очередь, но они, как правило, не единичны. К примеру, неточное словоупотребление может одновременно спровоцировать риск неправильного понимания и риск негативной реакции читателя.

Ввиду того, что в фокусе нашего внимания находится язык печатных СМИ, при оценивании конкретных словоупотреблений мы можем только предполагать реакцию читателя на них, прогнозировать возможность, риск неосуществления процесса коммуникации. Поэтому анализ нарушений критериев нормативности нельзя рассматривать в системе категоричного противопоставления «правильно – неправильно». Оценивание по шкале «лучше – хуже» является более приемлемым для описания и анализа обозначенных фактов.

1.4. Новое слово в оценке лингвистов

В современной лингвистической литературе при анализе новых лексических единиц используется несколько близких по своему содержанию терминов: неологизм, инновация, новообразование, окказионализм, потенциализм, индивидуально-авторское слово.

Несмотря на то, что термин неологизм получил наибольшее распространение, он до сих пор не имеет однозначной словарной дефиниции. Существует несколько направлений, в рамках которых ученые пытаются определить место неологизмов в системе русского языка.

Лингвистическая сущность новых слов определяется через характеристику их структурно-семантических особенностей [Лыков 1976; Намитокова 1986], с позиций социально-экономических и политических преобразований, происходящих в обществе [Дуличенко 1994; Крысин 2010]. В последнее время популярностью пользуется психолингвистическая концепция неологии [Сазонова 2000; Тогоева 2000], основанная на исследовании новых единиц языка с позиций коммуникативной лингвистики и когнитивного направления, где к неологизмам подходят как единице ментального лексикона человека: «Развитие социолингвистического

направления, а также обращение к когнитивной лингвистике показывает недостаточность исследований неологизмов в рамках структурно-семантических теорий, антропоцентризм современной лингвистики. Лингвистическое знание останется неполным до тех пор, пока не будут исследованы и раскрыты законы и механизмы функционирования языка в его взаимодействии с познающим мир человеком» [Тогоева 2000: 13].

Широко известна в лингвистике конкретно-историческая теория Н.З. Котеловой, в рамках которой предлагается рассматривать три вида конкретизаторов, позволяющих наиболее полно определить сущность неологизма, – это время, социально-языковое пространство и тип новизны языковой единицы [Попова, Рацибурская, Гугунава 2017: 18-19]. Под новыми словами исследователь понимает «как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными», а также «производные слова, которые как бы существовали в языке потенциально и были образованы от давно образовавшихся слов по известным моделям лишь в последние годы [Котелова 2015: 171].

Многие языковеды придерживаются точки зрения, при которой утверждается принадлежность неологизмов к языку, а не к речи [Лопатин 1973; Лыков 1976; Попова, Рацибурская, Гугунава 2017; Шанский 2005 и др.]. Речевые факты, закрепленные в определенном контексте, но не входящие в систему языка, называются окказиональными словами, или окказионализмами.

Терминологическое словосочетание «окказиональное слово» впервые было употреблено в статье Н.И. Фельдман «Окказиональные слова в лексикографии» [Фельдман 1957]. Исследователь говорит о необходимости различать термины «неологизм» и «окказиональное слово», так как первый термин относится к уровню языка, а второй – к уровню речи. Н.И. Фельдман дает принципы разграничения разных типов новых слов: «Тесная связь слов-самоделок с контекстом, из которого они как бы вырастают, делает их уместными и особо выразительными на своем месте, однако вместе с тем, как правило, препятствует им оторваться от контекста и обрести жизнь вне

его. Вот это основное их свойство позволяет назвать их, в отличие от неологизмов, т.е. новообразований, вошедших в язык, окказиональными словами» [Фельдман 1957: 65].

Как пишет С.И. Алаторцева, Н.И. Фельдман «не исключала возможности вхождения таких слов в общее употребление, в систему языковых, узуальных единиц. Окказиональные слова – это факты речи, зарегистрированные на момент их квалификации как единичные употребления. Второй вывод, к которому приводит анализ работы «Окказиональные слова и лексикография», такой: в разряд окказиональных слов входят, по мысли исследователя, факты индивидуального словоупотребления (так называемые индивидуально-авторские слова)» [Алаторцева 1999: 20].

Поэтому, рассматривая стадию окказиональности как одну из стадий существования слова («реализация потенциального, с возможностью перехода в узуальное»), С.И Алаторцева предлагает разделять речевые единицы однократного употребления на: «а) собственно окказиональные слова (выполняющие номинативную функцию и способные с большой долей вероятности войти в языковую систему) и б) индивидуально-авторские слова (выполняющие номинативно-экспрессивную функцию, создаваемые со специальными выразительными целями для одноразового использования). Такие слова обычно остаются на уровне речи и не переходят в разряд узуальных» [Алаторцева 1999: 21].

Точка зрения, при которой постоянно ощутимая новизна и невхождение в языковую систему являются отличительными признаками окказиональных слов, поддерживается как в ранних, так и в более поздних лингвистических исследованиях: «То, что неологизмы входят в язык (точнее, являются принадлежностью языка), сомнению не подлежит: об этом свидетельствует история литературного языка. Окказионализмы – это чисто речевые факты» [Лыков 1976: 102]; «Неологизмы – это слова языка, т.е. узуальные регулярно воспроизводимые единицы языковой системы, тогда как окказиональные слова как индивидуальные образования носят исключительно речевой характер» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2017: 10].

Мы разделяем данную точку зрения и считаем, что окказионализмы переходят из категории индивидуальных речевых явлений в категорию

языковых единиц только при определенных социальных потребностях. Если окказионализмы, создаваемые в речи говорящего или пишущего, не рассчитаны на широкое распространение, на закрепление в лексической системе языка, то неологизмы, создаваемые для номинации нового явления, в дальнейшем рассчитаны на вхождение в узус.

Остается дискуссионным вопрос о соотношении потенциальных и окказиональных слов. Впервые термин «потенциальное слово» использовал Г.О. Винокур в своей работе «Маяковский – новатор языка» для обозначения слов, «которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность» [Винокур 1943: 15]. В настоящее время одни исследователи (Е.А. Земская, М.У. Калниязов, Э.И. Хан-Пира и др.) считают, что потенциальные и окказиональные слова следует противопоставлять: потенциальные слова соответствуют словообразовательной языковой норме (изначально заданы словообразовательной системой языка), а окказиональные слова ей противоречат. Новообразования, не нарушающие языковых законов, как правило, меньше воздействуют на читательское сознание, обладают меньшим экспрессивным потенциалом. Поэтому потенциальные слова, то есть «слова, созданные по продуктивным моделям русского словообразования без нарушения его законов» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2017: 39], схожи со словами общеупотребительными (каноническими, словарными). Как отмечают лингвисты, семантика потенциальных слов обычно определяется без помощи контекста, так как «сумма значений морфем, составляющих потенциальное слово, равна значению всего слова» [Калниязов 1975: 286].

Другие исследователи (О.А. Габинская, Д.В. Гугунава, В.В. Лопатин, А.Г. Лыков, Л.В. Рацибурская, Т.В. Попова, В.Н. Хохлачева и др.) утверждают, что все речевые образования являются окказиональными независимо от того, созданы они по деривационным законам языка или с нарушением этих законов: «Объединение двух групп слов (окказионализмов и потенциальных слов) в один разряд (окказиональных слов) кажется наиболее оправданным, поскольку и те, и другие являются словами, отсутствующими в языковой традиции, создаваемыми в момент

речи, тогда как все остальные слова в момент речи воссоздаются» [Ермакова 2012: 290-291].

Термин «окказиональное слово» определяет слово по отношению к словарю языка, но не по отношению к словообразовательной системе: окказиональным может быть названо любое не входящее в словарь языка слово, будь то образование по живой модели (потенциальное слово) или образование, «незакономерное» с точки зрения словообразовательных связей (индивидуально-образованное слово) [Хохлачева 1962: 166-167]. В поддержку этой точки зрения и тот факт, что любое «эстетически значимое авторское речевое новообразование является достойным словообразовательного, семасиологического, лексикографического, стилистического описания вне зависимости от того, насколько близко оно к узусу, норме» [Бабенко 1997: 8].

Явление окказиональности подробно описано в работе А.Г. Лыкова, обозначившего десять дифференциальных признаков окказиональных слов: 1) принадлежность к речи, 2) творимость (невоспроизводимость), 3) словообразовательная производность, 4) ненормативность, 5) функциональная одноразовость, 6) зависимость от контекста 7) экспрессивность, 8) номинативная факультативность, 9) синхронно-диахронная диффузность, 10) индивидуальная принадлежность [Лыков 1976: 10-16]. Исследователь подчеркивает, что каждый признак, взятый отдельно, недостаточен для определения окказионализма. Только совокупность перечисленных признаков способна отграничить окказиональное слово от других единиц языка.

В понимании сущности окказиональных слов важным фактором оказывается их контекстуальная закрепленность: «В окказиональном слове, взятом вне контекста <...>, лексическое значение носит вероятностный характер и конкретизируется контекстом» [Лыков 1976: 19]. С этим наблюдением солидарен В.В. Лопатин, выделяющий следующие признаки окказионализмов: 1) любой окказионализм является авторским образованием; 2) окказионализм тесно, неразрывно связан с определенным контекстом, понятен, прежде всего, в нем; 3) окказионализмы – это полноценные, ни в какой степени не ущербные единицы, «и даже более нужные в определенном контексте, более насыщенные по смыслу и

эмоциональной нагрузке, чем обычные, общеупотребительные слова» [Лопатин 1973: 65].

В настоящее время терминологическая неопределенность в области неологии привела к распространению в современных научных трудах более общих терминов для обозначения новых единиц языка – это «неолексема», «инновация», «новообразование» [Беренкова 2007; Тропина 2007; Тумакова 2003; Промах 2017; Шишкарева 2009; Шишикина 2010; Шумилова 2011 и др.]. Термин «инновация» может использоваться для характеристики новых явлений на всех уровнях языка (синтаксические, морфологические, лексические, фонетические и др. инновации).

Термином «неолексема» в диссертации Л.В. Промах обозначаются «все новые лексические единицы (потенциальные и окказиональные слова) отсутствующие в узусе русского языка и созданные автором намеренно, в определенном контексте, для реализации, прежде всего, эстетической и/или концептоформирующей функций» [Промах 2017: 20].

Субстантив «новообразование» употребляется либо для обозначения инноваций различных уровней языка, либо по отношению к словообразовательным единицам. Термин «новообразование» становится определяющим в монографии Р.Ю. Намитоковой «Авторские неологизмы: словообразовательный аспект» (1986). Классифицируя новые слова, она противопоставляет неологизмы и новообразования и подразделяет последние на авторские и неавторские. Первые создаются говорящими/пишущими преднамеренно, вторые возникают стихийно, для сиюминутных целей [Намитокова 1986: 12-15]. Отметим, что термин «окказионализм» в монографии используется как синоним термина «новообразование»: «По заданности – незаданности окказионализмов словообразовательной системой языка их можно разделить на стандартные/серийные/системные и на нестандартные/несерийные/несистемные новообразования» [Намитокова 1986: 13].

В диссертационном исследовании термин «новообразование» употребляется применительно к лексико-словообразовательным неологизмам узуального и неузуального (потенциальные и окказиональные слова) характера. Под окказиональным словом в данной работе понимается «новое слово речи, обладающее как номинативностью, так и экспрессивностью,

созданное в соответствии со словообразовательным типом или с его нарушением, сохраняющее эффект «новизны» независимо от момента создания и не отмеченное к этому времени в лексикографических источниках» [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015: 59]. При таком широком подходе потенциальные слова, создаваемые на базе высокопродуктивных словообразовательных моделей, признаются разновидностью окказиональных слов, которые в целом противопоставляются узуальным неологизмам. Сущность разграничения потенциальных и окказиональных слов связана с проблемой отношения окказиональных новообразований к словообразовательной системе языка, которая рассматривается в следующем разделе данной главы.

1.4.1. Проблема типологии новых слов

Определение отношения окказиональных новообразований к словообразовательной системе языка часто базируется на понятии продуктивности словообразовательного типа. Словообразовательный тип определяется как «схема (формула) строения производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы; 2) семантического соотношения между производными и производящими; 3) формального соотношения между производными и производящими, а именно: общностью способа словообразования, а для аффиксальных способов – тождественностью аффикса» [Земская 1973: 182].

Крупнейший исследователь в области словообразования Е.А. Земская различает два вида продуктивности – эмпирическую и системную. Эмпирической продуктивностью обладает словообразовательный тип, по образцу которого в языке определенной эпохи производятся новые слова. Чтобы установить, продуктивен тот или иной словообразовательный тип, необходимо проследить, является ли он образцом для производства новых слов в конкретный период времени. Системная продуктивность типа связана с ограничениями разного рода, «налагаемых системой языка и регулирующих производство слов данного типа» [Земская 1973: 209]. Она определяется экспериментальным способом – «путем выяснения условий, ограничивающих возможность производства слов данного типа» [Земская 1973: 209].

Критерий продуктивности положен Е.А. Земской в основу разделения потенциальных и окказиональных слов. Потенциальные слова, т.е. имеющиеся в языке в потенции, создаются на основе высокопродуктивных словообразовательных типов языка: «…они живут в языке под спудом, заключены в словообразовательных возможностях языка, но реально могут и не появляться, если в них нет нужды» [Земская 1973: 218]. Особенностью окказиональных слов является тот факт, «что при их образовании произошло нарушение действующих в языке законов производства тех или иных единиц» [Земская 1973: 229]. Разновидности окказионализмов определяются через то, как именно они нарушают законы действия словообразовательного типа.

К первому виду исследователь относит окказионализмы, произведенные с нарушением законов системной продуктивности словообразовательных типов. Это новые слова, созданные по образцу слов продуктивных типов, но с нарушением условий их образования. Ко второй разновидности относятся окказионализмы, нарушающие законы эмпирической продуктивности, т.е. производимые по образцу слов непродуктивных/малопродуктивных типов. Окказионализмы третьего вида образованы по конкретному образцу, обычно по образцу слов членимых, но непроизводных, не входящих в словообразовательные типы [Земская 1973: 236].

Подчеркнем, что в монографии «Словообразование как деятельность» Е.А. Земская неоднократно говорит о сближении понятий потенциальности и окказиональности, о «тонкости» словообразовательного критерия разграничения: «Неузуальные слова нередко создаются с помощью высокопродуктивных аффиксов, но с нарушением законов действия словообразовательного типа. Образуемые при этом производные могут рассматриваться двояко: как проявление высокопродуктивности (расширение возможностей его действия) и как нарушение законов его действия. Эти слова при первой трактовке могут оцениваться как потенциальные, при второй – как окказиональные. Таким образом, антиподы - слова потенциальные (реализация модели) и слова окказиональные (нарушение модели) – сближаются» [Земская 2009: 187]. Поэтому зачастую нельзя точно

определить, нарушает слово границы словообразовательной системы или только расширяет её потенции [Земская 2009: 21-22].

Классификация новообразований, отраженная в книге «Неология и неография современного русского языка» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2017], строится на основе словообразовательного анализа окказионализмов с учетом их структурно-семантической специфики. Авторы различают следующие виды окказионализмов:

1. Окказионализмы, созданные по продуктивным словообразовательным типам. Эту разновидность ряд ученых называет потенциальными словами (М.А. Бакина, Н.А. Богданов, В.В. Лопатин, Г.О. Винокур). Высокая продуктивность словообразовательного типа, к которому относится окказионализм, в дальнейшем, вероятно, позволит ему войти в систему языка. Словообразовательные единицы этого вида не нарушают ни эмпирическую, ни системную продуктивность.

2. Окказионализмы, созданные в результате тех или иных отклонений от условий определенного словообразовательного типа. Эти отклонения могут касаться словообразовательного средства, форманта или мотивирующей основы.

3. Окказионализмы, созданные с нарушением стилистических ограничений в сочетаемости морфем. Стилистические ограничения проявляются в том, что морфемы должны сочетаться по своей стилистической окраске и происхождению. Стилистические ограничения исследователи относят к несистемным отклонениям, так как при их несоблюдении не происходит нарушения законов языка, ограничения связаны с узусом.

4. Окказионализмы, созданные по конкретному образцу. Такие слова создаются по образцу отдельного слова типовой структуры, слова с уникальным аффиксом или с остаточной основой или по образцу произвольно членимого слова [Попова, Рацибурская, Гугунава 2017: 61].

5. Внесистемные, нетиповые окказионализмы, которые создаются по окказиональным моделям словообразования. К таким случаям относятся явления гибридизации (контаминации (в узком смысле), междусловного наложения, тмезиса), субституции, слияния частей предложения в одно целое, перехода аффиксальных компонентов в знаменательные слова,

произвольного усечения основ и др. В исследовательских работах по этой проблематике речь может идти о внетиповом появлении окказионализмов [Калниязов 1976], об окказиональных способах [Янко-Триницкая 1975а], об окказиональных моделях [Лопатин 1973, Хан-Пира 1972] и др.

С учетом существующих в лингвистике классификаций в качестве концептуальной базы для анализа медийных новообразований в данной работе будет использоваться критерий их стандартности/нестандартности, рассматриваемый в ряде исследовательских трудов [Намитокова 1986; Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015].

Р.Ю. Намитокова разновидности новообразований дифференцирует без указания на то, какие они, – потенциальные или окказиональные: «...термин «потенциальное слово», значение которого также неоднозначно и остается предметом споров, становится излишним в употреблении <…> [Намитокова 1986: 17]. Базовым классификационным признаком становится степень соответствия/несоответствия словообразовательной структуры новообразований параметрам, входящим в понятие словообразовательного типа.

Стандартные новообразования не нарушают словообразовательного стандарта, а нестандартные создаются с отклонением от словообразовательного стандарта или создаются внетипно, т.е. «с нарушением закономерностей словопроизводства, действующих в системе» [Намитокова 1986: 123]. В свою очередь, нестандартные новообразования, созданные с отклонениями от словообразовательного типа на один параметр, называются частично нестандартными первой степени (*лопушата, служивость, мещанист*), на два параметра – частично нестандартными второй степени (*лешовки, неслышнолапость*), на три параметра – частично нестандартными третьей степени (*примерчивость*, *присследливый*). Полностью нестандартные новообразования создаются вне словообразовательных типов (*осенебри, человолки*) [Намитокова 1986: 127-128].

Противопоставление окказионализмов и потенциализмов также не поддерживается в исследовании «Специфика современного медийного словотворчества» (2015). Авторы работы разделяют окказиональные новообразования на «стандартные/нестандартные по их

соответствию/несоответствию стандартной словообразовательной схеме» [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015: 59].

К новообразованиям стандартной словообразовательной структуры относятся новообразования, созданные по образцу словообразовательных типов. Это окказионализмы, образованные по стандартным словообразовательным моделям, в рамках существующих в языке словообразовательных типов (независимо от эмпирической продуктивности). В группу стандартных образований также входят новообразования, созданные с несистемными отклонениями от условий словообразовательного типа, т.е. отклонениями, связанными со стилистической несовместимостью морфем.

К новообразованиям нестандартной словообразовательной структуры относятся новообразования, созданные с системными отклонениями от стандартной схемы словообразовательного типа. Системные отклонения – это нарушения, касающиеся семантических и словообразовательных ограничений. Семантические ограничения связаны с сочетаемостью аффиксов с основами той или иной части речи, семантики. Словообразовательные ограничения касаются неучастия определенных производных основ в качестве производящих. Нестандартными образованиями также являются нетиповые новообразования, созданные по окказиональным, неузуальным моделям словообразования, а также с помощью окказиональных способов словообразования. Исследователи отмечают, что эта разновидность новообразований нетиповой структуры обладает максимальной контекстуальной обусловленностью [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015: 60].

Одной из зон коммуникативных рисков является словообразовательная система языка, и в частности ее речевая реализация в виде новообразований. Следует отметить, что к разряду медийных новообразований, рассматриваемых в данной работе, могут относиться как собственно журналистские, так и воспроизводимые создателями медиатекстов новообразования, авторство которых принадлежит другим лицам. Степень стандартности/нестандартности словообразовательных инноваций, функционирующих в медиатекстах, во многом определяет механизм реализации их базового свойства – экспрессивности, тесно связанной с

явлением рискогенности, находящимся в фокусе нашего внимания.

1.4.2. Экспрессивность новообразований в аспекте их рискогенности

Как отмечают исследователи, важнейшей особенностью языка современных СМИ является лавинообразное словотворчество: «Нашу печать захлестнула волна окказионализмов. Количество ситуативных новообразований на страницах газет и журналов день ото дня растет» [Юдина 1999: 56]. Газетная речь отличается активным использованием окказиональных слов. И это понятно. Оказывается, можно придумать удивительное слово, которое вызывает цепь ассоциаций и заменяет многословное объяснение явления [Кривенко 1994: 122].

Наличие окказионализмов в медиатексте, как правило, обусловлено коммуникативными задачами в использовании не столько их номинативных, сколько экспрессивных возможностей: «Окказиональные слова (от лат. occasio – «случайность», «случайный») – речевые явления, создаваемые под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом для выражения смысла, а также экспрессивного оттенка, часто комического или иронического характера, необходимого в данном случае» [КРР 2003: 384].

Экспрессивность исследователи в сфере словообразования выделяют как внутренний, изначально присущий авторскому новообразованию признак: «Обязательная экспрессивность – характернейшая черта окказиональных слов. Это их сквозной признак, в отличие от слов канонических, большей части которых экспрессивность не свойственна» [Лыков 1976: 23]. При этом степень экспрессивности окказионального слова напрямую связана со степенью его окказиональности (нестандартности): «Чем меньше формальных и семантических нарушений правил языкового (социально отстоявшегося) словообразовательного стандарта совершается при образовании окказионального слова, тем меньше окказиональности (а вместе с нею и экспрессивности) содержится в этом слове, и наоборот» [Лыков 1976: 24].

Окказиональные лексемы могут обладать ингерентной (внутренней) или адгерентной (внешней) экспрессивностью.

Ингерентная экспрессивность определяется структурно-семантической спецификой словообразовательных единиц. Она не зависит от контекста и рассматривается как «отраженные сознанием эмоциональная реакция и оценка говорящего (лица или коллектива) по отношению к определенному референту и закрепленные в значении данной лексемы или ЛСВ в качестве самостоятельной инвариантной семы, которая реализуется в речи в конкретных словоформах в той или иной ее аллосеме» [Лукьянова 1984: 52]. Оценочный характер новообразования может определяться следующими условиями: новое слово включает экспрессивный формант или оценочную производящую основу, оно создано с использованием экспрессивного словообразовательного способа (контаминация, тмезис, заменительная деривация и др.), принадлежит к словообразовательному типу с экспрессивным значением и др.

Адгерентная же экспрессивность окказионализмов может создаваться за счет их стилистических свойств, лексического и контекстуального окружения, тематической направленности материалов, использования в словообразовании ключевых слов эпохи, прецедентных феноменов. Это так называемые функционально-дискурсивные факторы (по Н.А. Самыличевой) экспрессивности окказиональных слов: «Не закрепленные в значении слова эмоциональная реакция и мнение (оценка) говорящего по отношению к некоторому референту, актуализирующиеся данной словоформой лишь в определенном речевом акте, на фоне конкретного контекста. Эмоциональная окраска, в таком случае, рассматривается как те конкретные эмоциональные наслоения, оттенки, которые приобретает данная словоформа в конкретном контексте, как бы вбирая, впитывая в себя эмоциональный тон высказывания» [Лукьянова 1984: 52].

Как уже отмечалось, необходимость использования экспрессивных языковых (речевых) единиц в рамках медиадискурса во многом определяется его воздействующим (прагматическим) потенциалом. И именно с нецелесообразным, немотивированным включением в медиатексты экспрессивных средств языка (речи) зачастую связано появление КР в медийной коммуникации.

По нашему мнению, новообразования, имеющие широкие возможности для реализации своей экспрессивности в медийном тексте, могут нарушать

критерии понятности, точности, уместности, эстетической и этической приемлемости речи. Эти нарушения отрицательно отражаются на коммуникативном процессе: они провоцируют коммуникативные риски, препятствующие реализации коммуникативных намерений (интенций) автора.

Поиск новых выразительно-изобразительных средств в медийном дискурсе порождает необходимость использования окказионализмов с целью словообразовательной игры (СИ) (здесь и далее СИ рассматривается как разновидность языковой игры): «На рубеже XX-XXI вв. словообразовательная игра получает широкое распространение в языке СМИ, что является принципиально новым явлением для русского языка. Экспрессия, по мнению исследователей языка СМИ, побеждает стандарт, и немаловажную роль в этом играет словообразовательная игра» [Ильясова, Амири 2015: 125].

В исследованиях последних лет проявление языковой игры рассматривается в связи с понятием нормы: «Норма – идеал, который предписывается, квалифицируется, насаждается. Но вряд ли этот идеал достигается и далеко не все отклонения от нормы суть ошибки» [Костомаров 1999: 261]; «...языковая игра есть отклонение от определенных правил, но в пределах нормы» [Шаховский 2008: 367].

Понятие окказиональности сегодня перестает рассматриваться как неправильность, вызванная незнанием, неумением, невнимательностью автора, а рассматривается как «преднамеренная аномалия», тесно связанная с представлением о коммуникативно-прагматической норме: «Большую роль в изменении отношения к окказиональности сыграло и развитие теории нормы, прежде всего появление такого типа нормы, как ситуативная, или коммуникативная, вследствие чего окказионализм можно рассматривать не как нарушение нормы, а как другую норму» [Ильясова 2002: 52]. Тезис «правильно все то, что целесообразно, уместно», определяет реальность коммуникативной или ситуативно обусловленной нормы» [Ильясова 2002: 32]. При трактовке языковой игры как некоторой языковой неправильности, мотивированного отклонения от определенной языковой нормы, средством и результатом словообразовательной игры становятся медийные новообразования, которые отсутствуют в лексической системе языка и по

ряду параметров не соответствуют словообразовательным нормам [Рацибурская 2016: 206]. Языковая, и в частности словообразовательная, игра способна значительно усилить воздействие на сознание массовой аудитории, чем и обусловлено обращение к ней журналистов.

Однако безграничная свобода в выборе и использовании единиц языковой системы в целях экспрессивизации не всегда положительно отражается на процессе коммуникации. В современные деривационные процессы все чаще вовлекаются заимствования, сниженная лексика, снижено-маркированные словообразовательные средства, деривационные модели, характерные для разговорной речи и пр., оказывающие влияние на эффективность речевой коммуникации. Неполнота, двусмысленность, повышенная экспрессивность новообразований делает невозможной их быструю интерпретацию, перевод в приемлемые для адресата смыслы: «Для журналиста первостепенным становится желание произвести впечатление на публику, передать личное отношение к происходящему, а не сделать так, чтобы адресат полностью освоил материал. Страдает коммуникативная прозрачность текстов СМИ – сообщение становится недоступно или только частично доступно аудитории» [Соловьева 2018: 112-113].

Словообразовательная игра в языке СМИ далеко не всегда оказывается успешной по уровню своей реализации, а также по своим коммуникативным последствиям. Порою оказывается легче слепить свое слово, чем найти нужное, хотя далеко не каждое новообразование является «эстетически ориентированным знаком» [Бабенко 1997: 8]. Чрезмерное стремление к экспрессивному «словомейкерству» может отрицательно сказаться на впечатлении адресата о статье. При создании нового «эффектного» слова журналист должен знать меру и считаться не только с юридическими, но и нравственными законами [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015: 181].

За создателем медиатекста остается право вовлекать читателя в процесс интерпретации своего творения, увы, не всегда в полной мере отвечающего требованиям создания информативно значимого, в меру экспрессивного и эстетически выдержанного текста. Высокая концентрация языковой игры на страницах СМИ навязывания читателю игрового начала, заставляющего его совершать определенные усилия по разгадыванию «текста-шарады», далеко не всегда оправданные [Ремчукова 2009: 314].

Журналисты перестают учитывать тот факт, что «активность словообразовательной работы требует определенного напряжения сознания, вызывает усталость к восприятию новых единиц у носителей языка» [Дуличенко 1994: 295].

Однако не каждое экспрессивное новообразование рискогенно, т. е. способно порождать риск, например, «упрек, осуждение, критический анализ, критические замечания сами по себе представляют нормальное явление, если они обоснованы и выражаются адекватными ситуации средствами» [Петрова, Рацибурская 2011: 20]. При анализе медиатекстов необходимо не только указать потенциально «опасные» новообразования, но и определить, чем конкретно обусловлена их рискогенность.

Более того, при рассмотрении медийных новообразований в аспекте их рискогенности важно учитывать интенции создателей сообщений.

С одной стороны, причиной КР может быть низкая речевая культура адресанта, неумение соотнести языковые и речевые средства с условиями общения, недостаток знаний, связанных с функционированием языковых единиц, и пр. В этом случае необходимо говорить о низком уровне коммуникативной компетентности журналиста. Под коммуникативной компетентностью понимается «способность решать средствами языка актуальные задачи общения в разных сферах жизни, знания и умения пользоваться фактами языка и речи для эффективной реализации целей общения» [Рискогенность 2015: 20]. Исследование коммуникативной компетенции личности предполагает обязательный учёт социального аспекта [Байкулова 2010: 49]. Ведущую роль в современном процессе коммуникации играет именно автор сообщения, «он выбирает языковые средства для выполнения своего коммуникативного намерения. Следовательно, решающее значение приобретает культурный и профессиональный уровень журналиста, его мировоззренческая и нравственная позиция» [Клушина 2004: 270].

С другой стороны, причиной КР может стать сознательная установка на негативное речевое воздействие, так называемая речевая агрессия, призванная эпатировать публику, оказывать на неё психологическое давление. Речевая агрессия – это «жесткое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-/чему-

либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление» [Петрова, Рацибурская 2011: 24]. Эксплицитное (незавуалированное) выражение речевой агрессии особенно ярко демонстрируют медиатексты оппозиционных изданий. В них речевая агрессия связана «с языковым насилием, языковой манипуляцией – вербальным воздействием на адресата с целью изменения его личностных установок, навязыванием адресату определенной точки зрения» [Рацибурская 2006: 106].

Заметим, что иногда нельзя определить со стопроцентной уверенностью, что именно явилось причиной того или иного КР с участием новообразований, – некомпетентность журналиста или его сознательная установка на агрессивное информирование. По мнению ученых, «преднамеренность или непреднамеренность дисгармонизации общения «вычисляется» адресатом на основе дискурсивных параметров и экстралингвистических факторов» [Воронцова 2006: 79].

Выводы

Изменения, происходящие сегодня в языке печатных СМИ (прежде всего, демократизация и субъективизация) предопределили актуальность изучения медиатекстов в аспекте коммуникативно-прагматического подхода, при котором изучается не столько система языка, сколько речь (функционирование этой системы). Отсюда интерес исследователей к сущности коммуникативной (коммуникативно-прагматической) нормы, не тождественной норме языковой. В первую очередь, выбор того или иного знака определяет его уместность (целесообразность) и эффективность в конкретных условиях протекания массовой коммуникации.

На эффективность медийной коммуникации отрицательное влияние оказывают так называемые коммуникативные риски (КР), провоцируемые стремлением журналистов воздействовать на получателя информации любыми известными способами. Под КР понимается возможность возникновения коммуникативной неудачи (провал коммуникации или её нежелательный (непрогнозируемый) результат).

В соответствии с исследованиями ученых Саратовской лингвистической школы выделяются риски полного непонимания высказывания, неполного/не совсем точного/неправильного понимания, а также риск негативной эмоциональной реакции адресата. В работе определяются следующие критерии нормативности, нарушение (или несоблюдение) которых способно приводить к актуализации обозначенных КР: критерий понятности, критерий точности, критерий стилистической уместности, критерии эстетической и этической приемлемости речи.

Одной из зон формирования КР в медиатексте являются новообразования, используемые с целью его экспрессивизации, выражения определенных авторских интенций. Термин «новообразование» в работе употребляется применительно к лексико-словообразовательным неологизмам узуального и неузуального (потенциальные и окказиональные слова) характера. Окказиональным словом называется экспрессивная речевая единица, созданная в соответствии со словообразовательным типом или с его нарушением, а также по уникальным словообразовательным моделям. Значимыми признаками окказионального слова являются его творимость, ненормативность, номинативная факультативность, словообразовательная производность (по А.Г. Лыкову). Потенциальные слова признаются разновидностью окказиональных слов, которые противопоставлены словам узуальным. Представляется целесообразным отталкиваться от разделения новообразований на стандартные и нестандартные, определяемого по их соответствию или несоответствию стандартной словообразовательной схеме. Степень стандартности/нестандарности новообразований влияет на механизм реализации такого их свойства, как экспрессивность, которая может быть ингерентной (внутренней) или адгерентной (внешней).

Ингерентная экспрессивность нового слова обусловлена особенностями его структуры и семантики. Адгерентная экспрессивность новообразования связана с условиями его функционирования. При анализе степени рискогенности медийных новообразований важно учитывать непреднамеренность/преднамеренность речевого действия: актуализированные в текстах СМИ коммуникативные риски могут объясняться низким уровнем журналистской компетентности или выраженными интенциями адресанта оказать негативизирующее воздействие

на получателя информации, осуществить манипулирование общественным сознанием.

Структурно-семантические особенности, а также функционально-прагматические факторы, влияющие на формирование рискогенности медийных новообразований, рассматриваются соответственно во второй и третьей главах диссертационного исследования.

Глава II. НОВООБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РИСКОГЕННОСТИ МЕДИЙНОГО ТЕКСТА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

2.1. Медийные новообразования стандартной словообразовательной структуры

Новообразования, обладающие стандартной словообразовательной структурой, образуются «по стандартным словообразовательным моделям в рамках существующих активных и продуктивных словообразовательных типов» [Самыличева 2011: 54].

По наблюдениям исследователей, язык печатных СМИ представляет широкое поле для узуального словопроизводства: «Анализ большого фактического материала за период свыше 20 лет (1978-2001) позволяет говорить о том, что абсолютное большинство инноваций образуется по узуальным моделям и типам» [Ильясова 2002: 206].

Ингерентную (не зависящую от контекста) экспрессивность новообразований, созданных узуальными способами, могут формировать семантико-стилистические свойства производящей лексемы, характер денотата, номинируемого новообразованием, оценочность аффиксов, экспрессивность словообразовательной модели [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015: 29].

2.1.1. Префиксальные новообразования

Справедливо замечание Е.А. Земской, что «для конца XX — начала XXI вв. характерен расцвет префиксации, как именной, так и глагольной» [Земская 2010: 212]. Префиксальные новообразования активно участвуют в формировании и выражении социальной оценочности, которая «выступает как главная особенность газетно-публицистического стиля, выделяющая его среди других функциональных стилей и проявляющаяся на всех «уровнях» его языка, особенно в лексике» [Солганик 1981: 8]. Префиксы (как заимствованные, так и исконные) могут выражать: 1) негативное отношение – это пейоративные префиксы (от лат. *pejor* – ‘худший’) 2) позитивное отношение – мелиоративные префиксы (от лат. *melior* – ‘лучший’).

Заимствованные префиксы ***псевдо-*** и ***квази-*,** имеющие семантику ‘неистинности, ложности’, в медиатекстах современности часто используются для негативной характеристики денотата: «В современную эпоху смены прежних ценностных ориентиров, когда наша жизнь наполнилась огромным количеством мнимых ценностей, ложных авторитетов и фальшивых вещей, в прессе для негативной оценки тех или иных социальных реалий активно используются новообразования с префиксами ***квази-, псевдо-»*** [Петрова, Рацибурская 2011: 66].

Именные новообразования с префиксом ***псевдо-*** могут служить для обозначения лиц, организаций, против которых выступает журналист: *У* ***псевдонаблюдателей****, весь день отмечавших явку сотрудников своих организаций, их не было* (НГ, 07.09.2018) – о фиктивных наблюдателях, задействованных на выборах; *То, что внедряется в России, – это система* ***псевдогосмонополий*** (НГ, 08.02.2019) – об организациях, которые ведут ложную деятельность, создают «видимость» работы. Как подчеркивают исследователи префиксальных новообразований, в некоторых случаях дериваты «могут расширять стандартное словообразовательное значение» [Шишикина 2010: 14]. Например, новообразования с префиксом ***псевдо-*** выступают в значении ‘объект, названный производящим словом, который не выполняет или плохо выполняет свои функции’: *Суды заблокировали* ***псевдосчетчики*** (Известия, 07.08.2018) – то есть суды заблокировали неправильно работающие счетчики. Префикс ***квази-*,** соединяясь с именами существительными, также формирует у деривата семантику фиктивности и неистинности с оттенком неодобрения: *Развитие российско-китайского стратегического* ***квази-союза*** (Завтра, 27.12.2017); *Вначале некий* ***квази-суд*** *якобы признаёт власти нашей страны виновными в отравлении сбежавшего в Англию офицера ФСБ…* (НВ, 01.02.2016).

Авторы медиатекстов нередко критикуют современные общественно-политические реалии, давая им емкие характеристики при помощи префиксов ***псевдо-****,* ***квази-*** в составе адъективных дериватов: *В том числе и той, которая была воодушевлена крымской кампанией и возрождением* ***псевдоимперского*** *сознания* (НВ, 17.09.2018); *Эти универсальные* ***псевдогосударственные*** *деятели, похоже, решили компенсировать собственную никчёмность за счёт российских эксплуатантов* (НВ,

29.11.2018); *Увлечение детей* ***псевдоблатной*** *«романтикой» стало настоящей страшилкой для взрослых* (МК, 18.07.2018) – в последнем случае уровень ингерентной экспрессивности нового слова значительно возрастает в связи с тем, что нарушаются стилистические ограничения сочетаемости морфем: книжный префикс присоединяется к прилагательному *блатной* (‘относящийся к преступному миру; воровской’ [СРЯ 1981–1984]) жаргонного характера; *Это важнейшая политическая (но* ***квазиправовая****) жалованная грамота ментам всех мастей, силовикам, образующим, по Марксу, господствующий класс нынешней России* (НГ, 06.07.2015); *…Дамаском, взятие которого для ИГИЛ [*террористическая организация, запрещенная в России] означало бы выход на* ***квазигосударственный уровень*** *и окончательное закрепление как лидера исламского возрождения* (Завтра, 24.08.2016).

В представленных фрагментах новообразования с префиксами ***псевдо-*** и ***квази-*** используются журналистами в номинативных целях, а также становятся средством выражения авторской позиции. Критические замечания адресантов являются естественной и неотъемлемой частью медиатекстов оппозиционных массовых изданий, в которых журналисты стремятся указывать на недостатки современного общественного и политического устройства.

Вероятность появления в медиатекстах коммуникативных рисков возникает, если оценочность дериватов, обусловленная экспрессивным словообразовательным формантом, значительно усиливается окружающим их контекстом: *И не только киевской – местный губернатор Геннадий Москаль заявил, что «вооруженные* ***псевдопатриоты****» из «Правого сектора» с целью наживы похищали и пытали людей, занимаясь вымогательством* (СС, 04.08.2015) – журналист с целью воздействия использует в тексте инвективную лексику (*похищали, пытали, вымогательство*), обозначающую антиобщественную, осуждаемую социумом деятельность. Инвективы – слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске, оценочном компоненте содержания интенцию говорящего или пишущего унизить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме

[Петрова, Рацибурская 2011: 43-44]; *По сути, речь идет о* ***псевдоэлите****, элите с приставкой «анти», процветание которой, обеспечено деградацией, дисперсией, стагнацией всего остального общества* (Завтра, 01.09.2016) – негативная тональность текста формируется рядом однородных дополнений (*деградация, дисперсия, стагнация*), номинирующих дестабилизирующие процессы в жизни общества; *Сами собой высветились химеры* ***псевдолиберализма****, занудливая гнусь раскрепощенных от морали паскудников, ничтожество претендующих на власть пустоцветов* (Завтра, 08.12.2016) – отрицательная оценочность именного новообразования усилена присутствующими в контексте стилистически сниженными лексемами и словами с резко негативной семантикой (*паскудник* – груб. прост. ‘тот, кто делает мерзости, гадости; пакостник’; *гнусь* – прост. ‘то, что вызывает отвращение, омерзение’; *ничтожество* – ‘крайнее убожество и незначительность кого-, чего-л.’; *пустоцвет* – перен. ‘человек, деятельность, жизнь которого не приносит пользы другим людям, обществу’ [СРЯ 1981–1984]); *На этом фоне умиляет скандал с непосредственной красоткой из «Эха Москвы» Лесей Рябцевой, которая ничтоже сумняшеся посмела в своем органе похвалить представителя чужой* ***квазипартии*** *и, походя, пнуть своих* (МК, 18.07.2015) – новообразование приобретает явный иронический оттенок также за счет контекста, в котором используются эмоционально заряженные лексемы, выражающие авторскую насмешку (*умиляет*, *красотка*, *ничтоже сумняшеся*). Словотворчество в указанных примерах с участием префиксальных новообразований с семантикой ‘ложности, мнимости’ можно признать проявлением речевой агрессии, оказывающей деструктивное воздействие на процесс коммуникации. Прежде всего, нарушаются критерии стилистической уместности, эстетической и этической приемлемости речи: провоцируются КР, связанные с неприятием читателем агрессивной, грубо-ироничной тональности медиатекстов.

В другом примере префиксальное новообразование служит средством негативного оценивания конкретного лица: *В Марий Эл еще один помощник* ***псевдо-коммуниста*** *Сергея Казанкова поддержал Путина* (НВ, 15.03.2018) – подобная номинация оскорбительна для человека, ставшего объектом внимания журналиста, неприемлема с точки зрения этических постулатов.

Прямая категоричная оценка, имеющая цель дискредитировать предмет речи без должных на то оснований, всегда рискогенна.

В медиатекстах проявляют активность новообразования с префиксом ***анти-***, со значением ‘противоположности, противодействия или враждебности тому, что названо мотивирующим словом’ [РГ 1980]. Среди именных новообразований выделяются: а) номинации лиц: ***Антипиарщик*** (заголовок). *Экс-замглавы администрации губернатора Пермского края Кирилл Маркевич нанёс ущерб государству и скрылся за границей?* (НВ, 09.11.2015); *Именно показательная «баталия» на Темзе, по признанию многих тамошних «**антиевропейцев**», помогла им окончательно определиться с решением* (Завтра, 30.06.2016); б) наименования актуальных реалий действительности: ***«Антимандат»:*** *как ликвидируют последнюю возможность для уличных акций»* (НГ, 06.02.2017); *Сейчас сильные мира сего создают единую содомскую **антицерковь*** (Завтра, 27.06.2016). Новообразования *антиевропейцы* и *антицерковь* обладают более выраженной экспрессивностью благодаря наличию оценочных определений *тамошний* (разг. ‘находящийся, имеющийся там, в том месте, той местности’), *содомский* (‘имеющий отношение к содомии’) [СРЯ 1981–1984].

Широко представлены в журналистских текстах и имена прилагательные с данным префиксом: ***Антимодернизационный*** *консенсус не является чем-то исключительно новым в истории России* (НГ, 15.09.2016); *Хотя **антиреформаторское** движение здесь сегодня набирает обороты, <…> никакой исторической перспективы у него нет* (НГ, 15.09.2016); *Почему Путин проводит «**антинародную**» политику?* (Завтра, 13.09.2018); *Как объясняют эксперты, последние годы в мире (и, конечно, в России) набирает обороты так называемое **антипрививочное** движение* (НВ, 10.12.2018). В двух последних примерах заимствованный префикс ***анти-*** сочетается с исконной по происхождению основой, что свидетельствует о расширении его стилистических возможностей.

С точки зрения рассматриваемого в работе явления рискогенности примечателен префиксальный дериват в заголовке «*Школа **антибуллинга»*** (Известия, 09.08.2018) ← *анти* + *буллинг* (от англ. bullying – ‘запугивать, задирать’). На наш взгляд, журналист нарушает критерий понятности высказывания – производящий англицизм стал пользоваться популярностью

в последнее время в связи с обсуждением проблемы травли подростков в школах. Использование в качестве производящего слова малоизвестного заимствования, которое не поясняется автором, провоцирует КР полного непонимания/неправильного понимания высказывания.

Префиксу ***анти-*** синонимичны исконно русская приставка ***не-*** с семантикой ‘противоположность чему-л., отсутствие чего-л.’ [Лопатин, Улуханов 2016: 117] и префикс ***контр-*** с семантикой ‘противоположность чему-л.; направленность против чего-л., в ответ на что-л.’ [Лопатин, Улуханов 2016: 100]. Экспрессивность дериватов с данными префиксами может быть обусловлена условиями их функционирования: ***Нечесть*** *мундира* (заголовок). *Оборотни в погонах: от кражи машин до захвата заложников* (НВ, 26.10.2018) – формированию негативной экспрессивности нового слова способствуют прецедентные феномены (*честь мундира, оборотни в погонах*), а также фонетическая перекличка новообразования с узуальным *нечисть* в значении ‘недостойные, презренные люди’ [БТСРЯ 2014]; ***Нефутбольные*** *достижения* (заголовок). *СМИ сообщили о долгах российских футболистов перед государством* (НВ, 17.10.2018) – иронический эффект достигается за счет принципа иронической антитезы – *достижения* футболистов – это их *долги*; *В пробуксовках внедрения опять виновата сама наука, <…> которая эту экономику делает, во-первых, ригидной и* ***контринновационной,*** *а во-вторых, нереформируемой* (НГ, 10.09.2018) – на негативную оценочность деривата работает соответствующее лексическое окружение – *пробуксовка* (‘торможение’), *ригидная* (‘неспособная приспосабливаться, адаптироваться к чему-либо’) *экономика* [БТСРЯ 2014].

Функционирование в медийном пространстве новообразований с префиксами ***анти-***, ***не-***, ***контр-*** свидетельствует о высоком уровне информационного противостояния, разобщенности современного социума, его нестабильности. Между СМИ ведется ожесточенная идеологическая борьба за влияние на общественное сознание, в которой могут применяться любые средства воздействия, давления, манипуляции. Словообразовательный механизм становится зоной формирования коммуникативного напряжения, имеющего неблагоприятные социальные последствия, явно

демонстрирующего «риск конфликта» (по О.Б. Сиротининой), отсутствие у современных СМИ навыков гармонизирующего общения.

В стратегии дискредитирования группы лиц и результатов их деятельности участвует также исконная приставка ***недо-***, указывающая на ‘на неполноту, недостаточность действия или качества’ [РГ 1980]. В сфере именного словообразования данный префикс считался малопродуктивным. Например, в работе Е.А. Земской «Словообразование как деятельность» (2009) отмечается лишь два существительных с приставкой ***недо-*** (*недоиспытанность, недознание*). Однако в современных медийных текстах появляются многочисленные производные имена существительные с семантикой ‘кто-либо (что-либо), не обладающий (-ее) полностью признаками того, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным’ [Лопатин, Улуханов 2016: 124]: «*Во-первых, украинская* ***недореволюция,*** *даже в нынешнем своем виде, — национальная»* (НГ, 31.03.2014); *Становились не боссами ларьков со сникерсами, а — главами маленьких, но гордых* ***недостран*** (Завтра, 08.09.2018); *Торги для* ***недоторговцев*** (РБК, 25.09.2017); ***Недобойкот*** (заголовок). *Скотланд-Ярду придется связать отравление Сергея Скрипаля с Россией, но бойкотировать ЧМ-2018 англичане не будут* (НВ, 07.03.2018). В контексте статей новообразования с приставкой ***недо-*** приобретают резко отрицательный, оскорбительный характер. Журналисты даже не пытаются смягчить оценки, превращая газетно-публицистический дискурс «в арену для сведения счетов» [Ржанова 2004: 121], что с большой степенью вероятности может привести к неприятию авторской позиции (КР негативной реакции читателя).

Новообразованиям с префиксами ***супер-*** и ***сверх-*** изначально была присуща мелиоративная экспрессивность, они образуют «производные с общим значением интенсивности, превосходства, высокой степени того, что названо производящей основой (*сверхчеловек, суперсыщик* и др.)» [Земская 1973: 265]: *Такая* ***суперцентрализация*** *приводит к тому, что получение качественного высшего образования для жителей небольших городов и сел весьма затруднено* (МК, 20.05.2017) – автор имеет в виду безостановочный, интенсивный процесс урбанизации; ***Сверхдоходные*** *для* ***сверхбогатых*** (заголовок). *Крупнейшие хедж-фонды мира раскрыли данные об изменениях в своих портфелях во втором квартале этого года* (РБК, 23.08.2017) –

префиксальные инновации обозначают ‘признак, выходящий за пределы того, что названо мотивирующим прилагательным’ [СТСРЯ 2006] (*доходный, богатый*).

Тем не менее, в языке исследуемых общественно-политических СМИ дериваты с данными префиксами часто стали приобретать отрицательную оценочность, связанную с семантикой производящего слова, микроконтекстом, экстралингвистическими факторами: *В этой картине мира есть какие-то* ***сверхмудрые*** *люди, которые почему-то засели в Минобрнауки, которые точно знают, куда пойдет наука, и поэтому готовы всех за собой вести* (НГ, 14.08.2017) – чересчур, излишне мудрые люди; ироническая окраска нового слова формируется общей оценочностью предложения; *Надеемся, теперь мгновенная и* ***сверхострая*** *реакция либерального «комьюнити» на доклад Глазьева <…> становится более понятной?* (Завтра, 01.09.2015) – назревшая, наболевшая реакция; отрицательная экспрессия прилагательного усиливается благодаря сочетанию с лексемой *комьюнити* – транслитерация *community* (англ. ‘сообщество’); *Безграмотность или* ***сверхнахальство*** (заголовок). *Космонавт, Герой России Павел Виноградов считает затею с частным космодромом в Нижнем Новгороде авантюрой* (НВ, 09.03.2019) – производящая лексема *нахальство* (разг. ‘беззастенчивая назойливость; наглость, бесцеремонность’ [БТСРЯ 2014]) обусловливает негативную коннотацию префиксального новообразования; *Начнём с частностей. Прежде всего, с маршрута и личности самого Джона Болтона. То, что он «****суперъястреб****» и ненавистник России, хорошо известно* (Завтра, 01.07.2018) – дериват создается на базе политического термина *ястреб*, который обозначает представителей кругов (обычно в США), наиболее враждебно настроенных против разрядки международной напряжённости [НСЗ 1997]. Негативная, обличительная оценочность деривата *суперъястреб* связана с внелингвистическими факторами: сложившейся геополитической ситуацией. Считаем, что в рассмотренных примерах журналистская критика уместна и оправдана обсуждаемыми темами. Однако в последнем случае наблюдается КР полного непонимания/неправильного понимания информации: для адекватного осмысления деривата *суперъястреб* адресат должен обладать обширными фоновыми знаниями.

Ироническую, а иногда и откровенно пейоративную окраску в медиатекстах современности приобретают дериваты с изначально безоценочной приставкой ***экс-*** с семантикой ‘бывший ранее тем, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным’ [РГ 1980]: *Никита Белых вообще считает, что его* ***экс-соратницей*** *двигали исключительно человеколюбие и любовь к простым людям* (Завтра, 23.07.2015) – ироническая номинация демонстрирует авторскую насмешку, вызванную тем, что обозначаемое лицо утратило свой прежний статус; *В Казани суд над избившим аутиста* ***экс-спецназовцем*** *начаться так и не смог* (НВ, 24.12.2018) – негативная окрашенность деривата объясняется общей негативной модальностью высказывания, связанной с темой журналистского материала; *Сети прогнозируют, что Ольгу Глацких может постигнуть судьба саратовской «макарошки» –* ***экс-министерши****, объявившей на весь свет, что в России можно прожить на 50 долларов в месяц* (Завтра, 05.11.2018) – оценочность деривата формируется разговорным характером производящего феминитива *министерша.* Отрицательная окраска существительного *экс-министерша* направлена на конкретное лицо, номинация приобретает уничижительный, оскорбительный характер: провоцируется КР нежелательной реакции адресата.

Отрицательной оценочностью, допустимой в текстах оппозиционных СМИ, могут обладать новообразования с иноязычными префиксами ***мега-*** и ***гипер-*** с семантикой ‘превышения’: ***Мегастройки*** *или пенсии?* (заголовки). *Большие страны не могут жить без амбициозных проектов* (НВ, 03.09.2018) – негативная коннотация деривата связана с наличием противопоставления: существительные *мегастройки* и *пенсии* в заголовке статьи выступают как контекстуальные оценочные антонимы; *Зоной особого риска он считает крупные* ***гиперурбанизированные*** *регионы, Питер, например, где к этому вопросу достаточно фривольно относятся* (Завтра, 30.09.2018) – дериват приобретает оценку со знаком минус за счет общей отрицательной оценочности предложения. В подобных случаях негативная окрашенность новообразований оправдана. Журналистская критика действительно неблагоприятных общественных процессов вполне уместна, поэтому риск неприятия адресатом авторской позиции возможен только в случае существенного расхождения точек зрения участников коммуникации.

В медиатекстах популярен префикс ***про-***, служащий для образования дериватов со значением ‘приверженный тому, осуществляемый в пользу того, что названо словом, которым в свою очередь мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное’ [РГ 1980]: *Основную проблему увидели в том, что в этом лагере (ассоциирующимся с подготовкой актива «**пропутинской»/«промедведевской**» молодежи) православие используется как часть идеологии* (АиФ, 02.08.2010) – о сторонниках В.В. Путина и Д.А. Медведева; *Для «**промайданного**» большинства и радикалов на улице Добкин — один из главных врагов в рамках легальной украинской политики* (АиФ, 17.07.2017) – о сторонниках массового выступления народа против действующей власти на Украине, начавшегося в 2013 году; *По его словам, даже **проукраинские** политики позволяют себе передавать сигналы наружу о необходимости повременить с предоставлением Украине автокефалии* (МК, 15.07.2018) – о политиках, поддерживающих действующий политический режим Украины. В данных примерах сема ‘приверженность’ имеет отрицательно заряженный эмоциональный фон: дериваты обозначают склонность к враждебным (следовательно, неправильным, ошибочным) политическим взглядам. Такая тенденция характерна для медиатекстов рассматриваемых изданий, нарушений с точки зрения коммуникативно-прагматических норм здесь не отмечается.

Таким образом, префиксальные инновации демонстрируют, как деривационный механизм реагирует на происходящие в обществе процессы. На наш взгляд, в случае префиксального словообразования риск неверного/неточного декодирования сообщаемой информации будет минимален: приставки отличаются моносемантичностью, «они не столь «расплывчаты» и многообразны по значению, как суффиксы» [Земская 2010: 213]. Коммуникативные риски, связанные с функционированием в медиатекстах префиксальных новообразований, как правило, обусловлены семантико-стилистическими характеристиками производящих слов (*антибуллинг, суперъястреб, сверхнахальство*). КР нежелательной читательской реакции (из-за нарушения критериев уместности, этической и эстетической приемлемости речи) провоцируются отрицательной экспрессивностью дериватов, усиленной их лексическим окружением, общей

негативной оценочностью высказываний (*псевдопатриоты, квазипартии*). Рискогенными также следует признать префиксальные новообразования, негативная окраска которых направлена на конкретное лицо (*псевдо-коммунист, экс-министерша*). Кроме того, с точки зрения социальных рисков представляет интерес анализ многочисленных дериватов, демонстрирующих конфронтационную позицию общественных группировок по отношению друг к другу (*антицерковь, контринновационный*), характеризующих «болезненное» состояние современного социума, пропитанного искаженными и фальшивыми идеями (*псевдолиберализм, недореволюция*).

2.1.2. Суффиксальные новообразования

Высокопродуктивным способом словообразования является суффиксальная деривация, когда к основе производящего слова присоединяется словообразовательный формант – суффикс. Экспрессивность суффиксальных новообразований также может определяться их структурно-семантическими особенностями: семантикой и стилистической характеристикой суффиксов и производящих основ (слов).

Негативная оценочность присуща большинству новообразований на базе имен собственных с продуктивным суффиксом ***-щин(а)***, со значением ‘бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение, исторический период, характеризующиеся отношением к лицу, названному мотивирующим существительным (преимущ. с неодобрительной оценкой) [Лопатин, Улуханов 2016: 701]. Многие новообразования создаются на базе имен собственных, называющих социально значимых лиц: *В 1993-м у Белого дома были те, кто недоволен ельцинским компрадорским капитализмом. Однако же их идеологией стала* ***прохановщина****, игра на имперском поле* (НГ, 09.11.2015) – дериват создается на базе имени политического деятеля А.А. Проханова, выступающего против либералов и являющегося главным редактором радикальной антилиберальной газеты «Завтра». Сочетаясь с именем собственным, экспрессивный суффикс участвует в создании негативно окрашенного производного. Возможность неудачи в процессе коммуникации видится нам в повышенной экспрессивности деривата, уместность которого может быть по-разному воспринята массовым

адресатом: такие новообразования в сознании аудитории вызывают исключительно негативные ассоциации, основанные на субъективном отношении журналистов к действиям (деятельности) лиц, имена которых стали исходными для новообразований.

Критерий понятности высказывания нарушается в следующем примере: *Тут долгая, безнаказанная, все контролирующая* ***цапковщина*** *в полный рост и полная уверенность духовно-патриотичных* ***цапков*** (НГ, 29.04.2017) – автор текста мотивирует дериваты именем собственным, которое сегодня уже неактуально для массового читателя: Сергей Цапок – лидер организованной преступной группировки в России, осужден в ноябре 2013 года.

Источником экспрессии в медиатекстах становятся многочисленные феминитивы, позволяющие журналистам передать резко отрицательное отношение к «героине» повествования: «Сниженной стилистической окраской, определяющей их ограниченное употребление, характеризуются существительные женского рода, называющие лица по профессии и роду занятий» [Плотникова 2015: 61]. Для выражения личной неприязни используются новообразования разговорно-просторечного характера с разговорным суффиксом ***-ш(а)*** с семантикой ‘лицо женского пола, характеризующееся отношением к тому, что названо (кто назван) мотивирующим словом’ [Лопатин, Улуханов 2016: 693]: *Писк юной* ***хипстерши,*** *раздающей банальные истины* (Завтра, 08.09.2018) – о певице Монеточке (Елизавете Гардымовой); *Отповедь «оскорбленных представителей русского народа» не заставила себя ждать, как и оперативная реакция расширившей свои полномочия МИДовской* ***спикерши*** (МК, 20.03.2018) – о российском дипломате Марии Захаровой; *Самыми сексапильными* ***депутатшами****, по мнению коллег-мужчин, признаны прошедшие в Думу по спискам «ЕР» актрисы Мария Кожевникова и Мария Максакова, чьи откровенные фото публиковали в мужских журналах* (АиФ, 11.07.2012). Негативная оценочность таких образований, на которую работает стилистическая окраска суффикса ***-ш(а),*** открывает возможности их экспрессивного использования. Феминитивы, образованные от стилистически нейтральных имен существительных мужского рода (*хипстер, спикер, депутат)*, в медиатекстах приобретают неодобрительную,

уничижительную коннотацию, тем более рискогенную потому, что указываются имена лиц, в отношении которых журналисты дают негативные оценочные характеристики.

Риск негативной реакции получателя информации актуализируется при использовании журналистами отрицательно коннотирующего суффикса ***-оид***, имеющего семантику подобия: *Причём, обнулив приморские выборы, Москва показала готовность не цепляться за кандидатов и начать с чистого листа. Это действительно ловкий ход, выбивший все козыри из рук* ***оранжоидов*** (Завтра, 25.09.2018) – о сторонниках Оранжевой революции; *Безусловно, на Донбассе* ***фашизоиды*** *предпочли бы повоевать как сейчас - весело «под горилку и закусь» - артобстрелами мирного населения, а во время боев потешиться кровавыми «зачистками»* (Завтра, 08.12.2016) – о приверженцах фашистских взглядов; *За что* ***либерал-ельциноиды*** *так ненавидят Путина?* (Завтра, 01.07.2016) – о сторонниках Бориса Ельцина. Авторы публикаций намекают на то, что в людях, относящихся к данным группам, нет ничего человеческого, хотя они и являются разумными существами. Абсолютно правы исследователи, отметившие, что «тексты, которые включают в себя экспрессивизмы, обозначающие внешнюю и внутреннюю несостоятельность человека, обычно способствуют инвективизации имён с финалями ***-оид, -oid***, их трансформации в этические пейоративы активного неуважения» [Радбиль, Рацибурская 2017: 37].

В ряде случаев изначально безоценочные суффиксы участвуют в создании новообразований с негативной оценкой, которая может быть обусловлена мотивирующей семантикой и/или контекстом. Например, новообразования с продуктивным суффиксом ***-(из)ациј(а)***, который используется для производства отвлеченных существительных с семантикой ‘действие или состояние, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим существительным’ [РГ 1980]: *Если по аналогии предположить, что у подавляющего большинства населения изначально, где-то в зародыше, присутствует вирус* ***скотинизации****, то крайне наивно полагать, что излечить его возможно точечными инъекциями* (Завтра, 26.10.2017); *Ведь защита прав личности, в том числе и гей-личности, — это одно, а* ***педерастизация*** *массового сознания — совсем другое* (Завтра, 27.11.2013). Новообразования *скотинизация* и

педерастизация созданы на базе инвектив *скотина* (‘грубый, низкий, подлый человек’) и *педераст* (‘тот, кто предается педерастии’) [БТСРЯ 2014]. Именно инвективы формируют рискогенность указанных суффиксальных новообразований: журналисты рискуют вызвать недовольство адресата оскорбительными лексемами. Кроме того, ингерентная экспрессивность новообразования *скотинизация* усиливается посредством метафорического поля, имеющего отношение к «болезни» общества – *вирус скотинизации*. В публицистике такие метафоры имеют глубокие корни, они начинают использоваться тогда, когда общество уподобляется живому организму, подвергшемуся негативному влиянию. Это семантическое поле сегодня успешно внедрилось в общественно-политическую сферу, особенно часто используется в оппозиционной публицистике.

Негативная оценочность новообразований с данным суффиксом может быть связана с контекстом: *Большой брат будет следить за нами? Тотальная* ***чипизация*** *населения: удар по преступности или по гражданским свободам* (НВ, 10.10.2017) – новообразование обозначает ‘массовый процесс вживления населению компьютерных чипов’, оно приобретает негативную окраску благодаря контексту (*чипизация* – это *удар по гражданским свободам*), а также прецедентному феномену, отсылающему читателя к роману-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984» (известная цитата из романа – *Большой Брат следит за тобой*).

Инновации с суффиксом ***-(из)ациј(а)*** не всегда можно однозначно «расшифровать»: *Оказалось, что вербальное самовыражение мешает коллекционированию случайных фактов, поверхностным оценкам, клиповому сознанию, неумению концентрироваться на объекте дольше минуты,* ***мемизации*** *памяти и возврату к стадному мифологическому мышлению* (НГ, 22.08.2018) – имеется в виду восприятие и запоминание информации посредством мемов (англ. meme – ‘единица передачи культурной информации’). Дериват на базе мотивирующего *мем* может не понять часть читательской аудитории, так как исходное слово не так широко распространено в печати, как в интернет-пространстве. Опасность состоит в том, что в настоящее время люди, не общающиеся в интернете, испытывают все больше трудностей в понимании медийных текстов. Наблюдается нарушение критерия понятности (ясности) высказывания, актуализирующее

риск полного непонимания/неправильного понимания сообщения. Именно о таких неологизмах писала Е.А. Земская, отмечая, что они не соответствуют требованиям социальной коммуникации: «Они употреблены всерьез, а лишь шутливость могла бы быть оправданием их включения в текст» [Земская 2010: 226].

Актуальные для современного читателя антропонимы востребованы в качестве производящих слов для суффиксальных образований, они позволяют журналисту точно и немногословно обозначить то явление, о котором он пишет. Так, новообразования с суффиксом ***-ад(а)/-иад(а)*** имеют семантику ‘действия, характерные для лица, названного мотивирующим словом’ (ср. *клоунада, робинзонада*) [РГ 1980]: ***Скрипалиада****, или какие ваши доказательства?* (заголовок) *Почему англичанам теперь всюду мерещатся «русские отравители»* (АиФ, 19.09.2018) – от фамилии *Скрипаль*. Дериват передает авторскую иронию по поводу бурной реакции международного сообщества на ситуацию с участием Сергея Скрипаля. В данном случае негативная окраска деривата не только связана с контекстом, но и ориентирована на фоновые знания адресата.

Сходным значением обладают существительные с суффиксом ***-иан(а)***, называющие ‘произведения, посвященные историческому лицу, названному мотивирующим словом, а также совокупность изданий сочинений этого лица’. Мотивирующие – собственные имена, преимущественно фамилии [РГ 1980]. В контексте статей оппозиционных газет новообразования с этим суффиксом обладают выраженной социальной оценкой: *Нежность к палачам в нынешнем сезоне обрела новые краски. Сокровищница* ***сталинианы*** *пополнилась уже не самим Иосифом Виссарионовичем, а его тенью* (НГ, 25.12.2017). Употребление деривата в контексте с общей негативной модальностью способствует приобретению новообразованием дополнительной экспрессии. Враждебное отношение журналиста к мотивирующему антропониму *Сталин* распространяется на производное слово. В свою очередь, это обусловливает рискогенность новой номинации по отношению к тем носителям языка, которые не согласны с негативной оценкой деятельности данной исторической личности.

Увеличение числа новообразований, номинирующих лиц, связано с процессом субъективизации медийного дискурса, возрастающей ролью

автора: «Рост личностного начала в современном словообразовании проявляется в словообразовательной активности суффиксов ***-ец, -(н)ик, -щик(-чик), -ист, -ант***, образующих наименования лиц» [Николина, Рацибурская 2017: 46].

Лексическое значение производящей основы, а также окружающий контекст определяют отчетливую социальную оценочность именных образований с суффиксом ***-тель***, обозначающих ‘лиц, принадлежащих к той или иной профессии, занимающихся той или иной деятельностью, характеризующихся определенными поступками’ [СТСРЯ 2006]: *О могуществе этих «делателей» и «**свергателей**» президентов ходят легенды* (АиФ, 18.06.2013) – негативная семантика мотивирующего *свергать* (‘лишить власти, могущества; низложить’ [БТСРЯ 2014]) способствует иронической оценочности новообразования и всего текста; *Люди, жизненное кредо которых быть либеральными, независимыми от власти, агитировать за «невидимую руку рынка», а, значит, зарабатывать самим и платить налоги, оказались самыми жадными и голодными **прожирателями** государственной казны* (Завтра, 13.06.2017) – отглагольный дериват *прожиратель* обладает явной оценочностью благодаря мотивирующему *прожрать* (груб. прост. ‘истратить на еду’ [СРЯ 1981–1984]), на повышение экспрессивности нового слова также влияют оценочные прилагательные *жадные* и *голодные*. В представленных примерах новообразования с суффиксом ***-тель*** в газетных текстах получают ироническое переосмысление, с оттенком пренебрежительности.

Иронически-уничижительную окраску нередко приобретают дериваты с суффиксами ***-щик (-чик),*** обозначающие ‘лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’ [РГ 1980]: *А вот расхожие доводы непримиримых караул-патриотов и записных **всепропальщиков** – типа «путин всё слил», «коррупция рулит» и «экономика мертва» – напротив, кажутся мне надуманными, непрофессиональными* (Завтра, 26.02.2016) – так журналист отзывается о приверженцах либеральных взглядов. Оценка со знаком минус, заложенная в мотивирующем словосочетании *все пропало*, значительно усиливается контекстуально – *непримиримые караул-патриоты, записные* (разг. ‘заядлые, отъявленные’ [СРЯ 1981–1984]). В данном случае также наблюдается

отклонение по линии производящей основы: дериват мотивируется словосочетанием, что для данного типа не характерно.

Эмоционально усиленные посредством контекста новообразования *прожиратели* и *всепропальщики* приобретают статус агрессивных номинаций-ярлыков, сомнительных с точки зрения уместности, этичности, эстетичности речи. Такие номинации с большой степенью вероятности вызовут неодобрительный отклик читательской аудитории.

С помощью суффикса ***-ец/-овец*** образуются дериваты с семантикой ‘лицо, принадлежащее к группе людей, общественно-политическому движению, этническому сообществу’ [СТСРЯ 2006]. В свою очередь, отыменные новообразования, особенно новообразования от имен собственных, актуальны для медиадискурса, так как «название, обозначение сторонника или противника является отправным пунктом любого идеологически заряженного сообщения» [Трошкина 2004: 158]: *В этом отношении показателен успех «**жириновцев**», которые отпраздновали победу сразу в двух регионах* (Завтра, 26.09.2018) – о членах партии ЛДПР, лидером которой является В.В. Жириновский.

Обычно такие суффиксальные дериваты эмоционально заряжены, передают информацию о прагматических интенциях адресанта: *Он же сообщил прессе, что среди «**секторовцев**» в Закарпатье есть «ранее судимые лица, негодные к военной службе, беглецы, уклоняющиеся от призыва»…* (СС, 04.08.2015) – о сторонниках украинской политической партии «Правый сектор»; *Нельзя судить об многослойных отрядах правосеков или **свободовцев** и прочих нациков по численности бойцов* (Завтра, 08.12.2016) – так автор называет членов украинской радикально-националистической партии «Свобода». Распространению негативного смысла на дериват способствует объединение в один ряд слов *правосеки, свободовцы, нацики*. Это так называемая квазисинонимическая ситуация: «Оказавшись в квазисинонимической ситуации, данное слово «впитывает» в себя негативную коннотацию квазисинонимов» [Клушина 2000]. Как отмечает Н.И. Клушина, такой прием удобен для журналистов: он помогает избежать уголовного наказания, так как прямого оскорбления кого-либо в тексте нет. Однако, по нашему мнению, данный фрагмент обладает рискогенностью, он неприемлем с точки зрения этических принципов.

Безоценочный суффикс ***-ист*** служит для образования имен существительных мужского пола с общим значением ‘лица, которое характеризуется отношением к определенной сфере занятий, общественно-политическому, идеологическому, научному направлению, а также к предмету, отвлеченному понятию, бытовому явлению, предприятию или учреждению, названным мотивирующим словом’ [СТСРЯ 2006]. В текстах СМИ нередко встречаются суффиксальные образования такого типа, мотивированные именами собственными: *Не все* ***трамписты*** *– идиоты* (НГ, 14.11.2016); ***Навальнист*** *задержан за нападение на журналиста* (Завтра, 02.02.2018). Негативная оценочность новообразований с суффиксом ***-ист*** поддерживается контекстом. Журналисты с помощью «упрощенной номинации» (по Н.И. Клушиной) обозначают своих идейных противников: отрицательная экспрессия дериватов обусловлена отношением автора к мотивирующим их антропонимам – *Дональд Трамп, Алексей Навальный*. Отыменные новообразования вновь используются в качестве идеологического средства воздействия на аудиторию, что может спровоцировать КР нежелательной реакции реципиента.

Рискогенностью, связанной с выражением открытой неприязни к конкретному человеку, могут обладать разговорные наименования лиц женского пола с суффиксом ***-к(а)***, имеющие оттенок пренебрежения, значительно усиленный контекстом: *Единственное послабление, которое милостиво согласилась внести* ***единоросска****, заключается в том, что уведомление о проведении такой встречи должно подаваться не позднее, чем за семь дней* (НГ, 04.02.2017) – о политическом деятеле Ирине Белых; едкая ирония заложена в значении устаревшего наречия *милостиво* (‘о выражении снисходительности, благосклонности’ [СРЯ 1981–1984]). Экспрессивное лексическое окружение также негативизирует феминитивы с суффиксами ***-есс(а)***, ***-ин(я)***: *Особенно много об этом говорит наша ярая феминистка Мария Арбатова и рьяная либеральная «****политикесса****» Ирина Хакамада* (НГ, 31.01.2018) – в контексте иронически используются прилагательные *ярый* (‘страстно преданный чему-л., упорно придерживающийся чего-л., увлекающийся чем-л’) и *рьяный* (‘очень усердный, ретивый, с увлечением занимающийся чем-л.’) [СРЯ 1981–1984]; *Долго все сходило ей с рук, поскольку она обычно умучивала простых*

*крестьянок, а сама была «**олигархиней**», как сказали бы сейчас* (Завтра, 01.11.2017) – в контексте, характеризующем героиню, используется инвектива *умучить* (устар. истязаниями, мучениями лишить жизни; замучить) [СРЯ 1981–1984]; «*Наши дети и внуки владеют иностранными языками!» – радостно вещала **педагогиня*** (Завтра, 17.03.2016) – негативная оценка новообразования актуализируется иронического переосмыслением глагола *вещать* (устар. и высок. ‘говорить что-л. значительное, важное’) [СРЯ 1981–1984].

Таким образом, многие новообразования с безоценочными суффиксами со значением лица приобретают в медийных текстах отрицательную оценочность, используемую с целью воздействия на массовую аудиторию. Давление, оказываемое журналистом на адресата, провоцирует риски, связанные с возможным неприятием читателем тенденциозной авторской позиции.

Итак, повышенная экспрессивность суффиксальных новообразований, провоцирующая риски нежелательной реакции читателя, может быть связана с семантико-стилистической характеристикой суффикса (*прохановщина, депутатша*), мотивирующей основы (*педерастизация, всепропальщики, прожиратели*), а также с особенностями того контекста (или ситуации), в котором функционирует новое слово. Неверное/неточное восприятие информации возможно в том случае, когда мотивированное слово производится на базе неактуальных имен собственных (*цапковщина*), необщеупотребительной лексики (*мемизация*). В условиях современного медиадискурса отрицательные коннотации получают суффиксальные инновации, обозначающие наименования лиц (*свободовцы, спикерша, единоросска, трамписты*). Резко негативная, рискогенная экспрессивность таких новообразований во многом определяется их контекстуальным окружением, а также обусловлена воздействием экстралингвистических социально-культурных факторов.

2.1.3. Новообразования аффиксоидного типа

Промежуточную, «особую зону словообразования, пограничную между словосложением и аффиксацией» [Земская 2009: 119], занимают аффиксоиды. Аффиксоид (ср. греч. *eidos* – ‘вид’) – ‘похожий на аффикс,

напоминающий чем-то аффикс, имеющий вид аффикса’ [Немченко 1994: 60]. Это гибридный тип морфем, сочетающих в себе значение корневых морфем и регулярность аффиксов.

В.Н. Немченко обращал внимание на то, что в разные периоды языка «функционируют морфемы, находящиеся на определенной стадии перехода, в частности, такие, которые частично сохраняют исконные признаки корней и в то же время приобретают некоторые признаки служебных морфем [Немченко 1994: 60]. В лингвистической литературе отдается предпочтение термину «аффиксоид» (В.В. Лопатин, Р.С. Манучарян, Г.П. Цыганенко и др.), также встречается номинация «полуаффикс» (В.П. Григорьев, Е.С. Кубрякова, М.Д. Степанова и др.). Например, Н.М. Шанский допускает употребление обоих терминов, хотя термин «аффиксоид» представляется исследователю «более удачным, как более отвечающий сущности называемого явления» [Шанский 2005: 93]. Наряду с указанными терминами могут использоваться следующие номинации: словоэлемент, служебная основа, неполнозначная основа и др. [Немченко 1994: 60].

Указание на то, что аффиксоиды генетически восходят к корням, но в процессе функционирования приобретают признаки аффиксов, находим и в более поздних исследованиях: «Особенностью аффиксоидов является то, что, уподобляясь аффиксам по своему положению в слове, в содержательном плане они, будучи «обломками» породивших их слов, наследуют их значение, то есть несут самостоятельную корневую нагрузку» [Левашов 2008: 51].

Аффиксоиды – это морфемы переходного типа, которые занимают промежуточное положение между корнями и аффиксами и обладают признаками тех и других [Николина, Рацибурская 2017: 32]. В учебном пособии Н.А. Николиной и Л.В. Рацибурской к числу суффиксоидов относятся *-вед, -вод, -лог, -ман, -фил, -фоб*, а к числу префиксоидов – *авиа-, авто-, аква-, био-, гидро-, евро-, макро-, мини-, нано-, теле-, фото-* [Николина, Рацибурская 2017: 34].

Лингвисты отмечают, что главное отличие аффиксоидов от корневых морфем заключается в их семантической элементарности и регулярности употребления в «одной и той же относительно простой семантической функции в составе производных слов» [Кушнир 2011: 36].

В диссертационном исследовании мы придерживаемся дефиниции, обозначенной в энциклопедическом издании под редакцией Ю.Н. Караулова «Русский язык. Энциклопедия» (1997): «Аффиксоид (от аффикс и греч. eidos – вид) – компонент сложного или сложносокращённого слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу – суффиксу (для последних компонентов сложений) или префиксу (для первых компонентов); соответственно аффиксоиды подразделяются на суффиксоиды и префиксоиды» [РЯЭ 1997: 43].

Аффиксоиды иноязычного происхождения проявляют словообразовательную активность в текстах общественно-политических изданий, что, в первую очередь, является отражением процесса интернационализации языка. Этот процесс протекает в условиях глобализации мирового пространства, возрастающей международной интеграции, интенсивного развития межнациональных контактов (языковых, социальных, культурных и др.). В пространстве социума появляются новые явления, следовательно, возникает потребность в их номинации. Вместе с тем, наряду с номинативной функцией новообразования с аффиксоидами становятся средством экспрессивизации медиатекстов.

Геополитические факторы повлияли на распространенность префиксоида ***евро-*** (‘европейский’ [АРЯ 2009]): ***Евроармия*** (заголовок). В *Европе может появиться единый оборонный союз – конкурент НАТО* (НВ, 24.10.2016); *Европейцы боятся «**евроракет**»* (заголовок). *Но в срыве договора винят не только США, но и Россию* (НГ, 26.10.2018); *Такой **еврокубковой** осени у российских ее участников еще не было* (НГ, 26.10.2018). Особенная красноречивость присуща новообразованиям, задействованным в создании развернутых метафор: ***Евроловушка*** (заголовок). *Вступил в ЕС – получил проблемы. И поначалу всё действительно шло прекрасно. <…>. Страна вовсю пользовалась **европодачками**, благодаря чему в Португалии появились современные автотрассы, а в экономику потекли дешёвые кредиты* (НВ, 28.01.2019) – негативная оценка дериватов заложена в семантике мотивирующих слов – *ловушка* (перен. ‘опасное место, откуда зачастую нет выхода, где грозит

неизбежная гибель’), *подачка* (‘то, что дается из жалости’) [БТСРЯ 2014]. Посредством новообразований авторы пытаются обличить обманчивую привлекательность проводимой странами ЕС международной политики: *Украинцы копируют польский «**еврорай**». А в нем пусто! Как поляки стали главными «понаехавшими» в Британии* (КП, 26.09.2016) – в контексте дериват приобретает ироническое звучание, связанное с контрастом переносного значения мотивирующей лексемы *рай* (‘хорошие условия для существования’ [БТСРЯ 2014]) и реальным положением дел (миграция поляков). В данном примере противоречит действительности и значение компонента ***евро-***, в сознании носителей языка соотносимое с такими характеристиками, как лучший, высококачественный. В двух последних контекстах отмечается необъективность, предвзятость журналистов в информировании аудитории, их стремление негативизировать образ того, о чем идет речь. Нарушается критерий этичности речи, актуализирующий КР негативного читательского отклика.

Нейтральная топонимическая сема префиксоида ***евро-*** нередко осложняется элементами, негативная окрашенность которых связана с конкретными социополитическими реалиями: *Новый всплеск литовской «**евросвидомости**» похоже, имеет несколько иную природу, чем предшествующие, аналогичные по форме, всплески. Ну, если бы биологическая эволюция пошла вспять, и в стаю дельфинов затесался какой-нибудь допотопный ихтиозавр: вроде бы с виду похож, не отличишь, но ведь — рептилия, а не млекопитающее* (Завтра, 31.01.2017) – производящее *свидомость* является производным от украинизма *свидомые* (‘сознательные, осмысленные’ [ССЛЖС 2014]) – политическое клише, используемое в современных российских СМИ для обозначения с оттенком уничижения сторонников интеграции Украины и Евросоюза. Дериват также приобретает ироничный оттенок благодаря следующей во втором предложении развернутой зоосемантической метафоре; *Потому что за три года «**евромайданной**» власти изначально весьма спорный тезис «Украина — не Россия» приобрёл статус если не аксиомы, то доказанной «правосеками» и прочими «навозами» аксиомы* (Завтра, 14.02.2017) – дериват образуется на базе украинизма *майдан*, вызывающего исключительно отрицательные ассоциации в сознании современных россиян. Дополнительная

пейоративизация значения новообразования происходит в контексте: *сторонники евромайданной власти – правосеки,* они же – *навозы*. В подобном речевом поведении журналистов видим проявление тенденциозности и агрессивности; актуализируется коммуникативный риск нежелательной реакции получателя информации.

Развитие цифровых технологий, проникновение их во все сферы общественной жизни обусловило активизацию префиксоида ***кибер-***, который сообщает деривату значение ‘относящийся к технической кибернетике (автоматической системе управления)’, ‘связанный с использованием компьютеров, компьютерной сети (Интернета), основанный на их применении’, ‘оснащенный, оборудованный компьютерами’ [АРЯ 2009]: ***Киберхранитель*** *государственных тайн* (заголовок) (РБК, 28.07.2017) – о новом начальнике Центра информационной безопасности ФСБ; *Три* ***кибериниципативы*** (заголовок). *Россия предложит в ООН пути решения проблем информационной безопасности* (Известия, 20.04.2018) – об инициативах, направленных на обеспечение информационной безопасности стран; *Как связано дело полковника ФСБ Сергея Михайлова с разоблачением офицеров ГРУ и* ***кибергруппировки*** *FancyBear* (НГ, 08.10.18) – о хакерской группе; *Уроки* ***кибергигиены*** (заголовок). *Наталья Касперская: Как России сохранить цифровой суверенитет* (РГ, 14.03.2018) – о системе мер, направленных на сохранение цифровой безопасности.

Префиксоид ***кибер-*** изначально был необходим для номинации явлений, имеющих отношение к эпохе высокоразвитых технологий, однако журналисты стали активно эксплуатировать его для создания негативно окрашенных обозначений*:* ***Киберпреступник*** (заголовок). *Павел Врублевский: суперагент или жертва ФСБ?* (НГ, 30.11.2012); *Вторжение* ***кибервандалов*** (заголовок). *Роскомнадзор пытается сломать интернет. Как защищаться?* (НГ, 25.04.2018); *Вроде* ***кибершантажа*** *— когда зараженные вирусами компьютеры требуют от пользователей перевода денег на биткоин-кошельки* (НГ, 31.07.2017); ***Кибер-орда*** (заголовок). *В мире действуют не единичные хакеры, ворующие данные кредиток, а мощные преступные группировки* (НГ, 28.06.2017). Экспрессивность новообразований заложена в семантике мотивирующих слов – *преступники, вандалы, шантаж, орда.* Первостепенная задача журналистов – убедить читателя в

том, что все неблагоприятные явления, происходящие в общественном пространстве, постепенно переходят и в пространство интернета, он перестает быть свободным и независимым.

Характер исходных слов может определять оценочность новообразований с актуальными заимствованными префиксоидами. Препозитивный элемент ***нано-*** (греч. nanos – ‘гном, карлик’) указывает на отношение к сфере нанотехнологий, формант активизировался в связи с достижениями современного научного прогресса: ***Наноизоляция*** (заголовок) (НГ, 04.12.2017) – так журналист определяет процесс, когда Россия фактически оказывается отделенной от научно-технических достижений западных стран. Нейтральный префиксоид ***эко-,*** обозначающий явления, относящиеся к области экологии, служит средством оценки благодаря сочетанию с существительным *шок*: ***Экошок*** (заголовок). *В заповедниках теперь можно вести строительство и сдавать землю в аренду* (НВ, 19.09.2016). Новые экспрессивные единицы активно создаются с участием префиксоида ***теле-*** с семантикой ‘телевидение, телевизионный’, а также ‘действующий на дальнее расстояние, осуществляемый на расстоянии’ [СТСРЯ 2006]: *За теми исключениями, когда вопрос не потребует выбора между более серьезными вещами, чем* ***телеболтовня*** (Завтра, 17.01.2019); *Нам показывают в* ***телеящике*** *разухабистых бабёнок в понёвах из занавесочной ткани, а мы презрительно фыркаем в сторону якобы русского народного* (Завтра, 08.10.2015) – мотивирующие *болтовня* (‘многословие, пустословие’) и *ящик* (перен. пренебр. ‘то же, что телевизор’) [БТСРЯ 2014] придают медийным новообразованиям оттенок пренебрежительности. В других случаях происходит обратное: *Впрочем, он старается и в других своих произведениях не снижать градус мракобесия, что, видимо, и позволило голосовавшим назначить Прокопенко главным* ***телепросветителем*** *страны* (НГ, 05.10.2017) – исходное существительное *просветитель* с мелиоративной коннотацией иронически переосмысливается автором, на что указывает и контекст: (*градус*) *мракобесия* (‘взгляды и образ действий мракобесов’ [СРЯ 1981–1984]).

В эпоху постмодернизма актуальными стали дериваты с префиксоидом ***нео-*** со значением ‘новый’ [РГ 1980]. В большинстве случаев этот префиксоид сочетается со словами, которые обозначают негативные (или

негативно переосмысленные сегодня) явления исторического прошлого: *Вы хотите сказать, что россияне в XXI веке готовы стать* ***неокрепостными****?* (МК, 09.10.2014); *Да что там Поклонская – из рук Марии Владимировны приняли «ордена», автоматически дарующие «личное или потомственное дворянство», российские генералы Анатолий Квашнин, Юрий Балуевский, Борис Громов, Владимир Шаманов и ныне покойный Геннадий Трошев. Вот они, «****неодворяне****»! А вы ещё спрашиваете, кто стоит за идеей реставрации монархии – вот все они и стоят* (НВ, 23.05.2016); ***Неокулачество*** (заголовок). *Ударные отряды нового класса бьют политических оппонентов из любви к режиму, и всех остальных, за деньги* (НГ, 20.05.2016). В других случаях новообразования за счет мотивирующих приобретают коннотативную составляющую, которая может быть воспринята в ироническом или пейоративном ключе: *Даже кипрский прецедент 2013 года не пошёл «****необандеровцам»*** *и* ***«необуратинам»*** *впрок* (Завтра, 10.02.2015) – новообразование *необуратины* ассоциативно связано с вымышленным сказочным персонажем, поэтому иронически окрашено, а дериват *необандеровцы* имеет неодобрительную окраску, обусловленную внелингвистическими факторами: *бандеровцы* (или *бандеры*) – сторонники Степана Бандеры, профашистского лидера времен Великой Отечественной войны. *Необандеровцами* в современной публицистике называют участников военно-политических формирований на Украине.

Множество экспрессивных инноваций создается посредством интернационального префиксоида ***крипто-*** (от греч. *krypto* – ‘тайный, скрытый’). Его активность объясняется популярностью неологизма *криптовалюта* – это вид цифровой валюты, создание и контроль за которой базируются на криптографических методах [ССЛЖС 2014]. В некоторых случаях журналисты находят весьма оригинальную форму для использования иноязычного элемента*: Британские банки не подвержены* ***криптостраданиям*** (Коммерсантъ, 24.10.2017) – журналист иронизирует по поводу жалоб британских криптовалютных компаний, вынужденных открывать счета за границей; *О дивный новый* ***криптомир*** (НГ, 22.01.2018) – автор обыгрывает прецедентный текст (название романа-антиутопии Олдоса Хаксли), статья посвящена грандиозному проекту TON братьев Дуровых. По

мнению журналиста, в случае успешной реализации проект радикально изменит ключевые аспекты современной жизни общества.

В отличие от предыдущих компонентов префиксоид ***нарко-*** изначально несет в себе негативную сему: он служит для обозначения ‘предметов и явлений, имеющих отношение к производству, продаже и употреблению наркотиков’ [Крысин 2000]. Логично, что такая противозаконная деятельность осуждается общественностью: *Синтетический* ***наркотрафик****: Украина сделала серьезную заявку на лидерство* (Завтра, 20.02.2018); *«****Нарковорота****» в Соединенные Штаты* (АиФ, 19.09.2018). Предполагаем, что подобные новообразования являются элементами скрытого воздействия, манипуляции: коммуникативное намерение адресанта как бы маскируется под простое информирование, а «языковые средства подбираются таким образом, чтобы вызвать у адресата негативные чувства и эмоции» [КРР 2003: 562-564].

Дериваты с компонентом ***лже-*** с семантикой ‘неистинности, ложности’, с одной стороны, могут обозначать те объекты, деятельность которых порицается членами общества по объективным причинам, поэтому негативная оценка, передаваемая журналистами, уместна: *Прекращена деятельность более 200* ***лжефирм****, участвовавших в его незаконных схемах* (НГ, 14.11.2016); ***Лжебанки*** *атакуют* (заголовок). *Количество выявленных ЦБ кибермошенников выросло в семь раз* (Известия, 12.11.2018). С другой стороны, такие новообразования участвуют в выражении субъективной социальной оценки: *И, наконец, очередной провал* ***лже-либералов*** *— это история про несчастного арбатского мальчика* (Завтра, 13.06.2017); *Нечто похожее Россия уже проходила в 90-е годы. Хищнические и компрадорские замашки* ***лжеэлиты*** *привели к геноциду* (Завтра, 20.09.2016). Наблюдается агрессивная направленность дериватов *лже-либералы* и *лжеэлита*, авторское стремление понизить статус номинируемого в восприятии читателя. Инновации характеризуются рискогенностью (в первую очередь, нарушение критерия корректности): адресат может не согласиться с оскорбительной интонацией, выбранной журналистом, и отказаться от дальнейшего прочтения статьи.

Новообразования с префиксоидами ***евро-, кибер-, нано-, эко-, теле-, нео-, крипто-, нарко-, лже-*** характеризуются эмоциональной

окрашенностью, они активно включаются в политико-идеологическую борьбу, наблюдаемую в медийном пространстве. Экспрессивность инноваций во многом определяется коммуникативной политикой изданий, а также теми событиями, которые происходят в обществе. Предполагаем, что новообразования такого типа могут стать причиной нежелательной реакции адресата, обусловленной эмоциональной перегруженностью фрагментов, которая способна вызвать удручающее впечатление об окружающей действительности у получателя информации.

При использовании указанных выше префиксоидов могут иметь место и другие коммуникативные риски. Например, на волне своей популярности префиксоид ***крипто-*** стал проникать в тексты, совершенно не связанные с компьютерной тематикой: *База флота в* ***криптодолине*** (НГ, 28.02.2018) – поводом для написания статьи послужило заявление В.В. Путина о том, что ошибочно развивать Севастополь исключительно как военную базу. Четких оснований для использования именно этого префиксоида в заголовке статьи нет: в дальнейшем журналист рассматривает инвестиционный климат города, проблемы с предоставлением земельных участков, развитие малого бизнеса и пр. В публикации отсутствует информация о развитии криптовалютных компаний.

Неясность присуща заголовку «*Фокстрот для* ***нанонародной*** *артистки*» (МК, 17.04.2017) – в материале журналист пишет о юбилее Светланы Немоляевой. Непонятно, чем руководствовался автор в процессе создания деривата с префиксоидом ***нано-***, а также, каким образом новое слово соотносится со всем текстом. В указанных примерах высок коммуникативный риск непонимания или неправильного/неточного понимания читателями заголовков, их связи с последующим текстом из-за смысловой неопределенности производных слов.

В следующем фрагменте адекватной интерпретации всего медийного сообщения препятствует избыточная метафоричность, формирующая экспрессивность нового слова: ***Еврофлюс****, надутый под давлением американской администрации, созрел* (НВ, 16.03.2015) – журналист в целях экспрессии обращается к семантическому полю, имеющему отношение к теме «болезни» общества (государства, политического строя). Такое эмоциональное физиологическое сравнение имеет мощное

негативизирующее воздействие, но, по нашему мнению, подменяет собой реальные факты, которые могли бы подтвердить авторскую позицию; провоцируется риск неполного/неточного понимания медиатекста реципиентом.

Представлены в медиатекстах новообразования суффиксоидного характера. Постпозитивные заимствованные морфемы позволяют журналистам создавать емкие номинации, избегая сложносоставных конструкций, затрудняющих восприятие текста. Но используются они не только для номинации объектов, лиц, явлений или событий, но и для их оценочной характеристики.

Так, возросла продуктивность заимствованного суффиксоида ***-гейт***, у которого «в качестве этимона в словаре АРЯ приведено существительное *Уотергейт* ‘политический скандал в США (в 1972-1974 гг.)’» [Зеленин 2012: 281]. Производные лексемы обозначают громкий политический скандал, запутанное дело, чаще всего связанное с именем главного действующего лица, с названием фигурирующей в деле организации или с местом события: *Чем закончился* ***Сердюковгейт*** (СС, 10.03.17) – на базе антропонима А.Э. Сердюков; ***Башнефтегейт*** (заголовок). *Скандал с «Башнефтью» и «Лукойлом» продолжается* (НВ, 26.10.2018) – на базе аббревиатурного наименования нефтяной компании «Башнефть»; ***Алтайгейт*** (заголовок). *Последняя глава* (НГ, 17.02.2017); ***Чечен-гейт*** (заголовок). *Как следователи доказали, что в Чечне пытали и убивали геев и почему не стали возбуждать уголовное дело* (НГ, 24.12.2018) – на базе топонимов Алтай и Чечня. Зафиксирован случай, когда мотивирующим словом стало название фармакологического препарата: ***Мельдонийгейт*** (заголовок). *Допинг-скандал с российскими спортсменами – заговор Запада или собственная беспечность?* (НВ, 14.03.2016). Исследователи говорят о манипулятивной природе дериватов с компонентом ***-гейт***: «Размытость лексических значений названий скандалов с этим суффиксоидом делает их весьма удобным средством создания ложных аллюзий при манипуляции общественным мнением, активно осуществляемой СМИ» [Коряковцева 2018: 22]. Повышенная активность таких новообразований, связанных с провокационным, аморальным поведением представителей правящей элиты, приводит к нагнетанию негативной информации в текстах СМИ, что в целом

способно оказать удручающее воздействие на массовую аудиторию; вновь провоцируются риски социального характера.

Итак, новообразования, произведенные путем аффиксоидации, участвуют как в обозначении актуальных общественных явлений, так и в формировании отношения к ним. Признавая воздействующий потенциал таких инноваций, нельзя не отметить негативные моменты функционирования их в медиатекстах, провоцирующие коммуникативные и социальные риски: повышенная экспрессивность, агрессивность номинаций (*евросвидомость*, *лже-либералы),* проблемы с определением денотата нового слова (*криптодолина*, *нанонародный*), доминирование негативно окрашенных лексем в медийных текстах (*Чечен-гейт*), их избыточная метафоричность (*еврофлюс*).

2.1.4. Новообразования, созданные путем сложения

Анализ медиатекстов показывает, что аффиксации по степени продуктивности не уступает такой способ словообразования как сложение или композиция (лат. composition - ‘сложение’). Сложение – один из распространенных способов образования новых слов, в большинстве своем имен существительных и прилагательных. Это нетипичный способ образования глаголов и наречий [Земская 1973: 296-297].

В образовании композитов могут участвовать как самостоятельные знаменательные лексемы, так и отдельные морфемы: «Сложение представляет собой такой способ морфологического словообразования, с помощью которого новое слово создается путем объединения в одно словесное целое двух или более основ или слов» [Шанский 2005: 269]. Сложное слово – это лексическая единица, содержащая не менее двух живых с точки зрения современного русского языка корневых морфем, построенная по соответствующей деривационной модели [Важина 2013: 7].

Способы образования слов, имеющих более чем одну мотивирующую основу, классифицируются исследователями по-разному: сложение (чистое сложение), смешанный способ словообразования, сращение, аббревиация [Лопатин 1973]; чистое сложение (словосложение, слияние, сложносоставной способ и аббревиация) и смешанные способы образования сложных слов (сложно-суффиксальный, префиксально-сложный, префиксально-сложно-

суффиксальный и сложно-флексийный) [Немченко 1984]; чистые способы образования сложных слов (сложение и сращение) и смешанные способы (сложно-суффиксальный способ) [Улуханов 1996]; аффиксальный чистый, аффиксальный комбинированный, безаффиксный способы (словосложение, сложносоставной способ) [Николина, Фролова, Литвинова 2005].

В медийных текстах представлены новообразования, созданные следующими способами: сложносоставной способ (1), чистое сложение (2), сложение с участием аффиксов (3).

1. Вслед за Е.Н. Важиной, сложносоставным дериватом будем считать производное слово, образованное сложением целых слов и имеющее дефисное написание [Важина 2013: 7]. Современные медийные тексты пестрят сложносоставными новообразованиями, первый компонент которых несклоняем и, как правило, имеет англо-американское происхождение. Их широкое распространение в речи Н.А. Николина связывает с усилением тенденции к аналитизму (*бизнес-клуб, Горбачев-центр, попкорн-аппарат* и др.) [Николина, Фролова, Литвинова 2005: 102].

Всемирная экспансия Интернета породила множество сложных дериватов с первой корневой частью ***интернет-***: *Представители* ***интернет-индустрии*** *приветствуют смягчение антиэкстремистского законодательства* (Коммерсантъ, 04.10.2018). Авторская оценка освещаемого явления может быть заложена в семантике мотивирующих слов: *Как и зачем организуется* ***интернет-травля*** (НГ, 22.10.2018); *Навстречу* ***интернет-феодализму*** (СС, 29.07.2013); *Что такое* ***интернет-пиратство****?* (АиФ, 08.02.2012) – существительные *травля, феодализм, пиратство* имеют отрицательные коннотации, которые они сообщают и производным словам. В других случаях экспрессия создается контекстуальным окружением деривата: *У* ***интернет-популистов****, для которых самым злобным врагом долгое время были лозунги Навального, сейчас рвётся шаблон* (Завтра, 13.09.2018) – негативное отношение формируется словосочетанием, заимствованным из сферы психологии (*разрыв шаблона* – ‘разрушение устоявшихся представлений’).

Масштабная компьютеризация населения привела к распространению в прессе композитов агглютинативной структуры с компонентами ***онлайн-*** и ***офлайн-:*** *Главы ведущих рекламных компаний представят свой взгляд на*

развитие рынка, расскажут об актуальных тенденциях, рассмотрят стратегии продвижения в ***онлайн-средах*** *и* ***офлайн-средах****, обсудят вопросы государственного регулирования* (АиФ, 05.09.2017); *Но избавиться от* ***онлайн-«троллей»*** *очень легко; а вы попробуйте забанить «тролля» офлайн* (АиФ, 08.02.2012); *Как позднее рассказала полицейским мать* ***онлайн-наркобарона,*** *ее сын с детства вел довольно уединенную жизнь* (НВ, 03.11.2015). В первом примере задача новообразований обозначить то, о чем идет речь – момент нахождения (*онлайн*) или отсутствия (*офлайн*) в Интернете. Два других примера оценочны, так как дериваты созданы на базе экспрессивно-маркированных единиц (*тролли, наркобарон*).

В образовании новых слов проявляет продуктивность иноязычное производящее ***пиар-*** (от англ. Public Relations (PR) – ‘связи с общественностью’), кириллически освоенное: *На самом деле все эти медийные полиграфы полиграфычи выполняют две важные для Кремля* ***пиар-задачи*** (НГ, 15.02.2017); *Конечно, само нашествие рыбацкой армады на Лондон тоже было весьма дешёвым* ***пиар-трюком*** *изоляционистов в духе того цирка, который был устроен в России с «забастовкой дальнобойщиков»* (Завтра, 30.06.2016); *Кремль дал Западу замечательную возможность объяснить, что случилось с «умеренной исламской оппозицией», –* ***пиар-фантомом****, который существовал только на страницах The Washington Post и Guardian* (НГ, 12.10.2016); ***Пиар-банкиры*** (заголовок). *Зачем Агентство по страхованию вкладов ввело общественность в заблуждение, объявив об аресте замка Шато де Гаро в Ницце?* (НВ, 17.06.2013).

Сложные новообразования с заимствованными компонентами ***интернет-, онлайн-/офлайн-, пиар-*** сегодня знакомы многим читателям, их присутствие в медиатекстах чаще всего оправдано их тематикой и, как правило, не вызывает помех, сбоев в процессе коммуникации. Однако бесконтрольное проникновение таких слов в медийное пространство может оказать отрицательное влияние на речевую культуру общества в целом: «…использование чужих слов превращается в увлечение, в моду в ущерб собственному языку и культуре» [Тарланов 2008: 48].

При создании сложносоставных дериватов в качестве первых компонентов активно используются аббревиатуры: ***ВИП-кочевники***

(заголовок). *Как российские чиновники целыми командами мигрируют с одной должности на другую, при распределении госконтрактов не забывая земляков и бывших коллег* (НГ, 17.09.2018) – от английской аббревиатуры VIP (very important person – ‘очень важная персона’), автор явно иронизирует по поводу положения современных чиновников, сравнивая их с народом, ведущим кочевой образ жизни; *О выборах вообще как будто забыли, сегодня на повестке дня — пожар в Калифорнии, британская политика,* ***ЛГБТ-беженцы*** *в караване мигрантов и столкновения в Палестине* (Завтра, 04.12.2018) – в данном случае на иронию, которая может быть расценена читателем как отступление от этических норм, работает объединение семантики двух исходных слов – *ЛГБТ* (обозначение сексуальных меньшинств) и *беженец* (‘человек, покинувший место своего жительства вследствие какого-л. бедствия’ [СРЯ 1981–1984]); ***ПАСЕ-мазохизм*** (заголовок). *Почему Россия не выходит из Совета Европы?* (НВ, 06.07.2015) – в заголовке используется оценочный дериват, также противоречащий нормам этики: автор объединяет аббревиатуру, номинирующую один из главных уставных ведомств Совета Европы (Парламентскую ассамблею Совета Европы), и существительное *мазохизм* (‘получение морального удовлетворения от причинения себе нравственных страданий; самоистязание’ [БТСРЯ 2014]). Встречаются и сложносоставные слова с участием трех компонентов, один из которых представлен аббревиатурой: ***ЛЭП-топ-хакеры*** (заголовок). *Крыму опять перерезали провода с Украины* (Коммерсантъ, 21.11.2015) – аббревиатура сочетается с неологизмом *топ-хакеры*, где иноязычный префиксоид ***топ-*** вносит в новообразование семантику ‘лучший’.

Риск неточного или неверного понимания отаббревиатурных композитов может быть связан с использованием в их составе малоизвестной аббревиатуры, не расшифрованной автором в тексте статьи. Риск нежелательной реакции реципиента могут провоцировать композиты, обладающие выраженной негативной оценочностью: они противоречат критериям уместности и этической приемлемости речи.

Процесс снятия запрета на освещение ранее табуированных тем демонстрируют инновации с компонентами ***секс-, гей-, порно-***: ***Секс-скандал*** *по-демократически* (НГ, 02.11.2016); *Дуэт тульских сутенеров отсидит на*

двоих 8,5 лет за отлаженный ***секс-трафик*** (МК, 11.10.2018); *Если верить телеграмм-каналам, за «****секс-зачисткой****» топа «Газпрома» мог стоять не кто-нибудь, а вездесущий Роскомнадзор* (НВ, 19.12.2018); ***Секс-инквизиция*** (заголовок). *Юлия Латынина: нынешние процессы о харассменте полностью нарушают презумпцию невиновности. Мужчина стал заложником женщины* (НГ, 10.11.2017); *Лазарев на «Евровидении» — это был Наш Человек в Гаване. Штирлиц в стане врага. Диверсант, заброшенный с парашютом в* ***гей-логово*** (НГ, 18.05.2016); *Так сказать, стать главным* ***гееборцами*** *Северного Кавказа. Однако все это привело только к большой смуте в республиках СКФО и международным скандалам* (НВ, 25.12.201); ***Порнополитический процесс*** (заголовок). *Как Навальный добился своей цели, хотя тех, кого он критикует, принято не сдавать* (НГ, 12.02.2018); *Но все же оппозиционер сумел сделать из* ***порноромана*** *новость, оттеснившую на задний план официальную президентскую кампанию* (НГ, 12.02.2018). Такие новообразования нарушают критерий этической приемлемости речи, актуализируя риск нежелательной реакции адресата. Активно вовлекаясь в словообразовательные процессы, такая лексика, в сущности, утрачивает этические ограничения, становится средством осмысления окружающей действительности, что имеет явные негативные последствия социального характера.

Этот же коммуникативный риск отмечается в случаях, когда сложносоставные дериваты обладают выраженной экспрессивностью за счет семантики одного из мотивирующих слов: *Единственным бенефициаром этих бомбардировок является Башар Асад. Он является нетто-бенефициаром. Мы являемся* ***брутто-лузером*** (НГ, 12.10.2016) – от существительного *лузер* (жарг. ‘неудачник, невезучий человек’ [ССЛЖС 2014]); ***Хурма-банк*** (заголовок). *Навязанные услуги становятся визитной карточкой Сбербанка и ВТБ?* (НВ, 09.04.2018) – производящий сленгизм *хурма* используется в значении ‘неприятность, неудача’ [ССМЖ 2006]; ***Быдл-класс*** *поднялся с колен* (заголовок). *Почему насилие стало нормой для российского общества* (НГ, 30.08.2017) – стилистически отмеченным является мотивирующее *быдло* (бран. ‘о тупых, безвольных людях, покорных насилию’ [БТСРЯ 2014]); *Куски такого государства приятно и полезно забирать себе — и все, кроме* ***морлоков-бандеровцев****, будут этому только*

рады (НГ, 02.10.2017) – негативную семантику имеют оба мотивирующих: *бандеровцы* ввиду культурно-исторических причин, *морлоки* – перен. ирон. ‘пролетарий’ [БТСРЯ 2014]. Журналисты в достаточно категоричной форме пытаются навязать адресату негативное отношение к референту высказывания. Агрессивное речевое поведение, не подкрепленное реальными фактическими данными, а основанное только на эмоциях, вполне может обернуться негативной оценкой самого адресанта.

2. Чистое сложение в «Русской грамматике» определяется как «способ образования слов, при котором опорный (последний) компонент равен целому слову, а предшествующий ему компонент (или компоненты) представляет собой чистую основу» [РГ 1980: 137]. Для слов этого словообразовательного типа характерны три основных признака: 1) наличие соединительного компонента (интерфикса); 2) закрепленный порядок слов; 3) единое ударение. Слова, образованные способом чистого сложения, обладают соединительной семантикой, сущность которой сводится к объединению значений составляющих сложную основу мотивирующих основ в одно целостное сложное значение [РГ 1980].

Автор может передавать свое неодобрительное отношение к освещаемому событию благодаря объединению таких слов, сочетание которых противоречит законам логики: *У Австрии* ***бородато-женское*** *лицо* (МК, 19.05.2015) ← *бородатый + женский*; ***Окончательно-промежуточное*** *решение* (заголовок). *Почему «Газпрому» и «Нафтогазу» нужно научиться улыбаться друг другу* (Коммерсантъ, 29.12.2017) ← *окончательный + промежуточный*; *Несмотря на некоторую комичность спецопераций по разоблачению «****зефирно-маникюрных*** *притонов», граждане от такой активности ФНС серьезно нервничают и изобретают новые способы оставаться в тени* (НГ, 05.12.2018) ← *зефирный + маникюрный*. В отдельных случаях реализацией словотворчества становится возникновение сложных прилагательных, созданных на базе трех и более компонентов: *Опять же сравните эти соглашения с постоянными* ***молочно-таможенно-морковно-сметанно-газовыми*** *войнами, которыми занимается Кремль, принимая мелкое хулиганство в песочнице за большую геополитику* (НГ, 19.11.2014). Дериват образуется при помощи интерфикса ***-о-*** на базе пяти адъективных основ. Прослеживается критическое отношение создателя

текста к действиям власти в санкционном противостоянии России и стран Запада. Экспрессивность деривата создается за счет алогичного сочетания – в одном ряду расположены такие явления, как *молоко, таможня, морковь, сметана, газ*, а также усиливается посредством комичного сравнения (*геополитика* – это *мелкое хулиганство в песочнице*).

Следующий композит, взятый в качестве заголовка, обладает полиинтерпретативной семантикой: ***Трампооткат*** (заголовок). *Почему Трамп то грозит России, то извиняется?* (НВ, 04.05.2018). Негативная оценочность деривата обусловлена жаргонной маркированностью производящего *откат*: одно из значений существительного – ‘взятка должностному лицу’ [ССМЖ 2006]. По заголовочному комплексу сложно определить, каким образом исходное *откат* соотносится с именем собственным, обозначающим президента США Дональда Трампа. Констатируем наличие риска полного непонимания/неправильного/неточного/не совсем полного понимания высказывания.

Как отмечают исследователи, «подавляющее большинство сложных слов, появляющихся в современных СМИ, создано узуальными способами без нарушений словообразовательных норм» [Рацибурская 2006: 133]. При этом композиты способны нарушать (и нарушают) нормы коммуникативно-прагматические. В следующих примерах рискогенная экспрессивность именных и адъективных композитов обусловлена резко негативной семантикой мотивирующих слов, а также тем контекстом, в который помещается новое слово: *Однако оценки, аналогичные оценкам православных людей, дают данному мероприятию и влиятельные* ***дьяволопоклонники****, хотя они, конечно, оценивают шабаши, происходящие в ночь с 31 октября на 1 ноября, вполне позитивно* (Завтра, 01.11.2017) ← *поклонники дьявола*; ***Нефтесвара*** (заголовок). *Чем чреват для России ближневосточный конфликт* (НВ, 25.01.2016) ← *нефтяная свара* (разг. ‘шумная перебранка, брань, ругань’ [ТСРЯ 2008]); *С точки зрения экспертного совета, они оказались менее достойными, чем, например, «Рецепты сотворения мира» Андрея Филимонова, где о Великой Отечественной войне говорится в* ***бодро-похабном*** *тоне* (Завтра, 09.12.2018) ← *бодрый* + *похабный* (‘непристойный, бесстыдный’ [СРЯ 1981–1984]); *Далее немного* ***маньячно-фашистской***

философии (НГ, 16.02.2017) ← *маньячный* (‘свойственный маньяку’) + *фашистский* (‘свойственный приверженцу фашизма’) [СРЯ 1981–1984]; *Вот на этот раз «посчастливилось» услышать от* ***чертоподобных*** *эховцев стенания по поводу открытия Крымского моста* (Завтра, 20.06.2018) ← *подобный черту;* ***Бытовухосклочного*** *мусора в головах <…> достаточно, чтобы на этом биотопливе закрутился и стремительно начал набирать обороты маховик исторического отторжения* (Завтра, 08.12.2016) ← *бытовуха* (просторечный субстантив с суффиксом ***-ух(а),*** имеющий оттенок сниженности) + *склочный* (разг. ‘склонный к склокам’ [СРЯ 1981–1984]). Очевидна нацеленность новообразований на информационную борьбу между враждующими объединениями. Авторы используют площадку СМИ для транслирования наиболее выгодных для них мнений и позиций, у читателя нет альтернативных точек зрения для адекватной и беспристрастной интерпретации изложенного, что следует признать нарушением сразу трех критериев нормативности – уместности, эстетической и этической приемлемости высказывания.

Рискогенность другого новообразования-заголовка, обладающего негативной оценочностью, связана также с тем, что посредством нового слова неодобрительно характеризуется конкретное лицо, стоящее во главе дружественного России государства: ***Хитробатька*** (заголовок). *Лукашенко хочет печатать у себя российские рубли, но не хочет дружить с Россией* (НВ, 10.11.2014) ← *хитрый батька*, то есть глава, ‘скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-л.’ [БТСРЯ 2014]. Подобные дериваты не содействуют гармонизации социально-политических отношений. Кроме того, они неприемлемы с позиций этических принципов журналистики.

Новообразования с компонентами ***-ман(ия), -фоб(ия)*** также участвуют в выражении авторских оценок. Как правило, такие дериваты акцентируют внимание читателей на отрицательных явлениях в социуме. Компонент ***-ман(ия)*** может иметь значения: ‘сильное влечение, пристрастие к чему-н.’, ‘болезненная склонность к чему-н.’ [Крысин 2000]: *Так что у* ***стягомании*** *есть резон* (АиФ, 20.09.2017); *Это могут быть и другие зависимости, менее опасные, за которые не сажают в тюрьму:* ***рыбалкомания, спортомания, гурмания, сексомания*** *и так далее* (АиФ, 07.12.2011). В политическом

дискурсе распространены дериваты с этим компонентом, мотивированные именами собственными. В этом случае актуализируется второе значение компонента: *Я осилила лишь фрагмент дня, посвященный феномену* ***путиномании*** (НГ, 24.06.2015); ***Клинтомания*** (заголовок). *Почему публикация переписки Хиллари Клинтон снизила её кандидатский рейтинг* (СС, 17.09.2015); *Нынешняя массовая «**трампомания**» в российском политическом истеблишменте, особенно — в её державно-патриотическом крыле и не менее массовая «**трампофобия**» со стороны отечественного «либерального сообщества»* (Завтра, 03.12.2016). Последний пример показателен тем, что строится на противопоставлении дериватов-антонимов: ***-фоб(ия)*** имеет противоположное компоненту ***-ман(ия)*** значение – ‘нетерпимость, боязнь чего/кого-либо’ [Крысин 2000].

В медийном дискурсе компонент ***-фоб(ия)*** эксплуатируется регулярно, наглядно репрезентируя взаимоотношения между конфликтующими сторонами: ***Христофобия*** (заголовок). *Протоиерей Димитрий Смирнов о скандале на радио «Культура»* (Завтра, 20.06.2018); *Самого-то Путина нет, а обложки западных изданий при этом пестрят его портретами. Что это, как не* ***путинофобия****?* (НГ, 08.04.2016); ***ГМО-Фобия*** (заголовок). *Почему в России не регулируются продажи генно-модифицированной продукции* (НВ, 14.01.2013); ***Фейкофобия*** (заголовок). *Что ждет россиян после принятия Госдумой закона о фейковых новостях* (НВ, 07.03.2019).

Популярность компонентов ***-ман(ия)*** и ***-фоб(ия)*** в медиатекстах при событийном информировании населения, предполагающем журналистскую объективность и отстраненность, демонстрирует воздействующую направленность сообщений, стремление создателей текстов формировать мнение читателей и управлять их поведением в своих личных интересах. Коммуникативный риск (возможность отрицательной реакции реципиента сообщения) сопрягается с рисками социальными: невозможность гармонизации коммуникативного процесса, адресант постоянно напоминает аудитории о психологических проблемах общества, членом которого является читатель.

3. Сложение в сочетании с суффиксацией (суффиксально-сложный способ) – способ словообразования, при котором сложение мотивирующих основ сопровождается присоединением суффикса.

Повышенный уровень рискогенности отмечается в том случае, когда подобные сложносуффиксальные дериваты образуются от жаргонных и грубо-просторечных слов (словосочетаний): ***Мочемордный*** *мессия* (заголовок). *Майданная, как и большевистская беспощадно насильственная украинизация в Малороссии сделала не только саму «украинскую идею» омерзительной, но и выбрала для этого нравственно распущенных мессий* (Завтра, 09.10.2015) – прилагательное создается путем сложения компонентов словосочетания *мочить морду* (*мочить* – жарг. ‘бить’ [ССМЖ 2006]) и добавления суффикса ***-н(ый)***. Показателен подзаголовок материала, в котором прослеживается дальнейшая инвективизация экспрессивного заголовка с участием новообразования: *украинизация беспощадно насильственная, идея омерзительная, мессии нравственно распущенные*. В другом фрагменте экспрессивный дериват образуется путем сложения компонентов инвективного словосочетания *наглая морда* и нулевой суффиксации: *Ругаем* ***нагломордые*** *СМИ, а ведь как все наглядно – ложь, лицемерие, подлость, достоинства, стойкость, верность отеческим идеалам и духовным принципам* (Завтра, 08.12.2016). На усиление негативной экспрессивности нового слова также работает его контекстуальное окружение.

Итак, инвективные, просторечные и жаргонные лексемы активны в производстве экспрессивных композитов, и чаще всего именно они определяют рискогенность медийных новообразований рассматриваемого способа (*морлоки-бандеровцы*, *нефтесвара*, *мочемордный, чертоподобный*). Особенно это заметно, если экспрессивизации дериватов способствует их контекстуальное окружение. Но наряду с излишней негативной экспрессией, вносящей в медиатекст коммуникативный дискомфорт, композиты могут допускать неопределенность трактовок семантики слова или выражения (*трампооткат, ЛГБТ-беженцы*). В этом случае интерпретация нового слова невозможна без прочтения медийного текста.

2.2. Медийные новообразования нестандартной словообразовательной структуры

Е.А. Земская справедливо назвала рубеж XX–XXI вв. «веком окказионализмов», понимая под окказионализмами слова, при образовании

которых «произошло нарушение действующих в языке законов производства тех или иных единиц» [Земская 1973: 229]. К подобным дериватам учёные относят новообразования, созданные с нарушениями условий словообразовательного типа, а также новообразования, созданные по окказиональным моделям словообразования или с помощью окказиональных способов словообразования. Дериваты, нарушающие словообразовательные стандарты, обладают огромным воздействующим потенциалом, обусловленным их широкими экспрессивными возможностями: «Окказионализмы, созданные специфическими способами, – необъятный резерв экспрессивности. Эта экспрессивность – в их незаданности и неожиданности, в эффекте рождения сложного художественного образа» [Намитокова 1986: 140]. Подобная окказиональная деривация активно изучается в трудах Л.В. Рацибурской (язык СМИ), С.В. Ильясовой (язык рекламы), Н.А. Николиной (язык художественной литературы) и многих других современных исследователей.

Новообразования нестандартной словообразовательной структуры наиболее ярко демонстрируют процесс интенсификации рискогенности в медийных текстах. Поиск новых выразительных форм неизменно привлекает создателей текстов, толкает их на неоднозначные с точки зрения культурно-речевых норм словообразовательные эксперименты.

2.2.1. Новообразования, созданные с отклонениями от условий словообразовательного типа

Деривационные процессы порождают огромное количество оценочных новообразований в текстах СМИ, что «проявляется в возрастании продуктивности традиционных словообразовательных категорий и способов словопроизводства, в вовлечении в сферу словообразования новых производящих основ, в различных отклонениях от словообразовательной модели» [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015: 36].

При создании нового слова может отмечаться изменение характера мотивирующей основы: дериват образуется от основы иной семантики или иных лексико-грамматических свойств, чем определяют условия словообразовательного типа (СТ).

Например, окказиональные наречия *квартирно* и *печатно* образуются от относительных прилагательных *квартирный* и *печатный*, а по правилам наречия образуются только от прилагательных качественных: *Журналистка продолжала пристально следить за тем, что пишу я и некоторые мои коллеги и, наконец, на основании своего анализа наших записей в соцсетях* ***печатно*** *обвинила «продвинутых московских словесников» в слишком большом интересе к делу Надежды Савченко при полном равнодушии к ситуации с русским языком в национальных республиках* (НГ, 02.07.2016); ***Квартирно*** *жить не запретишь* (заголовок). *Как чиновники и депутаты отчитались о своих доходах* (Коммерсантъ, 14.04.2018) – в последнем примере оценочность деривата *квартирно* возрастает за счет использования прецедентного текста – устойчивого выражения *красиво жить не запретишь*. В заголовке автор фактически делает иронически-уничижительный вывод о недобросовестности чиновников и депутатов, что может стать причиной не только коммуникативных, но и социальных рисков (например, судебный иск к изданию о защите деловой репутации).

При словообразовании с участием онимов могут нарушаться системные семантические (лексико-грамматические) ограничения в сочетаемости морфем. Так, характер производящей основы меняется в существительных со значением ‘процессуальности’ с суффиксом ***-(из)ацij(а)*** – вместо имени нарицательного используется имя собственное. В подобных случаях могут возникать риски, связанные с невозможностью правильного восприятия сообщаемой информации: ***Динамизация*** (заголовок). *Совместительство и «пацанство» — два основных тренда российского хоккея последнего времени, похоже, себя окончательно исчерпали* (НГ, 06.04.2015) – производное от названия хоккейного клуба «*Динамо*». Семантизация новообразования в заголовке «*Карманный брокер: «**уберизация**» на биржевом рынке»* (Известия, 22.11.2018) может вызвать значительные сложности у российского гражданина. Для адекватного понимания текста читателю необходимо знать, чем конкретно прославилась американская международная компания Uber, и как методы, придуманные и реализованные Uber, стали использовать другие организации. Поскольку соответствующих пояснений в статье нет, констатируем наличие КР полного непонимания/неверного понимания медийного текста.

Нарушение семантической сочетаемости морфем обусловило появление следующего окказионального экспрессива, выражающего авторское неодобрение: *За это время на действующего президента налипли надежды, ожидания,* ***мечталки*** *этой самой гламур-элиты, рассчитывавшей с помощью него легко избавиться от постылого Путина* (Завтра, 24.12.2011). Суффикс ***-лк(а)*** сочетается с основами глаголов, называющих физические действия (ср.: *веялка, молотилка, сеялка* и др.) [РГ 1980]; производящий глагол *мечтать* к данной группе не относится.

Системные отклонения также могут касаться словообразовательного форманта. Экспрессивность следующих новообразований обусловлена наличием «нетипичного» словообразовательного форманта, что создает трудности при восприятии адресатом содержания заголовка или текста в целом: ***Ядовый*** *потенциал* (заголовок). *Лондон устал от загадочных отравлений русских* (НГ, 11.09.2017) – словообразовательные правила предписывают использовать другой суффикс ***-овит-*** (*ядовитый*); *Поэтому, я думаю, голоса записных критиканов,* ***нано-пятой колонны*** *— ибо больше перспектив у нас этой «пятой колонны» нет – они будут присутствовать в общей какофонии* (АиФ, 07.03.2014) – в данном случае префиксоид ***нано-*** семантически связан с устойчивым выражением «*пятая колонна*» (‘вражеская агентура внутри страны’ [ФСРЯ 2007]). Автор иронизирует по поводу несостоятельности действующего лагеря оппозиционеров.

Новообразования *мечталки* и *нано-пятая* (*колонна*), созданные с отклонениями от условий СТ, обладают повышенной экспрессивностью, обусловленной условиями их функционирования: в контексте присутствуют негативно оценочные характеристики (*гламур-элита, записные критиканы* и др.); журналисты рискуют вызвать неодобрение читательской аудитории.

Отступления от словообразовательного типа, связанные с характером производящего слова, демонстрируют очень популярные у журналистов дериваты на базе антропонимов. Использование антропонимов в качестве производящих связывается с прагматическими задачами: за дериватами закрепляются определенные коннотации, которые помогают автору реализовать воздействующую функцию медиатекста. Н.И. Клушина определяет две основные тенденции в функционировании антропонимов в современном газетном языке – это экспрессивная игра со словом и его

идеологическое использование, «когда антропоним становится оценкой (часто противоречащей сложившемуся в обществе этическому канону), является грозным оружием в умелых руках журналиста» [Клушина 2002а: 53]. По мнению ученого, в случае идеологического использования антропонимов, что более характерно для СМИ современности, основную роль начинает играть оценка (политическая, идеологическая), превращающая имя собственное в ярлык. Именно поэтому считаем, что такие новообразования в медийных текстах способны провоцировать КР негативной реакции получателя информации.

Новообразования на базе антропонимов редко имеют нейтральную тональность: «Они всегда оценочны, «насыщены» отношением к обозначаемому имени. Причем оценки могут быть разными и зависят от того, кто создает слова – сторонники или противники именуемого. Но в большей своей части оценки все-таки отрицательные, часто с ироническим подтекстом, даже с насмешкой» [Валгина 2001: 152]. Следовательно, появление таких инноваций в корпусе газетных текстов рискогенно, зачастую демонстрирует эмоциональную несдержанность, предвзятость журналистов: ***Сечинизация*** *«Газпрома»* (заголовок). Г*лава Роснефти предложил лишить «национальное достояние» экспортной монополии* (НГ, 06.06.2014) – мотивирующим для суффиксального деривата выступает антропоним *И.И. Сечин* (главный исполнительный директор нефтегазовой компании ПАО «НК Роснефть»); *Не случайно многие на Западе, в том числе председатель Европарламента Мартин Шульц, предостерегают от* ***путинизации*** *Польши* (НГ, 11.05.2016); ***Мазепенизация*** *Украины* (заголовок). *Мазепенцы, фашисты, националисты...* (Завтра, 16.07.2015) – от имени национального героя Украины *И.С. Мазепы.* Негативная окраска дериватов во многом соотносима с фоновыми знаниями российского общества.

Коннотация пейоративности выражается в отантропонимических дериватах с суффиксами ***-ёнок/-ята***: *«Предпенсионные»* ***навальнята*** *и Вольфович* (заголовок). *В Москве юные борцуны собрались на Пушкинской площади* (Завтра 09.09.2018); *Злобный скрипаль в чёрном плаще и чёрном трико посрамлён и в страхе убегает. Его преследуют маленькие* ***скрипалята****, среди которых выделяется* ***скрипалёнок*** (Завтра, 12.09.2018).

Для создания выразительного образа журналист намеренно нарушает словообразовательные правила: мотивирующей основой в типе существительных с данными суффиксами со значением невзрослости [РГ 1980] становится имя собственное, что является системным отклонением от условий СТ.

Для имен собственных не характерна ни семантика противоположности, ни семантика интенсивности, превосходства, следовательно, словообразовательный стандарт нарушается при создании следующих дериватов, вынесенных в заголовки статей: ***Антисталин*** (НГ, 30.06.2017); ***СуперПутин*** *и плач генералов* (Завтра, 06.03.2018). Пополняется группа адъективных новообразований с семантикой неприятия, противостояния деятельности человека, чье имя является опосредованно через прилагательное мотивирующим: *Можно выделить два фундаментальных фактора* ***антитрамповской*** *ненависти* (Завтра, 05.03.2017); *Понятно, что поставленный в такие рамки президент «Украины», оставив у себя «в тылу» практически готовый* ***«антипорошенковский»*** *мятеж, бросил всё и полетел в США, надеясь вымолить для себя — на любых условиях — продление президентских полномочий* (Завтра, 19.09.2017).

Согласно «Русской грамматике», иноязычный суффикс ***-инг*** при производстве существительных с процессуальным значением вступает в деривационные отношения с глагольными основами (*тренинг, крекинг, форсинг* и др.) [РГ 1980]. В медийных новообразованиях заимствованный формант сочетается с именами собственными: *Российские блогеры даже придумали термин* ***«Псакинг»*** *и употребляют его тогда, когда человек делает безапелляционные заявления, при этом путает факты и обходится без последующих извинений* (АиФ, 20.02.2015) – от имени собственного *Дженнифер Псаки* (экс-помощник президента США); *Поэтому скорый суд не ставит точку в расследовании. Оно будет продолжаться. Впрочем, его успех будет во многом зависеть от эффекта* ***«кадыринга»*** (НГ, 01.02.2016) – от имени собственного *Р.А. Кадыров* (действующий Глава Чеченской Республики); *То есть в переводе: некоторые из групп использовали полученные ими гранты на оплату протестов против Трампа. То есть часть этих беззаветных протестов были* ***«обаминги»*** (НГ, 13.03.2017) –

протесты, организованные сторонниками политики Барака Обамы; *Лекция была более чем актуальна, поскольку некоторые ученики этой гимназии участвовали в местных* ***«навальнингах»*** (Завтра, 13.08.2017) – имеются в виду протестные акции, связанные с оппозиционером Алексеем Навальным; *От* ***«пехтинга»*** *к дронам* (заголовок). *За десять лет из блогера «Живого журнала» Алексей Навальный превратился в хозяина собственной медиаимперии* (НГ, 16.02.2018) – производное от имени собственного *В.А. Пехтин* (бывший депутат Государственной думы).

Распространение таких словообразовательных инноваций в языке СМИ вызывает споры среди ученых. О.Б. Сиротинина считает, что подобные новообразования войти в систему современного русского языка не могут [Сиротинина 2013]. Более того, они обедняют лексическую систему языка, их употребление может создавать и нередко реально создает профессиональные и социальные риски, они меняют лексическую систему русского языка, обедняя синонимическое богатство в угоду легкости её использования адресантом [Сиротинина 2013:101]. Оппозиция излишне вольно обращается с системой русского языка, используя не по её законам образованные окказионализмы, особенно с целью усиления критики власти (*пехтинги, путинги* и т.д.) [Сиротинина 2013: 95-97]. По нашему мнению, кроме немотивированного использования «лексического импорта», наличие таких дериватов может привести к КР неправильного или неточного понимания медийного сообщения. Например, для расшифровки номинации *пехтинг* нужно обладать достаточными сведениями о Владимире Пехтине, о расследовании Алексеем Навальным его политической деятельности. Только в случае наличия достаточных фоновых знаний возможна адекватная интерпретация нового слова.

Окказионализмы, созданные с отклонениями от условий словообразовательного типа, достаточно распространены в текстах общественно-политической прессы. Повышенной рискогенностью, связанной с их выраженной эмоциональной доминантой, обладают новообразования на базе антропонимов (*скрипаленок, суперПутин*). По мнению лингвистов, многочисленные дериваты, созданные с участием иноязычных аффиксов (*навальнинги, путинги*), демонстрируют вольное обращение журналистов с языком, их нежелание подобрать уместный синоним. Семантизация

некоторых инноваций на базе онимов невозможна без обширных внелингвистических знаний (*уберизация*, *пехтинг*). Коммуникативные риски новообразований анализируемого типа также могут провоцироваться их экспрессивным лексическим окружением (*мечталки, нано-пятая колонна*).

2.2.2. Новообразования, созданные путем чересступенного словообразования

О чересступенном словообразовании говорят тогда, когда в словообразовательной цепочке как бы минуется определенная словообразовательная ступень [Янко-Триницкая 2001: 141]. По этому поводу И.С. Улуханов пишет, что «образования, возникающие по аналогии, семантически и формально могут существенно отличаться от своих образцов, не являясь простым их повторением, в результате осуществляется расширение сочетаемостных возможностей формантов и тем самым заполнение пустующих клеток словообразовательной системы» [Улуханов 1996: 13]

В более поздних исследованиях на такой способ словообразования обращает внимание Н.Д. Арутюнова, подчеркивая, что в действительности словообразовательная цепь не обязательно должна включать все промежуточные звенья: «Между любыми двумя компонентами ряда легко устанавливаются прямые семантические, а затем и деривативные отношения. Словообразование может осуществляться с пропуском опосредствующих элементов» [Арутюнова 2007: 92]. Такое словообразование свидетельствует о развитости словообразовательной системы в целом, так как производное слово как бы проявляется вне очередности, раньше непосредственно производящего [Валгина 2001: 144].

Среди медийных новообразований, созданных чересступенным путем, представлены инновации с префиксально-суффиксальными формантами. Например, дериваты, создающиеся посредством приставки ***о-*** и суффикса ***-иван(ие): Ополячивание***, ***овенгеривание***, ***обамериканивание*** *родного по крови народа не может не вызывать боль в сердцах россиян, да и всех русских людей планеты* (Завтра, 05.10.2016). По аналогии с вошедшей в язык словообразовательной парой *ополячивать – ополячивание* при образовании окказиональных существительных пропущены глагольные формы:

**овенгеривать, *обамериканивать. *Ополячивание* обозначает процесс действия/состояние по значению глагола *ополячивать* с семантикой ‘насильственно придавать кому-л., чему-л. польский вид, характер; делать похожим на поляка по языку, обычаям, культуре и т.п.’ [СТСРЯ 2006]. Существительные *овенгеривание, обамериканивание* имеют сходную семантику, только связанную с их мотивирующими, – ‘делать похожим на венгра/американца’. У новообразований отмечается наличие отрицательного экспрессивного фона, обусловленного соответствующим контекстом и дискурсивными факторами.

Другое окказиональное существительное этой же словообразовательной модели мотивируется онимом: ***Озеничивание*** (заголовок). *Газпром вводит монополию на спорт в Санкт-Петербурге?* (НВ, 01.10.2018) – дериват создается на базе имени собственного «Зенит» (наименование футбольного клуба) посредством приставки ***о-*** и суффикса ***-иван(ие)*** с пропуском окказиональной глагольной формы **озеничивать*. Значение нового слова (‘процесс приобретения безграничных прав в сфере спорта’) формируется только благодаря контексту: *В Санкт-Петербурге после окончания строительства так называемой башни Газпрома высотой 462 метра социально-спортивная составляющая нагрузки газового гиганта может резко усилиться. Возможно, все спортивные команды города, кроме хоккейного СКА, будут называться «Зенитом»* (НВ, 01.10.2018). Полисемантичность деривата-заголовка *озеничивание* может спровоцировать КР неверного/неточного понимания высказывания.

Пропуск ступени прилагательного в положительной степени **газопригодный* отмечается при создании окказионализма в заголовке «*Севморпуть станет* ***газопригоднее***», подзаголовок: *Танкеры Arc4 с ледоколом пустят в Карское море круглый год* (Коммерсантъ, 02.11.2018). Окказионализм имеет значение ‘более доступный для транспортных судов, перевозящих газ’, которое проясняется в подзаголовке. Именно подзаголовок статьи помогает избежать появления рисков, связанных с неверным/неточным определением денотата нового слова.

На наш взгляд, рискогенность следующих словообразовательных инноваций, созданных чересступенчатым путем, связана с их выраженной экспрессивностью, обусловленной мотивирующей семантикой: *Но на*

участке № 1512 в селе Сладково не видно ни одного ***русофобствующего*** *иностранца* (НГ, 07.09.2018) – при образовании причастия *русофобствующий* оказывается пропущенной стадия глагола (**русофобствовать*), причастие производится от оценочного существительного *русофоб* – ‘человек, неприязненно, враждебно относящийся к России’ [БТСРЯ 2014]. Очевидные аллюзии, эксплуатируемые журналистом, содержат дискредитирующие намеки, окказиональная лексема обладает рискогенностью, так как становится средством негативной характеристики определенной группы лиц, а именно – иностранных граждан. Прежде всего, это неприемлемо с позиций этического критерия речи.

Авторское стремление высказать свою точку зрения, минуя любые эстетические и этические критерии, представлено в заголовке «***Рассвинячивание*** *населения»* (НВ, 17.08.2015). Окказиональное имя существительное образовано по образцу узуального *раскулачивание* с пропуском несуществующей в языке глагольной формы несовершенного вида **рассвинячивать*. Узуальные глаголы, мотивированные существительным, имеют значение ‘лишить свойств, признаков того, заставить перестать быть тем, кто (что) назван (о) мотивирующим существительным’ [РГ 1980]. Поводом для написания статьи стало указание премьер-министра страны Д.А. Медведева на введение ограничения на численность поголовья скота и птицы в домашних хозяйствах: *Крестьян хотят заставить отказаться от скота* (НВ, 17.08.2015). Экспрессивность окказионализма поддерживается контекстом: используется лексема *крестьяне* (при вариантах, например, *аграрии, фермеры* и пр.). Так журналист подчеркивает зависимость граждан от абсурдных, по его мнению, решений государственных деятелей.

К числу окказионализмов, созданных чересступенным способом, относится префиксально-постфиксальный глагол *заупыриться:* ***Заупырился*** (заголовок). *Как долго Алексею Улюкаеву сидеть на тюремных нарах?* (НВ, 18.12.2017). Он образуется от существительного *упырь* с пропуском окказиональной невозвратной глагольной формы **упырить* путем присоединения префикса ***за-***, а также глагольного суффикса ***-и-*** и постфикса ***-ся***. Семантика глаголов с префиксом ***за-*** и постфиксом ***-ся*** – ‘в течение

длительного или чрезмерно длительного времени совершая действие, названное мотивирующим глаголом, целиком погрузиться в это действие, увлечься, утомиться (*забегаться, заслушаться, заиграться* и др.)' [РГ 1980].

При создании другого экспрессивного префиксально-постфиксального глагола *дотолераститься* пропущена глагольная ступень **толерастить*: ***Дотолерастились*** (заголовок). П*очему уже не удивляешься, когда насильника зовут в студию и встречают аплодисментам*и (НГ, 18.01.2018). Семантика глаголов с префиксом ***до-*** и постфиксом ***-ся*** – 'довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом» (*доработаться, добегаться* и пр.)' [РГ 1980].

Негативная оценочная доминанта в новообразованиях *рассвинячивание, заупыриться, дотолераститься* предопределена характером производящих инвектив, имеющих явную агрессивную направленность: *свинья* в значении 'невежественный, некультурный человек с низменными привычками' [СРЯ 1981–1984]; *упырь* – бран. 'о ком-либо, вызвавшем неудовольствие, раздражение, гнев' [БТСРЯ 2014]; *толераст* – бран., неодобр., уничиж. 'человек, который очень толерантно ко всем относится, даже когда к нему терпимо никто относиться не собирается' [Словарь современной… 2014]. Грубыми оценками, выраженными с помощью новообразований, журналисты рискуют спровоцировать ответную агрессию адресатов.

Подводя итог, можно сказать, что в результате чересступенного словообразования образуются дериваты различной степени экспрессивности. В медиатекстах встречаются чересступенные образования, обладающие выраженной негативной экспрессией (*русофобствующий, рассвинячивание, заупыриться, дотолераститься*), связанной с характером мотивирующих слов и усиленной контекстуально. Они являются рискогенными, так как нарушают критерии корректности, эстетичности, этичности высказывания. Журналисты намеренно провоцируют массовую аудиторию, возбуждают негативные и деструктивные эмоции. Нарушение словообразовательных закономерностей при создании новообразований вряд ли будет осознано рядовым читателем. Но в данной ситуации основная задача адресанта, чтобы адресат правильно определил мотивирующее слово и, следовательно, смог определить значение нового слова. В противном случае включение

инновации в текст окажется неэффективным приемом, может оттолкнуть читателя, вызвать его недоумение, раздражение.

2.2.3. Новообразования, созданные путем заменительной деривации

При заменительной деривации в исходном слове заменяется одна из его частей (морфемная или неморфемная). Заменительная деривация (или субституция) часто отождествляется языковедами с образованием по конкретному образцу. Сущность лингвистических споров заключается в том, что некоторые исследователи признают возможность образования по конкретному образцу сложных слов (Н.А. Янко-Триницкая, И.С. Улуханов, М.У. Калниязов и др.), а другие эту возможность отрицают (Л.В. Рацибурская, А.А. Сивова и др.), поскольку при деривации по конкретному образцу обычно воспроизводится формант, а не основа.

Например, Н.А. Янко-Триницкая отождествляет трансрадиксацию (мену корневой морфемы) с деривацией по конкретному образцу, когда образование слова происходит «не по образцу как структурной схеме, а по аналогии к конкретному слову путем извлечения из него корня (основы) и замены его другим корнем» [Янко-Триницкая 2001: 463]. И.С. Улуханов говорит о неправомерности выделения трансрадиксации (при признании трансаффиксации – мены префиксов/ аффиксов) в качестве особого способа словообразования, так как «явление, трактуемое иногда как трансрадиксация (замена корня), представляет собой образование по конкретному образцу и используется лишь при создании окказионализмов, стилистическая функция которых основана на смысловых связях со словом-образцом» [Улуханов 1998: 146-147]. Как справедливо отмечается в работе Н.А. Самыличевой, при этом примеры, которые приводит И.С. Улуханов (*собственнохвостно, ср. собственноручно; таблеткопитающееся, ср. млекопитающееся*), противоречат предложенному критерию определения словообразования по конкретному образцу, поскольку при образовании данных окказионализмов, с одной стороны, воспроизводится не только одна из основ, но и формант, а с другой – появляется новая основа [Самыличева 2011: 118]. В данных случаях имеет место заменительная деривация – в исходных словах меняется один из корней.

Согласно М.А. Михайлову, под образцами следует понимать слова «структурно-семантические отличия которых от некоторых других однокоренных слов языка воспроизводятся в деривационном процессе» [Михайлов 1989: 59]. Признаком деривации по конкретному образцу может быть либо воспроизведение в новообразовании уникальной структуры, свойственной единственному слову языка, либо воспроизведение в нем идиоматического приращения, характерного для конкретного слова языка. В деривации по конкретному образцу обычно воспроизводятся те же семантические отношения, которые отличают конкретную модель, а служебная морфема, использованная в новообразовании, в точности соответствует – и семантически, и формально – служебной морфеме, выделимой в образце [Михайлов 1989: 90-91].

В диссертационном исследовании мы придерживаемся точки зрения тех ученых, которые различают заменительную деривацию и словообразование по конкретному образцу: «Если при деривации по конкретному образцу новообразование, воспроизводя формант слова-образца, имеет иную, отличную от последнего производящую базу и, следовательно, иные корневые морфемы, то при заменительном словообразовании сложный дериват, имея тот же формант, что и конкретное узуальное слово, отличается от последнего лишь одной корневой морфемой или одной из своих частей; тем самым узуальное слово выступает не как конкретный образец, а как исходное для деривата слово, в котором заменяется одна из базовых частей» [Рацибурская 2003: 114]. Так, по конкретному образцу образован окказионализм в заголовке «***Журналята*** *учатся летать*» (НП, 13.01.2011) – ср. «Орлята учатся летать», где узуальное *орлята* явилось конкретным образцом [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015: 43].

Под заменительной деривацией понимается такой словообразовательный процесс, при котором «заменяется один из аффиксов производящего простого слова или основы в составе сложного слова или одна из основ в сложном исходном слове» [Шумилова 2011: 145]. О словообразовании посредством мены корня есть основание говорить лишь в том случае, если слово сложное и возникает «на глазах» носителей языка.

Причем исходное для окказионализма слово чаще всего присутствует в непосредственно предшествующем контексте [Сивова 2006: 103-104].

С точки зрения семантики окказионализм может соотноситься с производящим словом, а может не иметь с ним смысловой связи. Заменяемая и замещающая основы часто находятся в семантических отношениях, при этом большинство окказионализмов имеет типовую структуру, как и исходное слово. Смысловая связь сохраняется, когда наблюдается синонимическая или антонимическая замена. Авторскую иронию позволяют передать антонимические отношения между исходной основой и основой, её замещающей: *Молоко из* ***Сложноквашино*** (заголовок). *Молоко из пальмового масла: детективные истории о «фермерских» продуктах* (МК, 19.05.2017) – ср. *Простоквашино → Сложноквашино;* при этом наблюдается актуализация внутренней формы исходного слова *Простоквашино*; ***Импортодополнение*** *вместо импортозамещения* (заголовок). *ЦСР представил свой план развития несырьевого экспорта* (Коммерсантъ, 03.05.2018) – ср. *импортозамещение → импортодополнение*, исходное и производное в данном случае являются контекстуальными антонимами.

Исходное и производное слово могут принадлежать к одной тематической группе: *О-о-о!* ***Зеленощекое*** *такси…* (заголовок). *Водителя, умывшего пассажира зеленкой, тоже покрасили по тарифу «Аватар»* (КП, 30.08.2017) – ср. *зеленоглазое → зеленощекое*; *В поддержку* ***прямоговорящих*** (заголовок). *В Самаре прошла поэтическая акция в поддержку арестованных на антикоррупционном митинге 26 марта* (НГ, 21.04.2017) – ср. *прямоходящие → прямоговорящие*; *Жижеку, как и Бадью, не нравится неравенство. Особенно в Словении. Как европеец Жижек увлекается психоанализом и* ***шизоанализом*** (Завтра, 07.02.2017) – ср. *психоанализ → шизоанализ*; оценочность деривата со знаком минус обусловлена жаргонным характером замещающей корневой основы *шиз* (жарг. ‘шизофреник’ [ССМЖ 2006]). В подобных случаях коммуникативные риски могут быть связаны с семантическими отношениями исходного слова и деривата. Например, в новообразовании *прямоговорящие* иронически обыгрывается переносное значение наречия *прямо* (‘открыто, откровенно, правдиво’ [БТСРЯ 2014]). При этом журналист на самом деле симпатизирует тем людям, которые вышли на акцию, однако в заголовке явно прочитывается насмешка, что не

согласуется с содержанием всего текста и может отрицательно отразиться на впечатлении читателя.

Другую группу окказионализмов, созданных путем заменительной деривации, составляют слова, связь которых с мотивирующим словом контекстуально и/или ситуативно обусловлена. В зависимости от семантико-стилистической характеристики мотивирующих слов можно выделить несколько категорий.

1. Новообразования, включающие лексемы, обозначающие отрицательно оцениваемые социумом явления, поступки, действия. Негативный фон формируется посредством целого ряда ассоциаций, связанных с одним из мотивирующих слов. В большинстве случаев оценочность привносится словом-заместителем: ***Хамнет*** (заголовок). *Тонны жестокости и хамства день и ночь плещутся в русской Сети* (НГ, 17.06.2009) – ср. *интернет → хамнет,* производящим является существительное *хам* (‘грубый, наглый, невоспитанный человек, готовый на подлости’ [БТСРЯ 2014]); ***Налогоудушение*** (заголовок). *Налоговые инициативы правительства сделают население ещё беднее* (НВ, 14.05.2018) – ср. *налогообложение → налогоудушение*, платформой для деривата становится распространенное в печати олицетворение – *налоги душат население*; ***Мосэнергостыд*** (заголовок). *Как «Мосэнергосбыт» открыто издевается над потребителями, вынуждая их терять деньги и время* (НВ. 13.04.2018) – ср. *Мосэнергосбыт → Мосэнергостыд;* ***Уралвагондолжник*** (заголовок). *Не желая рассчитываться по долгам, УВЗ ловчит в судах и идет на сомнительные ухищрения* (НВ, 14.09.2018) – ср. *Уралвагонзавод → Уралвагондолжник*. Посредством замены корня происходит столкновение производного слова и исходного. Коммуникативная интенция подобных окказионализмов – негативизировать образ объекта высказывания. Журналист должен понимать, что такое речевое поведение будет успешно только в том случае, если объект нападок возбуждает недовольство самого читателя. В противном случае может возникнуть коммуникативный дисбаланс: адресат не согласится с навязываемой точкой зрения и откажется от прочтения статьи.

2. Следующую группу составляют дериваты, мотивированные вульгаризмами, жаргонизмами, бранной лексикой, основная задача таких

слов дискредитировать образ того, о чем идет речь, понизить его статус в глазах читателей: ***Сейсмофига*** (заголовок). *В стране продолжают закрывать сейсмостанции и увольнять специалистов* (НВ, 04.09.2017) – ср. исходное *сейсмостанция*, в основе окказионализма разговорно-сниженная лексема *фига* (‘сложенная в кулак рука с большим пальцем, просунутым между указательным и средним, как грубый жест в знак издевки, презрительного отказа и т.п.’ [БТСРЯ 2014]). Негативная экспрессия адресанта направлена на чиновников, которые, по его мнению, проводят деструктивную политику в области сейсмологии; ***Импортоблом*** (заголовок). *Попытки отказаться от поставок из-за границы провалились* (НВ, 19.03.2018) – ср. исходное *импортозамещение,* в существительном заменяется корневая морфема на жаргонизм *облом* (жарг. ‘невезение, неудача’ [ССМЖ 2006]), тем самым дериват приобретает ярко выраженную социально-негативную коннотацию.

В заголовке «***Шизбат***» (СС, 29.01.2015) журналист заменяет первую корневую основу существительного *стройбат* на жаргонную лексему *шиз* (жарг. ‘шизофреник’ [ССЛЖС 2014]), которая несет основную оценочную нагрузку. Столкновение стилистически сниженной и книжной лексики прослеживается в тексте материала: *Психи наводнили армию* (СС, 29.01.2015). В статье автор рассуждает о том, почему в армию попадают психически неуравновешенные люди. Вне контекста заголовок *шизбат* приобретает собирательное значение ‘люди, служащие в армии’, такой номинацией журналист рискует вызвать возмущение всех представителей вооруженных сил страны. Существительное *стройбат* является мотивирующим и для лексемы *стройблат*: ***Стройблат*** (заголовок). *Авторитетные застройщики из Ставрополя дарят квартиры силовикам — и ничего не боятся* (НГ, 31.05.2017). В качестве замещающего журналист использует жаргонизм *блат* (жарг. *по блату* – ‘по знакомству, по связям, которые могут быть незаконно использованы в личных целях’ [ССМЖ 2006]). В материале речь идет о том, что авторитетные ставропольские застройщики дарят «по блату» квартиры силовикам. Отметим, что окказионализм *стройблат* можно рассматривать как результат междусловного наложения: *стройбат* + *блат* (подробнее об этом в п. 2.2.4.).

Новообразования-заголовки *сейсмофига, импортоблом, шизбат, стройблат* содержат отрицательные образы, демонстрируют стремление журналистов вызвать негативные эмоции читателя, который даже не приступил к чтению основного текста статьи. Посредством такого словотворчества может происходить деформация адресантом картины мира адресата. Присутствие таких лексем допускается в медийном дискурсе, однако их рискогенность имеет «отложенный эффект»: постепенно происходит так называемая криминализация общественного сознания, которая имеет разрушительные последствия для социума. Она «проявляется в замене моральных ориентиров поведения на право сильных контролировать окружающих, в снятии моральных запретов, в отождествлении официальной и криминальной власти, в пассивном принятии большинством населения своей жертвенной участи, в презрении к официальному закону, в распространении криминальной эмблематики в поведении и речи, в понижении эмоционального переживания по поводу насилия» [Карасик 2015: 256].

Дериваты могут создаваться с установкой на ассоциацию с конкретным словом. Например, статья об экономическом развитии России и Бразилии озаглавлена «***Ёлки-пальмы»***: *Как растут экономические близнецы – Россия и Бразилия* (АиФ, 01.09.2017). Очевидно, что языковая игра рассчитана на перекличку нового слова с узуальной разговорной лексемой *елки-палки*, обусловившей ироническую направленность заголовка. Журналистская насмешка ощущается и в новообразовании-заголовке «***Марс-бросок»***: *Полвека назад земной космический корабль стартовал к Красной планете. Он все еще в пути* (НГ, 22.12.2017). Исходным для окказионализма выступает сложное слово *марш-бросок* (‘стремительный пеший (верховой) марш’ [БТСРЯ 2014]), автор иронизирует по поводу несостоятельности российских технических разработок в сфере космологии.

Достаточно легко восстанавливается исходная лексема в заголовочном окказионализме «***Фокусы-кокусы***» (НГ, 15.02.2016). В материале говорится о начале избирательной кампании в США. Вероятно, автора привлекла созвучность корневых морфем *фокус-покус* и *кокус*, смысловой соотнесенности между ними нет. Некоторые ученые относят такие окказионализмы к повторам-отзвучиям [Янко-Триницкая 1968] или к разряду

слов, образованных посредством «заменяющей фонемы» (*космос-мосмос, трешка-мрешка* и др.) [Улуханов 1996: 79]. В данном случае вызывает сомнение понимание массовой аудиторией англицизма *кокус* (англ. caucus – ‘партийное собрание’). Кокус – это ‘собрание сторонников или членов политической партии, политического движения. Наибольшее распространение кокусы получили в США и странах Британского содружества’ [Шагалова 2010]. Новообразование нарушает критерий ясности речи, провоцируя риски непонимания/неполного понимания адресатом медийного сообщения.

Определенные трудности вызывает семантизация окказионализма ***Заимодумцы*** (заголовок): *Путеводитель «Диссернета» и «Новой» по диссертациям депутатов Государственной думы* (НГ, 13.01.2016). Дериват имеет такую же структуру, как у мотивирующего слова *заимодавцы* (устар. ‘лицо, давшее взаймы’ [БТСРЯ 2014]), в котором происходит мена корня. Благодаря базовой лексеме у нового слова формируется значение ‘лицо, давшее взаймы результаты научной деятельности’ – автор намекает на «заимствованный характер» диссертаций современных чиновников. Однако адекватное декодирование заголовка возможно, если адресату известно значение устаревшей лексемы.

Языковая мода на заимствованные слова привела к появлению заголовка «*Вятский* ***наркочейн***» (Коммерсантъ, 26.10.2018). В публикации говорится о том, что кировский наркоторговец «отмывал» полученные от продажи наркотиков деньги через биржу криптовалют. Дериват создан на базе популярного в интернете иноязычного композита *блокчейн* (англ. blockchain: block – ‘блок’, chain – ‘цепочка’) с заменой первой корневой основы на префиксоид ***нарко-***. Префиксоид передает отрицательную оценку, так как обозначает ‘предметы и явления, имеющие отношение к производству, продаже и употреблению наркотиков’ [Крысин 2000]. Пониманию деривата может препятствовать заимствованный элемент: автор избегает многокомпонентного словосочетания, но не задумывается о восприятии заголовка многотысячной аудиторией.

Значительно реже в текстах исследуемых СМИ встречается мена аффиксов. Мена аффиксов (трансаффиксация) рассматривается в качестве особого способа аффиксального словообразования, когда путем замены на

место того или иного аффикса (префикса или суффикса) в составе мотивирующего слова ставится другая словообразовательная морфема [Сивова 2006: 102]. Путем замены префикса ***за-*** в узуальном *занимательный* создан окказионализм в заголовке «***Снимательная*** *арифметика»: Число кандидатов на выборах главы Хакасии может уменьшиться* (Коммерсантъ, 01.10.2018). Автор обыгрывает одно из существующих значений узуального глагола *снять* (‘убрать с должности’ [БТСРЯ 2014]). Транспрефиксация наблюдается в образовании окказионализма *некопления*, который является контекстуальным антонимом узуальной лексеме *накопления*: *Пенсионные* ***некопления*** (заголовок). *Президент дал правительству последний шанс спасти экономику и пенсионную реформу* (НВ, 19.11.2012). Окказионализм, образованный с помощью мены префикса в следующем примере, приобретает дополнительную экспрессивность благодаря прецедентному феномену: *Союз* ***обрушимый*** (заголовок). *ОДКБ* [*Организация Договора о коллективной* безопасности - Авт.] *может прекратить своё существование* (НВ, 24.10.2016). В качестве прецедента автор эксплуатирует первые слова гимна СССР «*Союз нерушимый…»* и меняет во втором слове префикс ***не-*** на префикс ***об-.*** Новое слово получает ироническое звучание, так как автор отсылает читателя к событиям недавнего прошлого – развал СССР. Как видно, с помощью новообразований журналисты критикуют неприемлемые для них общественные явления (нечестные выборы, пенсионная реформа) или же иронизируют по поводу некомпетентности определенных структур (ОДКБ). Коммуникативные риски в подобных случаях тесно связаны с рисками социальными: журналисты постоянно намекают на несостоятельность и бесчестность принимаемых в стране политических решений, что может вызвать читательское неприятие.

Таким образом, заменительная деривация является продуктивным способом создания новых слов в медиатекстах общественно-политической направленности. Иноязычные или архаичные лексемы, включенные в состав дериватов, могут вносить смысловую неопределенность, усложнять восприятие всего медиатекста (*наркочейн, фокусы-кокусы, заимодумцы*). При формальной связи заменяемого и замещающего в инновациях, созданных путем заменительной деривации, рискогенность может быть контекстуально или ситуативно обусловлена. Такие новообразования демонстрируют

повышенную напряженность медийной коммуникации, которая может быть воспринята частью аудитории как проявление речевой агрессии (*хамнет, Мосэнергостыд, Уралвагондолжник*). Дериваты, созданные на базе жаргонной, вульгарной, бранной лексики (*импортоблом, сейсмофига, шизбат*), участвуют в процессе криминализации массового сознания, их распространение в медиатекстах противоречит критериям хорошей, эталонной речи, главным транслятором которой должны быть СМИ.

2.2.4. Новообразования как результат контаминированного словообразования

В многочисленных исследованиях, посвященных деривационным процессам, ученые рассматривают ряд способов окказионального словообразования: гибридизация [Костюков 1986, Рацибурская 1992], заменительная деривация (субституция) [Журавлев 1982, Изотов 1998], контаминация [Намитокова 1986, Земская 1973, Николина 2011], междусловное наложение [Янко-Триницкая 1975, Улуханов 1996], тмезис [Намитокова 1986, Попова, Рацибурская 2017], графическое словообразование (графодеривация) [Попова 2015], графическая гибридизация [Рацибурская 2015].

Стоит отметить, что окказиональное словообразование, в результате которого новое слово создается на базе произвольного соединения двух мотивирующих основ, отечественные лингвисты обозначают по-разному: «контаминация» (Е.А. Земская, С.В. Ильясова, Н.А. Николина), «междусловное наложение» (Н.А. Янко-Триницкая), «междусловное совмещение» (И.С. Улуханов), «скорнение» (В.П. Григорьев, Н.А. Николина), «телескопия» (В.М. Лейчик) и др. Наиболее распространены в лингвистической литературе первые два термина, которые определяются учеными по-разному.

Широкий подход представлен в монографии В.З. Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры» (2002). Под контаминацией ученый (он также признает удачными термины «скорнение» В. Хлебникова и «гибрид» В. Набокова) понимает все случаи языковой игры, где: «1) формально в новообразовании представлены, хотя бы одной буквой (точнее, фонемой), оба исходных слова; 2) в значении новообразования сложным образом

переплетаются значения обоих исходных слов» [Санников 2002: 164]. Сторонники широкого подхода считают нецелесообразным различать контаминацию и междусловное наложение, и все явления совмещения двух слов (или их сегментов) называют контаминацией.

Как отмечает С.В. Ильясова, широкого подхода в понимании контаминации придерживается и И.С. Улуханов, несмотря на то, что ученый использует в своей работе термин «междусловное наложение (совмещение)»: «Междусловное наложение (термин Н.А. Янко-Триницкой), или междусловное совмещение, – такое соединение двух слов в одно, в котором полностью сохраняются оба соединяющихся слова, но определенный фонемный отрезок нового слова принадлежит одновременно обеим мотивирующим частям» [Улуханов 1996: 52]. Если сравнивать примеры, приводимые И.С. Улухановым, с примерами, приводимыми другими авторами, то вполне очевидно, что к междусловному совмещению И.С. Улуханов относит не только междусловное наложение, но и контаминацию, ср.: *видиот, дерьмократы, лаокоонизм, искамазаться, шлангокоон* (*шланг+Лаокоон*), *мемуаразм* и некоторые другие [Ильясова 2002: 216].

Узкий подход к трактовке соотношения контаминации и междусловного наложения представлен в работах Е.А. Земской, М.У. Калниязова, Р.Ю. Намитоковой, Н.А. Янко-Триницкой и др.

По мнению Р.Ю. Намитоковой, «при контаминации происходит проникновение первой части (не обязательно морфемы) одного слова в другое и вытеснение из этого другого слова его начала» [Намитокова 1986: 135]. Отличие между контаминацией и междусловным наложением заключается в механизме объединения лексических единиц. Как уточняет исследователь, «в открытом (при наложении) и скрытом (при контаминации) присутствии двух основ, участвующих в образовании и формировании значения окказионализма. При наложении в окказионализме материально присутствуют два корня, при контаминации – один» [Намитокова 1986: 135]. Если при наложении невозможно линейное членение, то при контаминации выделяется один корень и оставшаяся часть, которая может совпасть или с суффиксом, или быть уникальной, т.е. дает унификс [Намитокова 1986: 136].

Н.А. Янко-Триницкая предлагает рассматривать междусловное наложение в качестве особого средства окказионального словопроизводства, сущность которого заключается в том, что «на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова» [Янко-Триницкая 2001: 471]. А контаминация представляет собой «проникновение компонентов одной единицы языка в другую (иногда взаимное проникновение) с непременным вытеснением какого-либо компонента данной единицы» [Янко-Триницкая 2001: 473-474].

Контаминацию и междусловное наложение как самостоятельные специфические приемы порождения окказиональных слов различают и другие исследователи. При междусловном наложении «слова накладываются, наезжают друг на друга: конец одного является началом другого…», а при контаминации «соединяются два узуальных слова, которые порождают третье – окказионализм» [Земская 2009: 191-192]. При контаминации часть одного из мотивирующих слов «устраняется, что и служит отличительным свойством этого деривационного приема» [Земская 2009: 191-192]. Наблюдаемый «композитный взрыв» связан с активизацией окказиональных разновидностей сложения, прежде всего контаминации, т.е. объединения начала и конца двух различных узуальных единиц [Николина, Фролова, Литвинова 2005: 129].

Нам близка точка зрения, при которой контаминация и междусловное наложение рассматриваются как частные случаи гибридизации [Попова, Рацибурская, Гугунава 2017: 105]. В этом случае контаминация понимается в узком смысле. Если рассматривать контаминацию в широком смысле (как синоним гибридизации), то междусловное наложение является её разновидностью (как и контаминация в узком смысле, тмезис, графодеривация и др.).

По замечанию лингвистов, сегодня контаминация переместилась с позиции периферии словообразования в центр частотных и продуктивных средств передачи информации и выражения экспрессии [Минеева 2015: 58]. Это объясняется тем, что «бурные социальные изменения – благодатная почва для словотворческой деятельности путем различных контаминаций» [Дуличенко 1994: 285]. Не утратив своего значения как сильного выразительного средства в языке художественной литературы (в основном в

поэзии), контаминация вышла за рамки одного стиля и стала высокопродуктивным приемом словотворчества в языке СМИ [Ильясова, Амири 2015: 188].

Контаминированные новообразования, как правило, привлекают внимание читателя своей новизной и необычностью формы, преимущественно «выполняют характеризующе-оценочную функцию с преобладанием осуждающей, иронической и юмористической тональностей» [КРР 2003: 273]. Контаминанты отображают не только знания говорящего об обозначаемом и его оценку, но и образно-ассоциативные представления субъекта речи об объединении объектов, их связи, совмещении их признаков и их возможном подобии (множественность мотивации может сниматься контекстом) [Николина 1996: 315]. В семантическом плане контаминированное образование – это гибридная единица, семантика которой вбирает в себя и значения объединяемых слов, и присущие им аллюзивные смыслы, и семантику соединения, противопоставления или сравнения, развивающуюся уже в самом процессе словопроизводства [Николина 2009: 99-100]. Широкое распространение контаминантов в современной русской речи отражает интенсивный поиск новых оценочных средств, прежде всего средств выражения иронической оценки <…> [Николина 2013: 172]. Объединение двух мотиватов в одну произвольную словообразовательную единицу «способствует компрессии и «свертыванию» семантики словосочетания или предикативной единицы в одно слово. Семантика деривата складывается из значений мотивирующих единиц и, как правило, осложняется коннотацией оценки, экспрессии, языковой игры» [Минеева 2015: 58].

Следует сказать, что новообразования-гибриды появляются тогда, когда текст нацелен на языковую игру, имеющую выраженную прагматическую направленность. Самое главное вовлечь в этот процесс адресата, чтобы он смог «расшифровывать» игровую окказиональную лексему, адекватно определить её значение. Абсолютно права Н.А. Николина, говоря, что «использование гибридных слов в речи (тексте) требует сотворчества слушателя (читателя), который должен не только восстановить исходные единицы, подвергшиеся сокращению, но и определить новое идиоматичное значение, обогащенное обычно

эмоционально-оценочными «приращениями» смысла [Николина 1996: 313]. Поэтому адресант обязательно «должен учитывать звуковую форму объединяемых им компонентов, их ассоциативный ареал и аллюзивность, коннотативные возможности слов-«источников», а также возможность верного восприятия новой сложной единицы адресатом речи <...> [Николина 1996: 312].

Более того, Н.А. Николина называет факторы, влияющие на восприятие контаминированного новообразования в тексте: 1) степень распространенности слова-гибрида в речи; 2) степень усечения исходного слова; 3) наличие или отсутствие фузии; 4) степень осознаваемости границ между частями образования; 5) характер усеченной части; 6) понимание интенций автора; 7) знание определенной ситуации и учет «контекста» общественной жизни [Николина 1996: 314].

Итак, в узком смысле под контаминацией понимается проникновение первой части (не обязательно морфемы) одного слова в другое и вытеснение из этого другого слова его начала» [Намитокова 1986: 135]. В нашей выборке примеры контаминации в узком смысле представлены единичными случаями: ***Кремлеботов*** *срочно переключили с Украины на убийство Немцова* (НГ, 11.03.2015) ← *Кремль + робот; В нашей* ***демократуре*** *образца десятилетней давности своим отдавали не то, что забрали у народа, а нефть и газ* (НГ, 10.12.2018) ← *демократия + диктатура.*

В текстах исследуемых СМИ в большом количестве представлены новообразования, созданные способом междусловного наложения. Журналисты обыгрывают сходства в звучании слов (основ), стремясь создать оригинальные каламбурные словообразовательные инновации. Семантическая емкость контаминантов определяется их включением в заголовочные комплексы: они способны заинтересовать читателя и одновременно формируют прагматическую установку на восприятие.

В одних случаях омонимичны финальная часть первого производящего и начальная часть второго производящего: ***Памиротворческая*** *инициатива* (заголовок). *Как Владимир Путин встретился с Эмомали Рахмоном* (Коммерсантъ, 27.02.2017) ← *Па<u>мир</u> + <u>мир</u>отворческий.* В других случаях наложение элементов мотивирующих слов сопровождается заменой графем:

Нашингтон (заголовок). *Стоит ли начинать праздновать новый триумф путинской дипломатии?* (Завтра, 17.05.2017) ← *наш* + *Вашингтон*.

Как видно из примеров, лексемы, мотивирующие новое слово, могут полностью сохраняться в производном слове, а могут видоизменяться. В вышеприведенных примерах окказионализмы обладают достаточно прозрачной структурой, новообразования не затемняют смысл медиатекстов, а дополняют его, помогают активизировать мыслительную деятельность адресата, привлечь его внимание. Ничто не препятствует реализации авторских интенций, распознавание которых есть необходимое условие адекватного реагирования на слова адресанта, который «не только несет ответственность за содержание своего намерения, <…> у него имеется также причина, неотделимая от природы выполняемого им акта, сделать это намерение явным» [Стросон 1986: 141].

Проблемы с семантизацией окказиональной лексемы возникают при вовлечении в деривационные процессы иноязычных элементов, которые «часто служат не целям номинации или уточнения уже существующих понятий, а используются в чисто рекламных целях, в целях агрессивного воздействия на читателя или слушателя» [Петрова, Рацибурская 2011: 60]. В заголовке «***Дронуться*** *можно»* (НВ, 14.06.2018) автор фактически проявляет неуважение к читательской публике. Окказионализм *дронуться* – результат контаминации глагола *тронуться* (разг. ‘стать психически не совсем нормальным’ [БТСРЯ 2014]) и существительного *дрон* (техн. ‘беспилотный летательный аппарат боевого назначения’ [ССЛЖС 2014]). Журналист не поясняет термин, мотивирующий неологизм, предполагая, что аудитории он известен. Словообразовательный эксперимент имеет ярко выраженную прагматическую направленность: автор пытается внушить аудитории, что массовое применение беспилотных аппаратов угрожает человечеству, его психическому состоянию. Это обусловило трансформацию разговорного выражения *тронуться можно*.

Из-за вовлечения в процесс словотворчества заимствования осложнено понимание контаминанта в заголовке «***Троллевые*** *игры»* (Коммерсантъ, 28.05.2015) ← *тролль* + *ролевые (игры)*. Мотивирующий интернет-сленгизм *тролль* не имеет ничего общего со знаменитым мифологическим персонажем, а является производным от существительного *троллинг* (англ.

troll – ‘интернет-тролль’) – это форма социальной провокации, издевательства в сетевом общении. *Тролль* – ‘пользователь, занимающийся написанием провокационных тем и комментариев (это насмешки, резкие высказывания в адрес других пользователей, неаргументированная критика и т.п.), направленных на разжигание ссоры между пользователями’ [ССЛЖС 2014]. В тексте идет речь о судебном разбирательстве вокруг компании «Интернет-исследования», которая фигурирует в ряде журналистских расследований как один из главных поставщиков платных политических комментаторов. Заметим, что журналист эпатирует читательскую аудиторию: новообразование создается на базе словосочетания *ролевые игры*, чаще всего ассоциируемого современными читателями с сексуальной тематикой. Данная ассоциация отношения к смыслу статьи не имеет, словосочетание использовано в формальных целях. Окказиональные лексемы в заголовках «*Дронуться можно*» и «*Троллевые игры*» демонстрируют нарушение критерия понятности (ясности) высказывания и влекут за собой риск полного непонимания/неправильного понимания сообщаемого.

Проблемой «дешифрования» информационного сообщения не ограничивается круг коммуникативно-прагматических проблем современных журналистов. Как известно, мало сообщить что-либо, важно убедить адресата в верности своей позиции: «Инициирует же процесс общения стремление человека не передать информацию, те или иные сведения о внешней по отношению к нему реальности, а сделать свои интенциональные состояния не только понятными другому, но и в подавляющем большинстве случаев разделенными, принятыми другими людьми» [Манаенко 2013: 65].

В погоне за всевозможными средствами убеждения журналистам нередко изменяет чувство меры. Большая часть КР в медийном дискурсе связана с наличием немотивированной экспрессии. Авторская оценка выражается в новообразованиях с различной степенью интенсивности: от едва уловимого намека до иронического переосмысления или даже демонстрации открытой враждебности. «Принятие» адресатом интерпретации действительности, представленной в медиатекстах, напрямую зависит от того, насколько взгляды создателя текста совпадают с его собственными воззрениями.

Риск спровоцировать нежелательную реакцию читателя актуализируется тогда, когда экспрессивность дериватов, обусловленная способом словообразования, усиливается за счет одного из производящих, имеющего резко отрицательную семантику: *Сибирское* ***злолото*** (заголовок). *Старатели уничтожают экосистему Ангары и Енисея* (СС, 09.09.14) ← *зло* (‘всё дурное, плохое, вредное’ [БТСРЯ 2014]) + *золото*; ***Пентагония*** (заголовок). *Глава оборонного ведомства США Энтон Картер анонсировал появление оружия для сдерживания «российской агрессии»* (Завтра, 11.11.2015) ← *Пентагон* + *агония* (‘о последней стадии существования чего-л.; о состоянии упадка, хаоса где-л.’ [БТСРЯ 2014]); *Жизнь с* ***абсурдопереводом*** (заголовок). *Пора проводить реформы. И помахать им вслед рукой* (НГ, 23.06.2016) ← *абсурд* (‘то, что противоречит здравому смыслу; нелепость, бессмыслица’ [БТСРЯ 2014]) + *сурдоперевод;* ***Шифрофрения*** (заголовок). *Мессенджеры готовят к вскрытию* (Коммерсантъ, 04.10.2016) ← *шифровать* + *шизофрения* (‘о чём-л. странном, нелогичном, абсурдном’ [БТСРЯ 2014]); ***Ломбардак*** (заголовок). *Чтобы выжить люди потянулись в ломбарды* (НГ, 09.10.2015) ← *ломбард* + *бардак* (‘беспорядок, неразбериха, хаос’ [БТСРЯ 2014]); ***Капутальный*** *ремонт* (заголовок). *Коммунальная реформа споткнется на саботаже и криминальных схемах* (СС, 24.03.2015) ← *капут* (‘гибель, конец, смерть’ [БТСРЯ 2014]) + *капитальный*; ***Ипотекатастрофа*** (заголовок). *В случае ипотечного кризиса 3 500 000 россиян могут оказаться на улице* (НВ, 29.10.2018) ← *ипотека* + *катастрофа* (‘неожиданное бедствие, происшествие с несчастными, трагическими последствиями’ [БТСРЯ 2014]); ***Дуристическая*** *поездка* (заголовок). *«Кинув» 28 тысяч россиян, туроператоры заработали миллионы* (НВ, 11.08.2014) ← *дурить* (‘сбивать с толку, морочить кого-л.’ [БТСРЯ 2014]) + *туристическая*; ***Врутений*** (заголовок). *Власти решили скрыть утечку радиоактивного вещества* (НВ, 27.11.2017) ← *врут* (‘говорить неправду; сочинять небылицы; лгать, обманывать’ [БТСРЯ 2014]) + *рутений*; *Школьное* ***пытание*** (заголовок). *Детям скармливают некачественные и поддельные продукты* (НВ, 19.03.2018) ← *пытать* (‘подвергать пытке’ [БТСРЯ 2014]) + *питание*; С нейтральными лексемами взаимодействуют слова (*зло, агония, абсурд, шизофрения, бардак, капут, катастрофа, дурить, врать, пытать*), которые

обозначают явления, вызывающие у адресата исключительно негативные эмоции, в результате чего вся номинация превращается в оценочную.

В медийном дискурсе распространен прием «навешивания ярлыков». Под ярлыком понимается «краткая отрицательно-оценочная характеристика человека или явления, тяготеющая к постоянству и дискредитирующая данную личность (явление) в общественном сознании» [Матвеева 2003: 415]. Н.И. Клушина отмечает, что «ярлык – это всегда проявление речевой агрессии, это дискредитация человека с помощью упрощенной номинации, в основу которой кладется только один частный признак» [Клушина 2005: 145].

Особенно агрессивны дериваты, характеризующие конкретные лица (группу лиц) в нелицеприятном свете: ***Агендурни*** (заголовок) (НВ, 08.10.2018) ← *агентура* + *дурни* (разг. ‘дураки’ [БТСРЯ 2014]) – так журналист отзывается о представителях российской разведки; ***Банкстеры*** (заголовок). *Разорение банков поставлено на конвейер, а расплачивается за все государство – то есть налогоплательщики»* (НГ, 22.07.2016) ← *банк* + *гангстеры*, – о представителях банковской сферы; ***Эрдогад*** (заголовок) (НВ, 30.11.2015) ← *Эрдоган* + *гад*, – контаминант дает негативную, оскорбительную оценку действиям президента Турции Реджепа Эрдогана. Инвективная лексика, используемая в качестве производящих, унижает честь и достоинство тех людей, о ком пишет журналист. Неуважительное отношение журналиста к объекту повествования с высокой степенью вероятности вызовет читательское неприятие, раздражение, и, как следствие, провал коммуникации. Кроме того, указанные окказионализмы нарушают этические требования, предъявляемые к журналистскому тексту: «Нельзя давать нравственную оценку действиям кого-либо, не предоставив «обвиняемому» возможности оправдаться на тех же страницах» [Тулупов 2009: 27].

С позиций коммуникативно-прагматических, а также этических норм необходимо оценивать новообразования, включающие лексемы жаргонного типа, а также дериваты, созданные на базе грубо-просторечных выражений: ***Гопинг-проба*** (заголовок). *Все допинговые обвинения олимпийцы России расценили как простой наезд на страну* (Коммерсантъ, 11.11.2015) – новое слово создается путем междусловного наложения *гопник* (жарг.

‘представитель хулиганствующей молодежи’ [ССМЖ 2006]) + *допинг-проба.* Посредством жаргонизма дериват получает саркастическое звучание. Лексика преступного мира используется и в подзаголовке материала – *наезд* (жарг. ‘приставание к кому-либо’ [ССМЖ 2006]). В другом примере жаргонизм сочетается с антропонимом – в заголовке одновременно представлена оценка и объект оценивания: ***Скрипалево*** (заголовок). *Кто и с какой целью пытался убить помилованного предателя Сергея Скрипаля* (НВ, 19.03.2018) ← *Скрипаль* + *палево* (жарг. ‘неожиданное появление начальства и командиров во время неуставных занятий солдат или курсантов’ [ССМЖ 2006]). Журналист иронизирует по поводу того, что Сергей Скрипаль был разоблачен во время выполнения своего секретного задания.

В следующей публикации рассматриваются дипломатические вопросы, обсуждаемые на саммите БРИКС: *К такой-то* ***дипломатери*** (заголовок). *Слова Сергея Рябкова прозвучали в Сямэне как последнее китайское предупреждение американским властям* (Коммерсантъ, 05.09.2017) ← *дипломат* + *матери*. Новое слово приобретает отрицательную оценочность за счет переклички с бранным выражением *к чертовой матери* (бран. презр. ‘выражение злобы, пренебрежения к кому-либо, желания отделаться, избавиться от кого-либо’ [БФСРЯ 2006]). Контаминанты *гопинг-проба, Скрипалево, (к) дипломатери* выполняют не только компрессивную функцию, но и ярко выраженную экспрессивную. Сниженный характер мотивирующих лексем придает заголовкам оскорбительный характер.

Включение «некодифицированной» лексики в медиадискурс – спорный вопрос лингвистической дискуссии. Одни исследователи говорят о контактоустанавливающей функции таких слов, о том, что включение «элементов разговорного языка, сленга, жаргона, сниженной лексики направлено на снятие барьера, на создание впечатления «своего парня»» [Селяев 2003: 277]. Другие настаивают на том, что такие единицы способствуют «культивации вульгарного, фамильярного стиля общения, часто с установкой на иронически пренебрежительное отношение к обозначаемому предмету» [Коряковцева 2008: 101]. На наш взгляд, стремление установить контакт с читателем не должно сопровождаться нарушением критериев хорошей речи.

Шокировать адресата способна перекличка контаминированных новообразований со словами пейоративного и обсценного характера, присутствие которых в текстах СМИ грубо нарушает правила речевой коммуникации: «Использование нецензурного слова как инвективы в печатной газетной речи неприемлемо по определению, так как противоречит функциональному назначению печатного издания. Использование этой группы слов во вторичных функциях также неприемлемо, так как нарушает этические нормы речевого поведения, национальные традиции речевого поведения, ведет общество к саморазрушению» [Коньков 2006: 115-116].

Недопустимыми с этой точки зрения являются следующие заголовочные окказионализмы: ***Аккуеть!*** (НВ, 22.08.2016) – в материале говорится о строительстве в Турции атомной электростанции Аккую, наименование которой и положено в основу окказионального слова; ***Скукины*** *дети* (заголовок). *Как новосибирская мэрия пыталась, но так и не сумела возглавить безобразие* (НГ, 04.05.2016) – инвективное выражение видоизменяется посредством существительного *скука,* которое, скорее всего, было необходимо лишь формально: завуалировать грубую экспрессивность инвективы; ***Скапитализдили*** *на ремонт* (заголовок). *В Фонде капремонта нашлись лишние 200 миллиардов рублей* (НВ, 17.12.2018). В данных примерах наблюдается прямое нарушение законов успешной коммуникации (унижение собеседника), так как окказионализмы явно неблагозвучны, имеют фонетическое сходство с бранными выражениями, нарушающими коммуникативно-прагматические и этические нормы речи. Журналисты не считаются с нравственными законами, изобретая новые слова, что может дискредитировать образ самих создателей текстов в глазах общественности, а также навредить имиджу печатных изданий в целом. Риск непонимания/неверного понимания информации также актуализируется в заголовке «*Аккуеть!*», так как исходное имя собственное может быть неизвестно читателям.

Другая разновидность контаминации (в широком смысле) – тмезис (греч. temnein ‘рассекать’) – способ словообразования, при котором «одно слово вставляется внутрь другого» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2005: 105]. Этот словообразовательный способ рассматривается в работах многих исследователей (Е.А.Земской, Р. Ю. Намитоковой, Л.В. Рацибурской,

Н.А. Николиной и др.). Н.А. Николина называет такие случаи гибридного словообразования «вставочной телескопией» [Николина 2009: 101]. Некоторые учёные в связи с этим замечают: «То, что выделяется в отдельные словообразовательные приемы и способы, такие как «междусловное наложение» и вставка одного слова в середину другого, на самом деле является реализацией одной и той же словообразовательной схемы, различие же связано с позицией созвучных элементов» [Хабибуллина 2006: 68].

В.З. Санников использует термин «включение», акцентирует внимание на оценочном характере получаемых дериватов: «В середину одного слова (основного, «базового») вклиниваются элементы другого слова (имеющего, как правило, отрицательную окраску). Получается некий гибрид – не только формальный, но и смысловой: говорящий намекает на смысловое родство двух слов – с целью дискредитации описываемого (*физиомордия, оператявка, оборзение* и др.) [Санников 2002: 166-167].

Дериваты, созданные путем тмезиса, нередко становятся ярким средством выражения оценки журналиста злободневных событий, явлений, тенденций: *Аукцион как* ***сгазили*** (заголовок). *ФАС может заставить АЛРОСА поменять условия продажи непрофильных активов* (Коммерсантъ, 11.01.2018) ← *сглазили + газ*; ***Обналожили*** (заголовок). *Как ведомство Антона Силуанова и другие политики хотят обложить население странными налогами* (НВ, 11.05.2018) ← *обложили + налог.* В новообразованиях совмещаются формально тождественные части мотивирующих слов. Экспрессивность дериватов определяется словообразовательным способом, а также характером мотивирующих: ирония выражается с помощью глагола *сглазить* (‘по суеверным представлениям: принести несчастье, болезнь, повредить кому-л. взглядом (дурным глазом)’), негативная оценка – в значении исходного глагола *обложить* (‘обязать к уплате, к взносу чего-л. (налога, штрафа и т. п.)’) [СРЯ 1981–1984].

Рискогенное словотворчество можно отметить в следующих случаях. Сложно однозначно интерпретировать заголовок статьи «***Противоботство*** *сверхдержав»: Россия предлагает изменить правила борьбы с киберпреступностью в мировом масштабе* (Коммерсантъ, 14.04.2017). В

существительное *противоборство* вставляется интернет-сленгизм *бот* (усеченная форма существительного *робот*). Второе производящее слово могут не определить читатели, находящиеся вне интернет-пространства: провоцируется риск непонимания/неправильного понимания заголовка. Окказионализм приобретает негативную оценочность во многом благодаря интернет-дискурсу: деятельность ботов осуждается пользователями интернета, с их действиями связаны такие понятия, как мошенничество, рассылка спама, фейковая информация, взлом, слежение и пр. При этом заголовок не лишен двусмысленности: журналист хотел подчеркнуть, что страны вместе будут бороться против киберпреступности (это выясняется из дальнейшего текста), но создается впечатление, что они не могут наладить взаимодействие между собой, на что указывает исходное *противоборство*. Возможна и иная трактовка словообразовательного способа: окказионализм образуется путем трансрадиксации (подробнее об этом в п. 2.2.3.): *противоборство → противоботство.*

Новообразование *красномэрский*, по нашему мнению, неблагозвучно, нарушает критерий эстетической приемлемости речи: *С* ***Красномэрском*** *покончено* (заголовок). *Руководить Красноярском будет конкурсный глава* (Коммерсантъ, 14.11.2015) ← *Красноярский + мэр,* вторая часть окказионального слова имеет фонетическое сходство с инвективным прилагательным *мерзкий* (‘вызывающий отвращение; гадкий’ [СРЯ 1981–1984]).

Неэтичным следует признать окказионализм *развойновались*: ***Развойновались****!* (заголовок). *Большинство россиян ожидают большой войны. Насколько реальна эта угроза?* (СС, 14.04.2015) ← *разволновались + война*. Новообразование, взятое в качестве заголовка, задает шуточный тон изложению, что неприемлемо с точки зрения тематики статьи: журналист пишет о возможности будущих вооруженных конфликтов.

В целом, контаминированные новообразования являются одним из самых востребованных воздействующих средств в текстах общественно-политических газет: «Объективные процессы в языке влияют на большую продуктивность дериватов, реализующих компрессивную и экспрессивную функции одновременно. Закреплению контаминационной деривации как одного из излюбленных средств каламбура способствует ее активное

использование в публицистике, в том числе и в заголовках» [Хабибуллина 2006: 71].

Контаминанты, в которых отражены значения обеих мотивирующих основ, являются более удачными (*ломбардак, ипотекатастрофа*), чем те, в которых одно из исходных слов играет роль «упаковочного средства» (*троллевые, скукины*). Незадействованная семантика исходного слова может ввести читателя в заблуждение, привести к возникновению ненужных, избыточных ассоциаций. Активизируется риск неправильного понимания сообщаемого.

Если контаминанты связаны с выражением отношения к социально-политическим реалиям, то они имеют ярко выраженную отрицательную окраску (*Пентагония, абсурдоперевод*). Контаминированные новообразования могут быть связаны с номинацией (и оценкой) неприемлемых для адресанта социальных явлений и событий (*шифрофрения, злолото*), порочной, разрушительной деятельности определенного лица (группы лиц) (*агендурни, банкстеры, эрдогад*). Инвективы, участвующие в словообразовании, обусловливают рискогенность таких номинаций, сомнительных с точки зрения критериев уместности, этичности, эстетичности речи. Лексемы с негативной семантикой не просто окрашивают медиатексты, но передают информацию о коммуникативно-прагматических интенциях их создателей. Сегодня журналисты стремятся не столько информировать, сколько эпатировать публику всеми возможными способами, зачастую в ущерб коммуникативно-прагматическим и нравственным нормам (*аккуеть, скапитализдить*). Кроме того, не всегда окказионализмы можно легко (и правильно) интерпретировать (*противоботство, дронуться*), хотя каждый журналист интуитивно способен спрогнозировать трудности адресата, связанные с наличием двусмысленной, непонятной, неполной или избыточной информации.

2.2.5. Новообразования как результат графического словообразования

Визуализация современной медийной коммуникации все больше привлекает внимание лингвистического сообщества. Подчеркивается, что активизация графико-орфографических игр со словом, происходящая в

последнее десятилетия, обусловливает необходимость их теоретического осмысления: «Определения их природы, типологии, функционально-прагматического потенциала, причин создания и роли в письменной коммуникации» [Попова 2011: 161]. Графическое словообразование представляет собой особый тип функционирования языкового знака, позволяющий «развернуть» семантику одного слова до целой ситуации [Денисова 2010: 509].

Общепризнанного обозначения словообразовательного способа, в результате которого появляются новообразования с графически выделенным элементом, в научной литературе пока нет. В исследованиях встречаются следующие номинации: «графиксация» (В.П. Изотов, Т.В. Попова), «графодеривация» (Т.В. Попова), «графическая игра» (С.И. Сметанина, С.В. Ильясова), «графическое словообразование», «графическая гибридизация» (В.М. Костюков, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева). Словообразовательные единицы, созданные этим окказиональным способом, называют «графодериватами», «графиксатами», «новообразованиями-гибридами» (Л.В. Рацибурская), «словами-кентаврами» (Л.П. Крысин), «визуальными неологизмами» (Е.В. Маринова), «графовариантами (графическими вариантами) слова» (Г.А. Иванова).

В данном диссертационном исследовании под графической гибридизацией понимается такой словообразовательный способ, в результате которого «обыгрывается, модифицируется графико-орфографическая форма слова» [Попова 2012: 199]. Сущность графической игры заключается «в выделении той части слова, которая должна быть воспринята как активный элемент, формирующий оригинальный смысл» [Сметанина 2002: 204]. В это понятие может входить шрифтовая, цветовая, пространственная, пунктуационная (кавычки, скобки, тире, дефис) актуализация элемента, организующего слово.

Согласно Т.В. Поповой, «графодериваты представляют собой некие гибриды, образования вербально-иконической природы» [Попова 2012: 202], следовательно, для их полного семантического осмысления необходимо визуальное восприятие.

В зависимости от того, средства алфавитов одного или различных языков используются при создании графических окказионализмов,

исследователи рассматривают явления монографиксации и полиграфиксации. При монографиксации в создании новообразования-гибрида участвуют средства одного языка, при полиграфиксации – средства алфавитов двух и более языков.

При описании узуальных слов, в которых графически выделяется тот или иной сегмент, в научной литературе используется термин «капитализация»: «Капитализация – графическое выделение сегмента слова» [Ильясова, Амири 2015: 67]. Исследователи отмечают широкие выразительные возможности этого приема: «Безусловной журналистской находкой в борьбе за читательской внимание является использование капитализации» [Шишкарева 2009: 85]; «Графическое выделение сегментов, омонимичных определенным типам узуальных морфем (лексем), определяет новый мотивационно-ассоциативный контекст восприятия узуального слова, опираясь на ситуативные и коннотативные пресуппозиции его употребления» [Гридина 1996: 119].

Неузуальное чередование строчных и прописных букв – распространенный способ создания медийных заголовков. Как правило, в окказионализме выделяется та часть слова, которая таким образом актуализируется: ***СОЮЗные*** *войны* (заголовок). *Открытое письмо акционера корпорации «Союз» Андрея Баранова Александру Бастрыкину* (НВ, 24.06.2015). В деривате *СОЮЗные* не происходит столкновения значений объединяемых слов. С помощью графического выделения автор помогает читателю быстро и беспрепятственно определить предмет дальнейшего обсуждения.

Гораздо больший интерес представляют псевдомотивированные новообразования. Именно псевдомотивация, по замечанию С.В. Ильясовой, играет ведущую роль при капитализации. В основе этого приема лежит преднамеренно ложная (искусственная) мотивация, базируемая на индивидуальных ассоциативных связях. Прежде всего, псевдомотивация возможна благодаря омонимичности объединяемых слов (частей слов). Неслучайно лингвист Н.П. Колесников использует термин «псевдоомонимы» – «слова, которым приписывается на основании неверного словообразовательного анализа другое значение, отличное от значения

узуального, признаваемого всеми и не связанного с действительной структурой слова» [Колесников 1990: 53].

Автор медийного текста в развернутом контексте может пояснять употребление созвучных слов (выражений), или же возникающие ассоциации легко выводятся из контекста: ***СУДостроение*** (заголовок)**.** *В России начинается «судебная революция»* (НВ, 10.12.2018); ***неКОМИческий*** *сериал* (заголовок). *Бывший зам премьер-министра Коми Константин Ромаданов открыл серию новых арестов энергетиков* (НВ, 03.08.2018). Псевдомотивированные новообразования востребованы в качестве заголовков. Это объясняется тем, что заголовок является сильной позицией текста и во многом определяет «судьбу» всей публикации: привлекает, «удерживает» внимание читателя, формирует прагматическую установку на восприятие. Однако нами обнаружены примеры капитализации и в тексте статей, что доказывает тот факт, что сферой заголовков её применение не ограничивается: *Ведь рабовладелец по найму рабов получает прибыль от работы рабов не на еду, а на* ***оБОГащение***. *<…>. Так наши боги живые до сих пор прячутся от зависти народной, что не мешает 100 самым* ***БОГатым*** *богам-филантропам иметь 50% прибыли со всей работы современных рабов всей планеты* (Завтра, 06.02.2018) – фрагмент публикации имеет выраженную саркастическую окраску: журналист дает понять, что *богатые люди* чувствуют себя *богами*. Они противопоставляются всем остальным гражданам – *рабам*. Подобное эмоционально-субъективное сравнение несет коммуникативный риск негативной реакции адресата.

Во всех представленных примерах наблюдается удвоение семантики нового слова: графический гибрид содержит семантику общеупотребительного слова, на базе которого происходит выделение сегмента, а выделенная гибридообразующая основа (слово) дает окказионализму дополнительное лексическое значение.

По нашему мнению, не всегда возможности псевдомотивации в рамках графического словообразования корректно используются журналистами. Категоричная позиция по отношению к освещаемому событию стала причиной появления заголовка «***ТРОНулись****!*» (НВ, 23.05.2016). Журналист пытается убедить аудиторию в том, что российская элита одержима идеей реставрации монархии. Экспрессивность псевдомотивированного заголовка

усиливается за счет актуализации разговорной лексемы *тронуться* (разг. ‘стать помешанным, психически ненормальным’ [БТСРЯ 2014]).

Сочетаемость сразу нескольких структурных особенностей обусловила рискогенность графического гибрида «***ДоБАЗАрились»*** (НВ, 15.01.2018) – в публикации автор рассуждает о том, не разорит ли Россию строительство военных баз за границей. Журналист не только выбирает словообразовательный тип, преимущественно представленный в разговорной речи, но и мотивирует окказионализм стилистически сниженным глаголом *базарить* (жарг. ‘говорить’ [ССМЖ 2006]). Значение глагола – ‘довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом’ (*доработаться, добегаться* и пр.) [РГ 1980]. Смысловая связь окказионализма и последующего текста устанавливается благодаря графической акцентуации слова *база*. Повышенная экспрессивность дериватов *ТРОНулись* и *доБАЗАрились* нарушает критерий уместности речи, а также может исказить представление об этико-речевой норме.

Затемненный смысл псевдомотивированных графических гибридов провоцирует высокую степень вероятности их неправильного/неточного понимания. Рассматриваемый прием становится причиной дезориентирующих заголовков: «***НеСНОСные*** *пятиэтажки*» (Коммерсантъ, 15.03.2017). В статье говорится о том, что планы властей по сносу пятиэтажек влияют на оживление рынка недвижимости. Получается, что пятиэтажки, которые пойдут под снос, стимулируют рынок, благоприятно на него воздействуют. Однако омонимия корней (графически выделенное узуальное *снос* от глагола *снести* (‘разрушить’) и *несносный* (‘невыносимый, неприятный, мучительный’) [СРЯ 1981–1984]) вносит двусмысленность, препятствует адекватному пониманию авторского замысла. Между тем, «неточность, замеченная читателем, подрывает доверие <…>, теряется ощущение достоверности описанного» [Головин 1988: 129].

Среди псевдомотивированных инноваций нередко встречаются случаи, когда в графически выделенной части отмечаются формальные отличия выделенного сегмента от базовой части исходного слова: ***РАДАваться*** *рано* (заголовок). *Кто победил на выборах — до сих пор не ясно* (МК, 29.03.2008); *Власть приказала* ***заМЭРеть*** (заголовок). *Прямые выборы глав крупных*

городов отменят (НВ, 10.04.2014); ***СЕЙФмическая*** *опасность* (заголовок). *Около 40 тысяч российских банкоматов оказались уязвимы перед хакерскими атаками из-за дефекта сейфовой части* (НВ, 10.08.2018); ***заКОРЬенели*** (заголовок). *Россия стоит на пороге эпидемии кори* (НВ, 10.12.2018); ***ГражДОНин*** *Казахмыса* (заголовок). *Как глава казахстанских «махновцев» Шамиль Махмаханов получил российское гражданство* (НВ, 02.11.2018); ***уСКОРИНили*** *в Беларуси* (заголовок). *Директору Третьяковской галереи Зельфире Трегуловой вручили белорусскую государственную награду – орден Франциска Скорины* (КП, 27.12.2018).

Такие случаи графической игры С.В. Ильясова относит к разряду контаминаций с графически выделенным сегментом: «Для рассматриваемого типа контаминаций характерна такая особенность, как игра с орфографическим обликом слова, то есть нарушение привычного орфографического облика узуального слова, <…> но нарушение орфографической нормы в данном случае несколько смягчается за счет графического выделения (*МИССтерия, РАКоко, МИРоприятия* и пр.)» [Ильясова 2002: 232]. Исследователь отмечает, что для адекватного осмысления деривата «надо знать семантику и базового слова, и графически выделенной части» [Ильясова 2002: 356].

Из представленных примеров не представляет трудности семантизация двух инноваций, демонстрирующих оригинальность мышления их создателей: ***РАДАваться*** (*Рада* + *радоваться*) – журналист иронизирует по поводу того, как проходят выборы на Украине (Верховная Рада Украины — однопалатный парламент страны); ***заМЭРеть*** (*замереть* + *мэр*) – новообразование создается путем тмезиса с графическим выделением «слова-вставки»; автор акцентирует внимание на том, что выборы городских мэров отменят – глагол *замереть* используется в значении ‘прекратиться’ [СРЯ 1981–1984].

Остальные новообразования из подборки требуют пояснений. На наш взгляд, в контаминантах ***СЕЙФмическая*** (*сейсмическая* + *сейф*) и ***заКОРЬенели*** (*закоренели* + *корь*) журналисты обыгрывают формальное сходство объединяемых слов, но не их семантику: в статье раскрывается значение графически выделенного слова, а другое слово выступает в качестве упаковочного средства. Семантизация оставшихся двух дериватов

значительно осложнена. В статье под заголовком «***ГражДОНин*** *Казахмыса*» автор буквально заставляет читательскую аудиторию прочитать статью, только в финале которой читатель, наконец, может определить значение заголовочного новообразования: *Руководитель, Шамиль Элсаевич, типичный стареющий дон жуан* (НВ, 02.11.2018). Определить второе исходное слово для контаминанта с графически выделенным именем собственным ***уСКОРИНили*** сложно даже после знакомства с публикацией. Считаем, что такие случаи графической игры со словом рискогенны: инновации неоправданно усложняют восприятие медиатекстов. По выражению М.В. Ляпон, такое «блуждание вокруг денотата» делает невозможной быструю интерпретацию языковой единицы, неминуемо провоцирует критику со стороны читательской аудитории [Ляпон 1989: 25].

Сознательное искажение слова или отдельного аффикса не всегда может быть положительно воспринято читательской аудиторией. Распространение графико-орфографических дериваций в интернет-пространстве, а затем в текстах печатных изданий заставляет ученых всё чаще обращать внимание на их деструктивную направленность. Появился специальный термин для характеристики таких явлений – антиорфография: «Сегодня антиорфография является не более чем преднамеренной игрой в неграмотность, очередной интернет-забавой, смысл которой может быть адекватно воспринят только при условии владения нормой. Вместе с тем антиорфография как социальный и коммуникативный феномен таит в себе опасность непредсказуемых последствий, поскольку с неизбежностью влияет на массовые представления о норме» [Дедова 2010: 34].

Широко представлены в текстах рассматриваемых СМИ окказионализмы с аббревиатурной основой. Их нацеленность на игру демонстрирует креативность современной журналистики: ***ГАЗуем*** *на экспорт* (заголовок). *Как российский производитель стал частью мирового автопрома* (КП, 27.12.2016) – обыгрываются предикат *газовать* в значении ‘увеличивать скорость’ [ССЛЖС 2014] и аббревиатура *ГАЗ* (Горьковский автомобильный завод) – российская автомобилестроительная компания.

Семантическая емкость аббревиатур, которые эквивалентны словосочетаниям, позволяет создавать лаконичные, выразительные заголовки. Иногда новообразование становится средством выражения

внетекстовой информации. В статье под заголовком «***ЦАРская*** *охота»* (*В Центрально-Африканской Республике (ЦАР) были жестоко убиты члены съемочной группы из России Орхан Джемаль, Александр Расторгуев и Кирилл Радченко* (СС, 07.10.2018)) журналист с помощью гибрида, содержащего аббревиатуру, весьма очевидно намекает на то, что убийство съемочной группы было заказным, и предполагает, кто именно является заказчиком.

В большинстве примеров графического словообразования с участием аббревиатур наблюдается графемное изменение исходного слова: ***ВИЧислить*** *всех* (заголовок). *В России стали чаще регистрировать зараженных вирусом иммунодефицита* (Известия, 20.03.2018); *Пивной* ***ПЭТриотизм*** (заголовок). *Доля Пэт-тары на пивном рынке достигает 40%* (Известия, 13.06.2018); ***ФСБук*** (заголовок). *Что случится с российским интернетом, если ФСБ расшифрует всё?* (НГ, 23.09.2016). Можно по-разному трактовать способ образования таких окказионализмов. С одной стороны, перед нами графическое словообразование, так как в деривате заглавными буквами выделяется гибридообразующая основа, совпадающая с известной аббревиатурой: *ВИЧ* (вирус иммунодефицита человека), *ПЭТ* (полиэтилентерефталат – сырье для изготовления пластиковой тары), *ФСБ* (Федеральная служба безопасности). С другой стороны, новообразования можно рассматривать как результат междусловного наложения омонимичных частей производящих, одно из которых представлено аббревиатурой: *ВИЧ* + *вычислить; ПЭТ* + *патриотизм; ФСБ* + *фейсбук.*

Исследователи отмечают, что обыгрывание аббревиатур в текстах СМИ все чаще направлено «не на развлечение, а на выражение оценки к обозначаемому аббревиатурой явлению [Ильясова 2016: 67].

Открытое навязывание отрицательной оценки прослеживается в следующих примерах: ***ЦИКничный*** *расчет* (заголовок). *Почему было решено не пересчитать голоса, а отменить выборы в Приморье* (МК, 20.09.2018); *Даже не* ***ЦИКнули*** (заголовок). *Как Центризбирком принимал власть в свои руки* (Коммерсантъ, 28.12.2017); ***АСВоили*** (заголовок). *Как Агентство по страхованию вкладов отбирает у россиян деньги, а его глава Юрий Исаев делает хорошую мину* (НВ, 08.02.2018). Графические отаббревиатурные гибриды совмещают в себе обозначение объекта критики

и его критику: в заголовках прослеживается авторская ирония, язвительная насмешливость, которые усиливаются контекстом. При этом для оппозиционных изданий характерно одностороннее рассмотрение конфликтной ситуации, большую часть сообщаемых данных сложно верифицировать и подтвердить. Такая категоричная журналистская позиция, в первую очередь, вербализированная в заголовке, является фактором КР – провоцируется непрогнозируемая реакция адресата.

Иногда выраженная в заголовке оценка противоречит содержанию статьи: ***ГРУбияны*** (заголовок). *Почему Британия выбрала главной мишенью именно военную разведку России* (НВ, 13.09.2018). В гибриде объединяются аббревиатура ГРУ (Главное управление Генерального штаба – орган внешней разведки Министерства обороны РФ и центральный орган разведки ВСРФ) и существительное *грубияны*. В статье автор размышляет о том, насколько правомерны обвинения Англии по отношению к России в деле отравления Скрипалей. В сущности, в тексте находит отражение лишь аббревиатура (Сергей Скрипаль – бывший полковник ГРУ). Второе мотивирующее слово в содержании статьи не отражается. Можно было предположить, что автор даст оценку описываемым событиям и тем самым оправдает инвективную оценочность заголовка, однако в тексте представлено только последовательное изложение фактов, связанных с анализируемым событием.

Особенно опасны заголовки, в которых негативная оценка оскорбительна не только для отдельно взятого лица (группы лиц, организации, объединения и пр.), но и для адресата в целом: ***ЧОПнулись*** *по-быстрому* (заголовок). *Охранная фирма, отвечавшая за безопасность в ТЦ «Зимняя вишня», самоликвидировалась* (НВ, 30.03.2018). В материале рассказывается о последствиях страшного пожара в торговом центре «Зимняя вишня» (март 2018 г.). Журналист образует графодериват на базе аббревиатуры *ЧОП* (частное охранное предприятие) и омонимичного грубо-ироничного сленгизма *чпокнуться* (*по-быстрому*) (сленг. ‘провести ночь с кем-то’ [ССЛЖС 2014]). Насмешливая интонация, передаваемая заголовком, выглядит вульгарной и аморальной. Такое речевое поведение неприемлемо и недостойно, свидетельствует о коммуникативной некомпетентности создателя текста. Неслучайно Е.Н. Басовская говорит о том, что такие заголовки «обезглавливают» текст: «Вызывает тревогу та всеохватная

ирония, которая заставляет журналистов подшучивать над людскими страданиями, не щадить ничьих чувств, унижать человеческое достоинство. Гуманистическое содержание статьи может быть перечеркнуто ерническим заголовком. Принцип «ничего святого» усваивается особенно легко и прочно не тогда, когда он открыто декларируется, а тогда, когда последовательно применяется» [Басовская 2003: 62].

Законы успешной коммуникации нарушают следующие графические новообразования с участием аббревиатур: ***МИДаки*** (заголовок). *Как спецкор «Новой» Павел Каныгин добивался встречи наших дипломатов с пленными гражданами России* (НГ, 25.05.2015); ***ЕГЭнуться*** *можно!* (заголовок) *Зону экзаменов Минобрнауки окончательно превратило в тюремную зону* (НВ, 16.06.2014): ***РазВЭБали*** (заголовок). *Почему ВЭБ банкротит стратегически важные предприятия, и кого Сергей Горьков назначил ответственным за новые технологии* (НВ, 09.02.2018); ***ВОБнутые*** (заголовок). *Как глава Всероссийского объединения болельщиков Шпрыгин нападает на журналистов и нелегально проникает в страны Евросоюза* (НГ, 19.09.2016); ***АУЕвшие малолетки*** (заголовок). *У детей входит в моду жизнь по тюремным понятиям* (НВ, 28.05.2017) – в этом примере графический гибрид мотивирован малоизвестной аббревиатурой *АУЕ* (Арестантский уклад един), обозначающей неформальное объединение молодежи в современной России. Адресат может не понять, что именно оценивает автор в такой категоричной форме, актуализируется КР неверного/неточного понимания информации.

Зафиксированные нами неблагозвучные гибридные новообразования (*МИДаки, ЕГЭнуться, разВЭБали, ВОБнутые, АУЕвшие*) фонетически перекликаются с бранными словами и выражениями, поэтому признаются рискогенными (риск читательского негатива). Непристойные, оскорбительные слова, «прячущиеся» за графическими гибридами, не соответствуют конвенциональному речевому поведению. В медиатекстах преобладает негативная эмоциональная составляющая, наблюдается журналистская пристрастность в информировании, стремление подчинить установки адресата собственным коммуникативным интересам. Прагматические интенции журналистов – опорочить, скомпрометировать образ того, что стало предметом их внимания.

При полиграфиксации в графическом новообразовании наблюдается сочетание кириллицы и латиницы. Прием пользуется популярностью в медийных текстах общественно-политических СМИ: ***КонтраFIFAкт*** (заголовок). *Таможенные органы задержали 493 тыс. единиц контрафактной продукции с символикой FIFA* (Известия, 06.08.2018); *Удар по **Urbanизму*** (заголовок). *Теория городского строительства от основателя Urban Group* (НВ, 25.05.2018).

Распространение таких графодериватов демонстрирует особенности сознания современных носителей языка, отражает актуальные социокультурные реалии: «Усиливается прагматическая функция языка в её крайнем проявлении, которую можно назвать лингвомаркетологической функцией, проявляющейся тогда, когда язык становится объектом или средством купли-продажи. Востребованным оказывается лишь то, что реально воздействует на сознание адресата, побуждая его к тем действия, ради которых текст создается» [Голев 2009]. Неопределенность языкового знака есть отражение нестабильности окружающей человека реальности, что может выгодно использоваться с целью манипулирования его сознанием: «Отказ от определенности значений и закрепленных в слове смыслов приводит к тому, что читатель воспринимает прежде всего не реалии и явления, изображаемые в тексте, а авторские интенции, «существующие на мерцающих, пульсирующих границах» [Бавильский 2000: 182].

Семантика многих полиграфиксатов неоднозначна, многопланова и полиинтерпретативна [Попова 2013: 35]. Знаки другого языка могут вносить дополнительный смысл, осложнять семантику новообразования коннотативными семами, свидетельствующими об иной стилистической окраске графодеривата. На наш взгляд, журналисты не всегда уместно используют средства и приемы различных языковых уровней с целью достижения определенного коммуникативного эффекта.

Высокой степенью экспрессивности обладает полиграфиксат в следующем примере: ***DDoSтали*** (заголовок). *«Ъ» просит МВД проверить причастность «Наших» к атакам на ИД.* (Коммерсантъ, 10.02.2012) – журналист обыгрывает омонимичность основы глагольной формы *достать* и англоязычной аббревиатуры *DDoS* (Distributed Denial of Service), чаще всего используемой в сложном существительном *DDoS-атака*, т.е. ‘хакерская

атака’. Оценочность деривата обусловлена жаргонным характером глагола *достать* (жарг. ‘утомить, надоесть’ [ССМЖ 2006]), выражающего неприязненное отношение журналиста. Но авторская интенция будет понятна только тем читателям, которым знакомо второе слово, составляющее гибридное новообразование.

Риск неправильной дешифровки деривата высок при осмыслении заголовка «***ARD-обстрел**, пятая серия*» (МК, 24.01.2017) – мотивирующим для графодеривата выступает немецкая аббревиатура *ARD* – ассоциация немецких региональных общественных телерадиокомпаний. Стоит отметить находчивость автора, который, характеризуя информационную войну между Россией и Германией, обыгрывает омонимичность иноязычной аббревиатуры и сокращенного военного термина *артобстрел* (‘артиллерийский обстрел’ [ТСРЯ 2008]).

Некорректно по отношению к читателю построен следующий графодериват на базе прецедентного текста: ***HOTELu** как лучше* (заголовок). *Интуристов могут пустить в столицу без визы на 72 часа* (МК, 18.09.2018) ← *hotel* (англ. ‘отель, гостиница’) + *хотели* (*как лучше*). Материал посвящен политической инициативе введения в Москве временного безвизового режима для иностранцев. Журналист намеренно разрушает графический облик узуального глагола, используя англоязычную лексему и обыгрывая известную цитату В.С. Черномырдина «*Хотели как лучше, а получилось как всегда*». Ассоциативная связь между новым компонентом и устойчивым словосочетанием размыта: в статье речь идет не только об отелях для иностранных граждан во время отдыха в Москве, но и визовой лояльности, ресторанном бизнесе, экономических выгодах от развития туризма и пр. Спорна и эмоциональная составляющая заголовка, выражающего сожаление, которое не поддерживается содержанием публикации.

В другом примере благодаря графодеривату оригинально обновляется структура разговорного выражения *вылететь со свистом* (‘проиграть, выйти из игры, быть отстраненным от дел’), зафиксированного в словаре русского арго [Елистратов 2002]: ***Пролетели со SWIFT'ом*** (заголовок)**.** *Финансовый аналитик Тимур Турлов – о том, когда появится европейский аналог платежной системы и как это поможет росту цен на нефть* (Известия, 10.10.2018). В новом слове обыгрывается омонимичность существительного

свист и аббревиатуры *SWIFT* (от англ. Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications – Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи). Журналист намекает на то, что отключение от системы SWIFT может усилить изоляцию России на международной политической арене. Очевидно, что такая словообразовательная игра требует значительной коммуникативной компетенции читательской аудитории, особых знаний об экономическом и политическом взаимодействии между странами.

Таким образом, активизация графического словообразования в медиатекстах печатных СМИ демонстрирует тенденцию визуализации медийной коммуникации, необходимой в целях реализации воздействующего потенциала СМИ: «В печатных средствах массовой информации вербальность текста неразрывно связана с его графическим воплощением, следовательно, лингвистические средства манипулирования дополняются экстралингвистическими (визуальными) способами, которые оказывают влияние на сознание и подсознание реципиента, на восприятие им информации» [Данилова 2011: 163].

Популярность результатов графической словообразовательной игры может объясняться структурно-семантическими особенностями производных слов: объединение (чаще всего необычное) семантики исходных лексем, формальная оригинальность слова, способная выделить его на фоне основного текста.

При этом «графико-орфографические игры» (термин Т.В. Поповой) требуют особой коммуникативной компетентности от журналистов, так как графические гибриды могут значительно усложнять восприятие медиатекстов, что порою нецелесообразно в условиях современной информационной насыщенности. Нами определены случаи графической гибридизации, способные привести к коммуникативному дисбалансу: это излишняя экспрессивность дериватов, демонстрирующая категоричную авторскую позицию (*даБАЗАрились, ТРОНулись*); двусмысленность инноваций (*неСНОСные*); неопределенность исходных слов, препятствующая пониманию того, каким именно целям служит новое слово (*уСКОРИНили, ГражДОНин*); избыточная информативность

графодериватов, требующая от адресата при восприятии значительных фоновых знаний (*Пролетели со SWIFT'ом, DDoSmали*).

Выводы

Словообразовательные ресурсы языка активно используются современными журналистами с целью воздействовать на сознание массовой аудитории, выразить личные пристрастия и антипатии, сформировать необходимое автору отношение к событию, явлению, конкретному лицу: «Технология создания текстов массовой информации предполагает максимальную эффективность воздействий сообщений на получателя» [Данилова 2011: 40].

Нельзя не отметить широкие выразительные возможности медийных инноваций при умелом использовании их адресантами: «Новообразования разрушают стереотипы восприятия (как в структурном, так и в семантическом плане), дают возможность более полно и точно выразить свои мысли и чувства, дать оценку происходящему, усилить эмоционально-экспрессивную выразительность речи, позволяют экономить языковые средства» [Юдина 1999: 56]. Абсолютно права О.Г. Ревзина, отметившая, что появление окказиональных слов в речевой деятельности есть особое выражение свободы языковой личности, в процессе словотворчества происходит «высвобождение человека из-под власти языка» [Ревзина 1996: 306]. Вместе с тем словотворческая свобода авторов медиатекстов может стать фактором рискогенности последних.

Рискогенный характер медийных текстов может быть обусловлен степенью стандартности новообразований. Стандартные новообразования составляют порядка 60% общей выборки: дериваты, созданные путем префиксации (24%), суффиксации (32%), аффиксоидации (20%), композиции (24%). Ингерентная (не зависящая от контекста) экспрессивность стандартных инноваций может быть обусловлена их структурно-семантическими особенностями: характером мотивирующей основы, маркированностью аффиксального элемента, несистемными нарушениями в сочетаемости морфем.

Наибольшая ингерентная экспрессивность присуща нестандартным новообразованиям, к которым относятся инновации, созданные с

системными отклонениями от условий словообразовательного типа, и окказионализмы нетиповой словообразовательной структуры. Среди нестандартных новообразований наиболее рискогенными являются инновации, созданные неузуальными способами: это графодеривация (35%), гибридизация (контаминация в узком смысле, междусловное наложение, тмезис) (30%), заменительная деривация (14%), чересступенное словообразование (5%).

Результаты исследования подтверждают, что наблюдаемая сегодня в языке печатных СМИ свобода, «раскрепощенность» (по Е.А. Земской) нередко приводит к нежелательным последствиям коммуникативного и социального характера. Медийные новообразования стандартной и нестандартной словообразовательной структуры при определенных условиях могут обладать рискогенностью, то есть они способны приводить к возникновению коммуникативных рисков (КР). В каждом из рассмотренных способов создания новых слов выявлены случаи рискогенного словотворчества, связанные с нарушением критериев понятности, точности, стилистической уместности, этической, эстетической приемлемости речи.

Чаще всего рискогенность медийных новообразований (порядка 70% проанализированных примеров) определяется их повышенным уровнем экспрессивности, граничащей с проявлением речевой агрессии. О неуместном, некорректном использовании экспрессивных новообразований следует говорить тогда, когда их экспрессивная окраска имеет выраженный агрессивный характер, противоречит этическим и эстетическим нормам; когда журналисты не учитывают особенности семантики исходных слов, представленных просторечными, жаргонными, инвективными, обсценными лексемами, не принимают во внимание благозвучность новых слов. В большинстве случаев ингерентная экспрессивность рискогенных инноваций значительно усиливается стилистической тональностью того контекста, в котором они функционируют.

Риски, связанные с непониманием/неверным/неточным пониманием сообщаемого, провоцируются в тех случаях, когда авторы медиатекстов игнорируют неопределенность, двусмысленность семантики новых слов, активно задействуют в словообразовательных экспериментах заимствованные слова и компоненты, не поясняя их в тексте статей.

В свою очередь, возникающие в текстах СМИ коммуникативные риски могут препятствовать реализации авторских намерений, вносить дискомфорт в осуществляемый процесс коммуникации, создавать зону «коммуникативного напряжения», оказывать негативное влияние на впечатление адресата о творчестве журналистов и деятельности всего печатного издания в целом.

Глава III. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РИСКОГЕННОСТИ НОВООБРАЗОВАНИЙ В МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

3.1. Актуализация семантики новообразований как фактор их рискогенности

Анализ номинативных и экспрессивных возможностей медийных новообразований не ограничивается анализом их структурно-семантических особенностей: «Производное слово с его неповторимой семантикой создается не только в чисто лексических целях, но и для осуществления этой единицей гораздо более сложных и более разнообразных грамматических, синтаксических и номинативно-коммуникативных функций» [Кубрякова 1981: 19].

Многие исследователи неоднократно подчеркивали, что окказионализмы «структурируют смысловое пространство дискурса» [Сухоплещенко 1995], являются «важнейшей текстообразующей единицей» [Бабенко 1997], выполняют «дискурсивную (текстообразующую) и системно-ориентирующую функции» [Кубрякова 2004].

Факторы экспрессивности окказионализмов, обусловленные особенностями их функционирования, в научных работах определяются как внеязыковые, экстралингвистические [Костомаров 1971], функционально-дискурсивные [Самыличева 2011], функционально-прагматические факторы [Бекетова 2014] и др.

В данном исследовании предпочтение отдается последнему обозначению: функциональный аспект предполагает понимание медиатекста как «текста в действии», в котором языковые знаки вступают в определенные отношения, действуют в совокупности; прагматический аспект предполагает ориентацию текста на коммуникативный процесс: сюда включаются вопросы, связанные с субъектом (автором текста), адресатом (читателем) и – главное – с их взаимодействием в акте коммуникации [Валгина 2001].

Контекст, в который журналист «помещает» окказиональное слово, может формировать или актуализировать его семантику, обусловливать экспрессивность нового слова или усиливать её, способствовать пониманию всего высказывания в целом: «Текст служит средством актуализации различных сторон словообразовательного механизма. Производное слово в

тексте обнаруживает свою специфическую природу, а именно – свой конструктивный характер. При рассмотрении того, как производное слово создается в речевом акте в процессе построения текста, особенно ярко виден деятельный характер словообразования» [Земская 2009: 163]. Речь идет о так называемой адгерентной экспрессивности окказионализмов, которая как бы наслаивается на экспрессивность ингерентную. Адгерентная экспрессивность приобретается за счет лексического окружения окказионализмов, тематической направленности материалов, использования в словообразовании ключевых слов эпохи, прецедентных феноменов и пр.

Хрестоматийной классификацией с выделением трех типов актуализации семантики новообразований является классификация, предложенная Р.Ю. Намитоковой. Исследователь выделяет: 1) лексическую актуализацию, при которой выделяются два типа актуализаторов: корневой (когда в микротексте (контексте предложения или абзаца) присутствуют однокоренные с окказионализмом слова) и структурный (когда в микротексте функционируют слова, структурно идентичные окказионализму); 2) текстовую актуализацию – это актуализация содержанием текста: контекст непосредственно указывает на структуру окказионализма разъяснением или графически; 3) затекстовую актуализацию, когда восприятие и понимание окказионализма «зависит от фоновых знаний читателя, его культурной памяти» [Намитокова 1989: 227].

1. Выделение лексического типа актуализации семантики новообразований связано с трудами Е.С. Кубряковой, в которых исследуется коррелятивное и аналогическое словообразование (соответственно, корневой и структурный типы актуализации семантики новых слов в классификации Р.Ю. Намитоковой).

Корреляционным (коррелятивным) словообразованием Е.С. Кубрякова называет связывание в одном контексте однокорневых образований. Их взаимоотношения могут быть двух типов. В одном случае исходное слово предшествует производному, поэтому «семантика производного выступает как своеобразное развитие, продолжение, уточнение значений, заданных мотивирующей единицей. <…>. В другом, исходное слово появляется после деривата, чтобы таким образом дать объяснение его семантики» [Кубрякова 1981: 29].

Согласно нашим наблюдениям, в современной печати корневой повтор находит более широкое распространение, чем повтор одноструктурных производных. Анализ новообразований демонстрирует, что при корреляционном словообразовании контактное (близкое) расположение производящего и производного слов исключает коммуникативные риски, связанные с неоднозначным пониманием окказиональной лексемы: *Всё это ведёт к неуклонному ослаблению России и закреплению её статуса как* ***колонии*** *(или, используя современную терминологическую моду, –* ***криптоколонии****) «коллективного Запада»* (Завтра, 16.01.2018) – новое слово *криптоколония* создается на основе предшествующего *колония*, является его уточнением, отсылающим читателя к сфере цифровых технологий; *От такой* ***шизы*** *развивается неврастения. Вот зачем так делать? Кому понадобился этот адов цирк? «Партнёры» — ещё одна* ***шизинка*** (Завтра, 19.02.2015) – дериват с суффиксом ***-инк(а)*** выражает значение уменьшительности, совмещенное со значением единичности; *Все больше утверждается мысль, что если чиновники, попавшие под международные санкции, «****страдают****», то неплохо бы было «****страданутъ****» и всем прочим* (МК, 09.10.2014) – производный глагол с суффиксом ***-ну(ть)*** с семантикой ‘однократно и, как правило, интенсивно или экспрессивно, резко, совершить действие’ [РГ 1980] обладает отрицательной экспрессией, характерен для разговорной речи.

В медиадискурсе на основе предтекста часто образуются обозначения лиц. Базой корневого повтора могут выступать существительные и прилагательные: *Когда были вынесены приговоры основным членам группировки «****Шалтай-Болтай****», версия о причастности офицеров ФСБ к деятельности* ***шалтай-болтаевцев*** *не нашла подтверждения* (НГ, 13.12.2017); *Мы воспитали поколение девиц, которое считает главной целью — максимальное число подписчиков в* ***Инстаграм****. Для вас секрет, что эти девочки хотят содержания? Для вас секрет, что эти девочки продают себя на ночь? Есть такой тренд: спать с популярными* ***инстаграмщицами*** (МК, 28.06.2018); *Поголовье пришлось уничтожить. А когда попробовали восстановить, то вдруг оказалось, что наших животных вирус поражает, а тех, которые содержатся в* ***крупных*** *агрохолдингах, нет. В общем, постепенно нас приучили, что свиньями лучше не заниматься – это дело «****крупняков****»* (НВ, 17.08.2015). Как видно, предшествующее слово выполняет

функцию семантизатора новообразования, снижает вероятность риска читательского непонимания/недопонимания излагаемой информации.

Новообразования, находящиеся в конце определенного микротекста, могут являться его своеобразным итогом, позволяют автору прийти к конкретному умозаключению: *В другом обществе можно было бы честно зарабатывать и не трястись от страха, что завтра посадят в тюрьму. Но тогда это послушание закону, а* ***Родина*** *превыше закона. Патриот отдает ей свою честь, имя, безопасность, жертвуя всем, что дорого человеку, ради утверждения* ***воровского*** *братства, круговой поруки. Это такая еще не вполне осознанная вера —* ***родноворие*** (НГ, 01.02.2016); *Никуда «****Единая Россия****» не перейдет и ни в чем не изменится. Ее внутреннее партийное пространство — это заповедная территория, где, скорее всего, еще долго все будет оставаться так, как было. Пока организация политически не вымрет и не получит у археологов будущего наименование* «***единозавры***» (НГ, 07.12.2018). В представленных фрагментах корневой повтор становится дополнительным средством экспрессивизации медиатекстов, он значительно усиливает общую негативную модальность высказываний. В новообразовании *родноворие* выражается оценка общественного явления, ирония деривата *единозавры* направлена на конкретную политическую группу. Риск негатива со стороны читателя возможен в том случае, если адресат не разделяет негативное отношение адресанта к объекту речи.

Контактный корневой повтор становится структурной единицей текста, на его основе могут строиться целые фрагменты: *Россия стремится* ***финляндизировать*** *Прибалтику? Возможна ли* ***финляндизация*** *Украины? Оправдания – «нет, не* ***финляндизируем****!» – даже в случае успеха сам термин оставляют в обороте: «Но уж* ***Финляндию-то*** *вы когда-то* ***финляндизировали*** *точно!»* (Завтра, 01.03.2018) – окказиональные дериваты, основанные на топониме *Финляндия*, помогают автору создать текст фельетонного характера.

На базе корреляционного словообразования может выражаться осуждающее, категоричное отношение автора к чему- или кому-либо. Экспрессия особенно заметна, когда в миниконтексте происходит сталкивание нейтрального производящего и стилистически сниженного производного: *Любая однозначность и плакатность здесь совершенно*

неприемлемы, ибо мгновенно превращают ***символ*** *в* ***символятину*** (Известия, 19.09.2018) – существительное с суффиксом ***-атина(а)(-ятин(а))*** называет собирательное понятие, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом, обычно с экспрессией неодобрения, отрицательной оценки [РГ 1980]; *И это как раз четкое и очевидное доказательство того, что все вышесказанное наши* ***либералы*** *(или, точнее,* ***либерасты****) сделали не случайно, а осознанно и целенаправленно* (Завтра, 16.06.2018) – конкретным образцом для окказионализма *либераст* является вульгаризм *педераст* (‘тот, кто предается педерастии’ [БТСРЯ 2014]), который и сообщает инновации отрицательную коннотацию. Контрастность, создаваемая посредством корневого повтора во втором случае, способна привести к КР – негативной реакции читательской публики: журналист в резкой, циничной форме выражает свое субъективное отношение к конкретной группе лиц.

Можно сказать, что корреляционное словообразование является действенным способом привлечения и удержания читательского внимания. Семантическая связь между окказионализмом и исходным словом работает на создание или усиление выразительности. Особенно значимо для данной работы наблюдение, что корневой повтор является своеобразным «ключом» к дешифрованию окказиональных лексем, играет роль семантизатора инновации, следовательно, помогает журналистам избежать нежелательных коммуникативных рисков, связанных с неверной/неточной интерпретацией новых слов.

Аналогическое словообразование реализуется в медиатекстах в двух случаях: 1) производное слово появляется в тексте при ориентации на существующий лексический образец; 2) в микротексте используются ряды одноструктурных новообразований, то есть слов, созданных по одной словообразовательной модели.

Как отмечает Е.С. Кубрякова, при аналогическом словообразовании воспроизводится модель слова, его структуры, только «заполняются» они новым лексическим материалом [Кубрякова 1981: 26]. Использование в минимальном контексте слова-прообраза является одним из вариантов актуализации семантики новообразования [Бакич 2016: 261]. Данный прием известен как «образование слов по конкретному образцу» [Земская 2009: 194] или «предсказамус-прием» [Ильясова, Амири 2015: 192].

Словом-прообразом для деривата *невредимка* становится существительное *невидимка*, текст основывается на обыгрывании семантики двух слов: *Что тут гениального? А то, что в наших условиях* ***невидимка*** *становится* ***невредимкой****: сама никому не вредит, и ей нельзя нанести никакого вреда. Невидимую скульптуру не снесешь, не обольешь краской. Она не вызывает никакого раздражения и протеста. Стоит себе и пусть стоит (или сидит?) при любой власти* (НГ, 12.12.2018). Данное новообразование можно также рассматривать как результат тмезиса – внутрь узуального *невидимка* вставляется существительное *вред*; *И какие люди за этим порогом! И как они* ***расфуфырились****. Или, как сказали бы потребители напитков в пузырьках,* ***расфунфырились.*** *С того же 2000 года* (НГ, 14.06.2017) – конкретным образцом для окказионализма *расфунфырились*, мотивированного существительным *фунфырики* (‘небольшая бутылка алкоголя или спиртосодержащей жидкости’ [БТСРЯ 2014]), выступает просторечный глагол, присутствующий в контексте.

В аналогическом словообразовании с целью воздействия на адресата активно используются ряды одноструктурных производных: «В результате употребления в одном тексте ряда разнокоренных слов, относящихся к одному словообразовательному типу, происходит актуализация деривационной структуры слова и соответствующего деривационного значения. Этот вид действия механизма словообразования является наиболее частотным. Он распространен в различных сферах языка и охватывает производные разных словообразовательных типов» [Земская 2009: 167].

Особенно распространены в аналогическом словообразовании имена существительные, образованные от антропонимов и связанные в предложении синонимическими отношениями: ***Трампушка*** *за* ***Обамушкой*** (заголовок). *Россия снова выбирает президента. К сожалению, всего лишь американского...* (НГ, 22.08.2016) – уменьшительные дериваты выражают авторскую насмешку над излишней заинтересованностью российских граждан ходом американских выборов, а также их наивными надеждами на налаживание взаимоотношений с США; ***Горбачёвщина****,* ***ельцинщина****,* ***собчаковщина****... что дальше?* (Завтра, 27.08.2018) – существительные с суффиксом ***-щина*** от личных имен собственных имеют словообразовательное значение ‘обладание качествами того лица, которое

названо производящей основой' [РГ 1980]. Инновации характеризуются неодобрительностью, формируемой словообразовательным аффиксом и поддерживаемой контекстом: *Почему столь презрительно относится народ к стилю руководства государством и обществом перестройщиком М. Горбачёвым, реформатором Б. Ельциным, отцом новой русской демократии А. Собчаком? Потому что все они ренегаты, разрушители Советского Союза* (Завтра, 27.08.2018). Формирование отрицательного образа упомянутых исторических личностей происходит посредством негативно оценочной лексики – *презрительно* ('пренебрежительно, высокомерно'), *разрушители* ('тот, кто или то, что разрушает что-л.'), *ренегаты* (перен., презр. 'человек, изменивший своим убеждениям и перешедший в лагерь противников; отступник, изменник') [БТСРЯ 2014].

В следующем тексте словообразовательный формант ***-изм*** лишен маркированного оценочного значения, однако оценочность новообразований формируется благодаря включению их в развернутую метафору, отсылающую читателя к древнегреческой мифологии: *Нам предстоит уподобиться хитроумному Улиссу и проплыть и мимо Сциллы* ***путинизма****, и мимо Харибды* ***навальнизма****, потому что и та, и другая попытаются использовать левопатриотическую оппозицию и идущие за ней народные массы в своих целях* (Завтра, 22.10.2018).

В другом фрагменте с целью экспрессии используется целый ряд дериватов с суффиксоидом ***-гейт*** (о суффиксоиде ***-гейт*** см. стр. 82): *Сплошной* ***Хилларигейт*** (заголовок). *За время пребывания Клинтонов в Белом доме этот список пополнился* ***Трэвелгейтом****,* ***Уайтуотергейтом****,* ***Файлгейтом****,* ***Чайнагейтом****,* ***Моникагейтом*** *и* ***Пардонгейтом*** (СС, 07.11.2016) – так журналист обозначает политические скандалы, связанные с деятельностью Хиллари Клинтон.

Негативная тональность текста усиливается, если один из компонентов одноструктурных дериватов содержит в себе негативную оценочную сему: ***Гоп-политика, гоп-экономика, гоп-журналистика, гоп-религия*** *тоже по сути гибридны: они соблюдают одни законы профессии, чтобы создавать себе алиби при нарушении других* (НГ, 13.11.2017) – корневая морфема ***гоп-*** стилистически маркирована, представлена в жаргонных лексемах *гопота, гопник*, *гоп-компания* и др. [ССМЖ 2006]; ***Лже-собор, лже-церковь, лже-***

предстоятель, лже-президент, лже-государство… (Завтра, 15.12.2018) – нарастание экспрессии происходит благодаря префиксоиду ***лже-*** со значением ‘мнимости, неистинности, ложности’. В двух данных случаях можно отметить подчеркнуто агрессивный тон высказываний, перенасыщенность текстов лексемами, имеющими отрицательную окраску, что может вызвать у читателя тягостное впечатление. В этих фрагментах повтор одноструктурных производных нарушает критерии эстетической и этической приемлемости речи, следовательно, актуализирует КР отрицательного отклика аудитории.

2. Следующий тип актуализации семантики новообразований – текстовая актуализация. Актуализирующий контекст «эксплицирует те семантические признаки, которые являются основой семантического согласования актуализируемого и актуализатора. Обеспечивая процесс коммуникации (передачу информации и воздействие на адресата), текст и актуализирующий контекст отражают познавательный процесс и его результаты, являются средством формирования и выражения мысли, воплощают чувственно-эмоциональную сферу жизни человека» [Абдуллина 2010: 160].

Посредством текстовой актуализации семантики новообразований может сниматься или «смягчаться» рискогенность новообразований, созданных как узуальными, так и неузуальными словообразовательными способами.

Проблемы интерпретации новообразований стандартной словообразовательной структуры могут возникнуть из-за характера значения мотивирующей основы или абстрактной семантики словообразовательного аффикса. Например, в существительных с суффиксом ***-тель*** выражается агентивное значение производителя действия, конкретизируемое только контекстуально [РГ 1980]. Текст помогает понять, что обозначается дериватом, – одушевленное лицо или неодушевленный предмет: *«**Вовлекатели**» подростков сядут на 5 лет. Дума заинтересовалась «политическими педофилами»: кого посадят за вовлечение в митинги* (МК, 08.11.2018); ***Омрачителем*** *или осветителем пространства может быть назван человек* (Завтра, 12.02.2016); В *конце 2011 года чиновники решили разобраться, чем на самом деле занимаются «**развиватели**» инновационных*

бизнесов, и прояснить судьбу выделенных компании бюджетных средств (МК, 26.02.2012). Контекст позволяет исключить коммуникативные риски, связанные с неверным или неточным декодированием словообразовательных инноваций.

Достаточно размытую семантику вне контекста имеет композит *пробкостроительство: В деле «**пробкостроительства**» преуспевают на самом деле все участники процесса* (МК, 20.09.2017). Согласно данным словаря, существительное *пробка* имеет четыре значения: 1) ‘наружная часть коры некоторых древесных растений’; 2) ‘общее название втулок, затычек для закупоривания бутылок и других сосудов, а также для закрывания различных отверстий в аппаратах, приборах’; 3) ‘скопление кого-, чего-л., мешающее нормальному движению, течению; затор’; 4) ‘название одного из видов электрических предохранителей’ [СРЯ 1981–1984]. При этом любое из этих значений не совсем соотносится с существительным *строительство* (‘возведение’ [СРЯ 1981–1984]). Именно контекст актуализирует третье значение: *Пробки входят в нашу жизнь плотно и привычно. Автозаторы мы принимаем как данность и думаем, как их превратить в пользу* (МК, 20.09.2017). Следовательно, значение деривата – ‘организация дорожных заторов, участие в образовании дорожных заторов’.

Правильной интерпретации всего медийного текста может способствовать авторское разъяснение семантики окказионального слова (или его составной части): *И это назначение не вписывается ни в какую из ранее обсуждавшихся многочисленными экспертами логик «**губеропада**» – омоложения губернаторского корпуса* (НГ, 02.10.2017); *Для отмывания денег, в том числе полученных от прямой криминальной деятельности вроде **кибершантажа** – когда зараженные вирусами компьютеры требуют от пользователей перевода денег на биткоин-кошельки* (НГ, 31.07.2017); *ЧОВУ. Чиновник - человек с ограниченными возможностями... ума* (заголовок). ***Депутаты-ЧОВУ** и **чиновники-ЧОВУ** может быть вы вовсе и не ЧОВУ, а провокаторы, которые реально ведут подрывную деятельность в отношении существующего конституционного строя!*? (НВ, 08.11.2018). В контексте может даже присутствовать указание на особенности структуры нестандартного новообразования: *Обвинение + приговор = **обвивор***

(заголовок). *Большую часть текста приговора братьям Навальным судья скопировала из обвинительного заключения* (НГ, 26.01.2015).

Особое значение приобретает контекст при семантизации окказионализмов на базе имен собственных и аббревиатур, денотат которых неочевиден для адресата. Вероятность неправильной/неточной интерпретации новообразования значительно снижена в следующих фрагментах, поскольку в подзаголовке присутствует мотивирующее слово: *Остановить «**лысаковщину**»!* (заголовок) *Транспортники возмущены пиаром депутата Госдумы **Вячеслава Лысакова*** (НВ, 03.11.2015); ***Недотаманили*** (заголовок). *«Тольяттиазот» потерял порт в **Тамани*** (НВ, 11.08.17); ***ВЭБ-камера*** (заголовок). *Кризис-менеджеры **Внешэкономбанка** распродают активы и снова просят денег у государства* (НВ, 01.04.2016).

В другом случае в результате журналистской небрежности не просто усложняется понимание всего медиатекста, но происходит дезориентация массового адресата в информационном потоке: ***КОИБания** с линией партии* (заголовок). *Как ЦИК создает политические проблемы из обычного разгильдяйства* (НГ, 11.03.2018) – сложность при восприятии окказионализма связана с определением денотата мотивирующего слова – редкой аббревиатуры *КОИБ* (*Комплекс обработки избирательных бюллетеней*). Авторские пояснения к исходному слову отсутствуют, актуализируется риск непонимания читателем содержания статьи и журналистских интенций. Кроме того, производное вызывает нежелательные ассоциации с бранной лексемой, что неприемлемо с точки зрения этических представлений.

С трудностями интерпретации адресат может сталкиваться при восприятии слов-гибридов, использованных в качестве заголовков. Чтобы понять окказиональный заголовок, читатель должен проанализировать его морфемный состав, однако структура новообразований бывает неочевидной, «не видны границы морфем, составляющих окказионализм» [Шумилова 2011: 247].

Так, в заголовке «***Палеволит»*** (СС, 18.05.2015) новообразование имеет затемненную внутреннюю форму. В статье речь идет о калининградской пенсионерке, которая построила дом на древнейшей стоянке первобытного человека. Первое исходное слово для деривата, образованного путем тмезиса,

– геологический термин *палеолит,* второе – существительное *воля* (так как пенсионерка приняла *волевое решение*). Структура заголовка-гибрида становится понятной только после подробного прочтения журналистской статьи.

Новообразование-заголовок «***Платоядные»*** (НВ, 27.08.2012) создается способом междусловного наложения существительного *плата* и зоологического термина *плотоядные*. В статье журналист рассуждает о том, что бурный рост доходов (зарплат) государственных менеджеров губительно отражается на российской экономике. Буквально значение деривата можно сформулировать так – ‘питающиеся (зар)платой’. Дериват обладает выраженной негативной оценочностью. Структура контаминированного новообразования также выводится исключительно благодаря контексту. Использование таких «неочевидных» окказионализмов в изолированном виде, в качестве заголовков, может ввести читателя в заблуждение.

В другом тексте даже намек, присутствующий в подзаголовке, может не помочь читателю интерпретировать окказиональный контаминант: *В обстановке взаимной* ***талейрантности*** (заголовок). *Президенты России и Франции в Версале проговорили три часа* (Коммерсантъ, 30.05.2017). Одно из производящих – существительное *толерантность*, оно легко может быть определено реципиентом, так как довольно часто используется в прессе. Второе исходное слово – имя французского политика и дипломата *Талейрана,* занимавшего пост министра иностранных дел Франции (в первой половине XIX века). Второе производящее появляется в тексте статьи: *Специальный корреспондент “Ъ” Андрей Колесников считает, что не случайно после трехчасового общения президенты называли друг друга исключительно «он» и не демонстрировали даже признака теплых чувств, действуя в полном соответствии с заветами министра* ***Талейрана*** (Коммерсантъ, 30.05.2017). Подчеркнем, что журналист далее не раскрывает сущности обозначенных заветов. Заголовок материала демонстрирует скорее не находчивость журналиста, а его стремление показать свою эрудированность в ущерб информативности.

Поэтому в случае новообразований-заголовков *палеволит, платоядные, талейрантность* текстовая актуализация их семантики может

«не сработать»: заголовок, недопонятый адресатом, отрицательно скажется на его восприятии журналистского текста.

За счет контекстуального окружения деривата нередко достигается негативизирующее воздействие на реципиента, меняющее его представление о том или ином объекте действительности. Например, универбат *информационщики* вне контекста является безоценочным, используется для обозначения журналистов информационных программ. В следующей статье «Новой Газеты» он приобретает устойчивое негативное содержание, способное исказить представление аудитории обо всех представителях данной профессиональной группы: *Да почти у всех у них, и спортивных комментаторов, и* ***информационщиков****, «каждый бой как последний». Не знаю, содрогнется ли по наказу Исинбаевой мир, но лично я, натыкаясь на такие репортажи и комментарии, содрогаюсь и недоумеваю: зачем превращать яркое, красочное и азартное зрелище в идеологическое ристалище, к чему весь этот патриотический пафос, призванный убедить зрителей, что Россия — сильнейшая спортивная держава, которой, однако, буквально всюду вставляют палки в колеса, дабы унизить, выбить из седла, лишить заслуженного мирового лидерства. А так-то мы о-го-го! Так-то всем рекордам следовало бы наши звонкие дать имена!* (НГ, 12.08.2016). Негативный образ создается комплексно: использован метафорический перенос (*превращают зрелище в идеологическое ристалище*), ряды отрицательно оценочных однородных членов (*я натыкаюсь, содрогаюсь, недоумеваю; Россию унижают, выбивают из седла, лишают лидерства* и пр.), ироничное переосмысление прецедентов (*последний бой, всем рекордам наши звонкие дать имена*).

Рискогенные экспрессивные наслоения нередко приобретают отантропонимические дериваты в медиатекстах политической направленности: *Для раздачи паек «благодетели» незаконно используют труд совсем мелких ребятишек под издевательской надписью «дитячий майданчик». Особо подчеркнул, что стёб над шайкой Порошенко не означает поддержки изгнанной банды Януковича, при котором тоже подкупали вовсю. Отрицать увиденное невозможно – и* ***порошенковцам*** *осталось только утереться* (Завтра, 25.10.2015). Негативная оценочность новообразования *порошенковцы* (‘сторонники Петра Порошенко’) создается

контекстом, в котором высока концентрация лексических средств, снижающих образ описываемой группы: оценочные эпитеты (*мелкий, издевательский, изгнанный*), слова с негативной семантикой (*стеб*, *шайка, банда*), разговорные глаголы (*утереться*), уменьшительные дериваты с оттенком неодобрения (*майданчик*).

Окказиональное слово становится как бы отправной точкой экспрессивно-заряженного сообщения, прагматическая цель которого сделать объект негативного отношения адресанта объектом негативного отношения адресата***: ОМОНополия*** (заголовок)**.** *К детскому вопросу «Кем быть?» добавился еще один — «Кого бить?»* (НГ, 26.09.2018). Контекст свидетельствует о негативной оценке автора: *Как говорят театралы, если в первом акте дубинка висит на стене, то в третьем ею непременно кого-то огреют. Кого в условиях российской демократии полагается обхаживать омоновской дубинкой? На этот вопрос есть подсказка. Демонстрация дубинки на детском празднике выглядела особенно убедительно после прошедших за несколько дней до того акций протеста, когда по всей стране бойцы ОМОНа с энтузиазмом разгоняли противников нового пенсионного закона. В самом Челябинске силовики в тот день, 9 сентября, тоже не облака разгоняли…*(НГ, 26.09.2018). Экспрессивность заголовочного новообразования создается оценочными штампами оппозиционного дискурса (*обхаживать дубинкой, разгонять противников*), метафорой с ироническим оттенком смысла (*разгонять облака*), трансформированным прецедентным текстом (*если в первом акте дубинка висит на стене, то в третьем ею непременно кого-то огреют*).

Можно заметить, что представленные фрагменты имеют примерно общую схему построения: в них присутствует избыточная выразительность и детализация, неуместная ирония или языковая игра, эпатаж и пафос, профанация ценностных установок. К сожалению, адресанты не учитывают или сознательно игнорируют возможные коммуникативные риски, провоцируемые агрессивным речевым поведением. А именно – неточное, искаженное информирование, нарушение этических принципов в предоставлении фактической информации.

3. Третий тип семантической актуализации – затекстовая. Это актуализация фоновыми знаниями воспринимающего адресата, а также

идейно-тематической направленностью медийного текста, коммуникативными установками адресанта. Изучение современных медиатекстов подтверждает тот факт, что в использовании различных форм речевого воздействия журналистам часто не хватает этической культуры: многие журналистские тексты характеризуются эпатажностью и вульгарностью, в подаче информации чувствуется тенденциозность, пошлость, цинизм, агрессивность, которые и определяют рискогенность медийного текста. Это не может не отразиться и на происходящих в СМИ словообразовательных процессах.

Так, в современных условиях мультикультурализма рискогенными следует признать окказионализмы, нацеленные на формирование критического, насмешливого, отрицательного отношения к представителям расовых, этнических, религиозных групп.

В заголовке «***Узбешное*** *лечение»* (НВ, 25.02.2013) журналист трансформирует словосочетание *успешное лечение*, выбрав в качестве второго производящего слова существительное *узбек*. В тексте говорится о финансовых растратах российской системы здравоохранения на медобслуживание нелегальных мигрантов: *Оказание медицинской помощи нелегальным мигрантам обходится казне в миллиарды рублей* (НВ, 25.02.2013). В таком контексте окказионализм приобретает явный оскорбительный характер: не все выходцы из Узбекистана имеют статус нелегальных мигрантов в России. На наш взгляд, подобные высказывания не должны допускаться в материалах газет многонационального государства, они не способствуют развитию толерантности в пространстве социума.

Проявление журналистского цинизма, глумления над человеческими страданиями видим в следующих фрагментах: ***Туркнуть*** *курдов* (заголовок). *Новый план Эрдогана в Сирии: остановить расползание Курдистана одним махом* (НВ, 15.10.2017) ← *<u>тур</u>ки* + *<u>тур</u>нуть* (жарг. ‘выгнать, убрать’ [ССЛЖС 2014]); ***Карабахнуло****!* (заголовок) *Кто и зачем разогрел армяно-азербайджанский конфликт?* (НВ, 11.04.2016) ← *(Нагорный) Кара<u>бах</u>* + *<u>бах</u>нуть* (разг. ‘выстрелить’ [БТСРЯ 2014]). Предметом журналистского обыгрывания становятся кровопролитные военно-политические конфликты, которые длятся на протяжении многих лет. Стилистически сниженные лексемы, мотивирующие контаминанты, формируют издевательский тон

высказываний, особенно неуместный, если учесть те фоновые знания, которые актуализируются в связи с описываемыми событиями.

Нравственные ценности, закрепленные кодексом профессиональной этики журналиста, также игнорируются в следующих медийных текстах с участием новообразований: ***Убоинг*** (заголовок). *Дубайским лайнером управлял усталый пилот* (НВ, 28.03.2016) ← *убойный* + *Боинг*; *В состоянии полной* ***расстрелянности*** (заголовок). *Украина решила поиспытывать свои ракеты под Симферополем* (Коммерсантъ, 26.11.2016) ← *расстрел* + *растерянность*. Журналисты будто смакуют детали бед и несчастий, создают такие заголовки, в которых прослеживается насмешливый, язвительный тон. Дополнительные ассоциации, возникающие благодаря дериватам, необходимо признать недопустимыми, некорректными: они подогревают нездоровое любопытство массовой аудитории, не способствуют конструктивному и объективному отражению освещаемых событий. Такое речевое поведение журналиста опасно, способно приводить к социальной нестабильности.

На разжигание религиозного конфликта нацелен медиатекст под заголовком «***Томосятина*** *на Украине: мечты, реальность и перспективы»: 15 декабря состоялся долго ожидаемый так называемый «Объединительный собор», организованный с целью создания единой Церкви, которая получит Томос об автокефалии от стамбульского патриарха Варфоломея* (Завтра, 28.12.2018). Дериват создается на базе узуального *томос* (‘указ настоятеля поместной православной церкви по некоторому важному вопросу церковного устройств’) и пейоративного существительного *гомосятина* (неодобр. ‘гомосексуализм’) [БТСРЯ 2014], обусловившего инвективность новообразования. Посредством такого заголовка весь последующий текст получает мощный агрессивный импульс. Уровень экспрессивности особенно высок в связи с тем, что данное явление связывается в сознании адресата с развитием русско-украинского конфликта.

Нередко для адекватного понимания новообразования читателю необходимо знание не только языковой системы (в случае обыгрывания полисемантов, омонимов, паронимов и пр.), но и знание экстралингвистических реалий, которые привели к появлению нового слова.

Новообразование *галстукоед* широко распространилось в медийном дискурсе после того, как телерадиокомпания BBC показала в своем эфире кадры, на которых президент Грузии Михаил Саакашвили жуёт свой галстук. Новообразование до сих пор появляется в медийных текстах, характеризуется карикатурностью: *В этой ситуации есть еще один, не слишком афишируемый аспект: хорошо известно, что для Кремля «**галстукоед**» Мишико является абсолютно неприемлемой и «нерукопожатной» фигурой — в отличие даже от Порошенко* (Завтра, 19.09.2017); *В российских и юго-осетинских СМИ, вспоминая о конфликте, говорят о преступной агрессии неадекватного «грузинского фюрера» или «**галстукоеда**»* (МК, 12.08.2015).

Знания происходящего в пространстве интернета необходимы для верной интерпретации композита *няш-прокурор**:** Наталья Владимировна, увы, так и не снискала большего авторитета в прокурорской среде. По словам знакомого прокурорского работника, отношение к ней было, конечно, ироническим. Всем было понятно, что «**няш-прокурор**» — это сугубо политический проект с ограниченным сроком действия. О том, что Поклонская сделала свое дело, и пора бы уже заменить ее менее эксцентричной фигурой, разговоры пошли в Москве примерно через год после ее назначения* (МК, 21.09.2017) – за привлекательную внешность экс-прокурору Крыма Наталье Поклонской пользователи интернета дали прозвище *няша* (сленг. ‘прелесть, о чем-то умилительном, красивом’ [ССЛЖС 2014]).

Полноценная интерпретация указанных окказионализмов, а также понимание механизма формирования их оценки, возможны только на базе фоновых знаний. Если адресат ими не обладает, процесс коммуникации может не состояться, авторские коммуникативные намерения не будут реализованы в полной мере.

Таким образом, рассмотренный материал свидетельствует о значительной зависимости окказиональных слов от окружающего контекста. Актуализация ресурсов словообразования в медиатексте подчиняется намерениям – коммуникативного и прагматического характера – создателя сообщения. Так, корневой или структурный повторы могут играть положительную роль в процессе семантизации инноваций, являться

важнейшей структурной единицей текста, способствовать интенсификации экспрессивности медийных новообразований.

Выявлены случаи отрицательного влияния результатов словотворчества на информативность медиатекстов. Риски, связанные со снижением информативности, могут быть обусловлены: многозначностью аффиксов (*вовлекатели*), многозначностью мотивирующих основ (*пробкостроительство*), использованием в качестве исходных слов имен собственных или аббревиатур (*КОИБания, цапковщина*), наличием у новообразований-гибридов неочевидной структуры (*палеволит, платоядные*). Рискогенность таких новообразований может сниматься благодаря текстовой актуализации: в контексте присутствуют «ключи» к расшифровке инноваций. Нередко восстановить лексическое значение окказионализма возможно только благодаря обращению к «культурной памяти» читателя, к «внетекстовым» сведениям.

При этом условия функционирования новообразований могут определять их рискогенность. Во взаимодействии с другими единицами текста, с его идейно-стилистической направленностью, «затекстовыми» категориями новообразование может приобретать резкую экспрессивную окраску, способную оскорбить чувства адресата. Например, высокий уровень конфликтогенности современного общественного пространства отражают медийные новообразования, направленные на провокацию религиозных, этнических, расовых разногласий (*туркнуть, томосятина*).

3.2. Медийные новообразования на базе прецедентных феноменов: риски словотворчества

Рассматривая деривационные процессы в текстах СМИ, нельзя обойти вниманием столь яркое явление, как интертекстуальность, структурными единицами которой выступают прецедентные тексты (ПТ). Интерес к данному явлению обусловлен способностью ПТ отражать некий «образ мира» (модель действительности): «ПТ - это, прежде всего, средства когнитивно-эмотивной и аксиологической фокусировки <…>, указывающие на глубину индивидуальной и групповой (социальной) памяти и свидетельствующие о способах художественной «обработки» актуальных для нас вопросов и проблем. Эти тексты являются также и свидетельством

приятия или неприятия, деформации или переструктурации психологических и социально-психологических установок, существующих в социуме (в лингвокультурной общности)» [Сорокин 1993: 113].

Под прецедентным текстом (ПТ) понимается «текст, значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющий сверхличностный характер, то есть хорошо известный широкому окружению этой личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такой, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности» [Караулов 2010: 30].

В лингвистической литературе чаще используется более широкое понятие – «прецедентные феномены» (ПФ). Под ПФ исследователи понимают такие феномены, которые: 1) хорошо известны всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); 2) актуальны в когнитивном (познавательном, эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [Красных 2003: 170]. В рамках ПФ рассматриваются четыре категории: прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание и прецедентная ситуация [Красных 2003: 172]. Вслед за В.В. Красных, предлагаем считать ПФ родовым понятием для всех перечисленных категорий.

Традиционно выделяются следующие функции ПФ: функция номинации, аргументации, экспрессивная и этическая функции [Караулов 2010: 223-230]. Прецеденты, как правило, обладают значительным воздействующим потенциалом, что обусловливает их широкое распространение в сфере медиа: «Прецедентный текст <…> – текст, обладающий определенным культурным авторитетом и вызывающий к себе уважение (иногда поклонение) у носителей языка. Этим обусловливается возможность использования прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения» [Слышкин 2000: 133]. Прецедентные феномены используются для формирования необходимого отношения к факту действительности или восприятия действительности адресатом, посредством создания эмоционального отношения (позитивного или

негативного) к описываемым явлениям действительности [Воронцова 2006: 64].

Обыгрывание прецедентности преимущественно встречается в заголовочных комплексах, что объясняется их функцией по привлечению и удержанию внимания адресата. Словообразовательная игра, основанная на тесной смысловой связи между дериватом и используемым ПФ, помогает обострить внимание читателей, активизировать их мыслительную деятельность, порождает так называемое «коммуникативное соавторство» (термин Т.Г. Винокур). В статье под заголовком «*С легким* ***сербцем***» (*Как поехал домой после встречи с Владимиром Путиным Александр Вучич* (Коммерсантъ, 03.10.2018)) дериват создается на основе фразеологического словосочетания *с легким сердцем* со значением ‘без раздумья, без тревоги’ [ФСРЯ 2007] и существительного *серб*. Журналист описывает поведение сербского президента Александра Вучича после встречи с Владимиром Путиным. Как пишет автор, сербский руководитель «*Он хоть и не достиг целей, которые ставил перед собой накануне визита, то есть одобрения своей версии признания Косово, а все-таки получил от него хоть что-то, то есть часть симпатий сербов к Владимиру Путину*» (Коммерсантъ, 03.10.2018). Прецедентный феномен передает иронию создателя публикации, что удачно вписывается в общий оценочный характер заголовка.

В другом заголовке ПФ становится источником подтекста, глубоких ассоциативно-смысловых связей, вносящих в текст дополнительную эмоциональную окрашенность: «*Трубка мира не* ***раскуриливается***» (Коммерсантъ, 05.09.2017). Новообразование *раскуриливается* создается путем тмезиса – внутрь глагола *раскуривать* вставляется имя собственное *Курилы.* Трансформируется выражение *выкурить трубку мира* (‘примириться, прекратить раздоры, распри’ [БСРП 2007]). Посредством прецедента журналист дает понять, что дипломатические отношения между Россией и Японией зашли в тупик из-за долговременного и безвыходного конфликта вокруг статуса Курильских островов.

В медийное словотворчество, связанное с обыгрыванием прецедентности, все чаще стали включаться антропонимы: ***Болтонская*** *осень* (заголовок). *Джон Болтон за два дня в Москве успел провести несколько раундов переговоров и согласовать встречу лидеров России и*

США (Известия, 24.10.2018) – в данном примере наблюдаем синтез двух прецедентов: имя ключевой фигуры современности – *Джона Болтона* (советник президента США по национальной безопасности) и прецедентной ситуации *Болдинская осень* (наиболее продуктивная творческая пора в жизни А.С. Пушкина). Отметим находчивость журналиста, который сумел сочетать не только формальное сходство слов (*Болтон* + *Болдинская*), но и их смысловую наполненность: американский политик за короткое время «продуктивно» поработал.

Удачное обыгрывание прецедентности обогащает журналистский текст, побуждает адресата дальше участвовать в совместном соавторстве, которое «составляет особую привлекательность для адресата, заставляя его проделать ряд умозаключений, чтобы понять замысел отправителя текста, установить связь между цитатой и текстом журналиста» [Фащанова 2014: 126].

При всей выразительности рассматриваемого приема, важно подчеркнуть, что журналист должен всегда объективно оценивать кругозор своих читателей, иначе передаваемая мысль останется недоступной для адресата или будет воспринята им в искаженном виде: без комплекса культурно-исторических ассоциаций, основанных на фоновых знаниях адресата, адекватная интерпретация новообразований на базе ПФ невозможна.

Окказионализм *киндернатор* мотивирован прозвищем бывшего премьер-министра Сергея Кириенко (*Киндер-сюрприз*) и существительным *губернатор*: ***Киндернатор*** (заголовок). *Сергей Кириенко затевает большой передел России* (НВ, 09.07.2018) ← *киндер* + *губернатор*. Осуждающая оценка известной политической фигуры выводится из контекста: *Кастинг-директор и утилизатор губернаторов* [*Сергей Кириенко – Авт.*], *а также неформальный куратор перспективного плана развития страны* (НВ, 09.07.2018). В процессе словотворчества адресант исходит из нескольких моментов: 1) исходная номинация-ярлык *киндер-сюрприз* известна адресату; 2) адресату известны факты и события, которые привели к её появлению; 3) негативные эмоции адресанта совпадают с эмоциями адресата. Перлокутивный эффект в данном случае реализуется при соблюдении всех трех перечисленных условий. При отсутствии первых двух условий читатель

не поймет смысл негативной оценочной номинации, возникнут так называемые «смысловые ножницы, вызванные несовпадением смысловых «фокусов» общения в ходе речевого взаимодействия» [Дридзе 1984: 181]. Таким образом, новообразование на базе прецедентного имени становится рискогенным: не соблюдается критерий понятности высказывания. Читатель может не распознать смысл нового слова или, распознав его, может не согласиться с формируемой негативной оценкой – добавляется риск нежелательной реакции реципиента.

Коммуникативные риски в медийном тексте зачастую связаны с теми образными аллюзиями, которые возникают в сознании адресата благодаря используемым прецедентам. ПФ могут безосновательно усложнить медиатекст, стать источником избыточной метафоричности, излишней информативности, затрудняющей процесс коммуникации. Так, заголовок статьи «***Федрезерву – федрезервово?»*** (Завтра, 10.03.2016) отсылает читателя к библейскому изречению *Кесарю кесарево, а Богу Богово.* Базовое выражение преимущественно используется в узком, житейском смысле – ‘каждому свое, каждому – по заслугам’ [Серов 2005]. Словообразовательная игра строится на базе существительного *федрезерв* (федеральная резервная система), которое полностью трансформирует исходный прецедент. Связь окказионализмов с библейской тематикой неоправданно усложняет текст, нацеливает читателя на поиск глубоких смыслов, не отраженных в журналистском материале. Заголовок также можно признать чересчур громоздким, его звуковой облик сомнителен с точки зрения эстетики.

Значительно осложнена семантизация графодеривата в заголовке «***CASyc*** *белли*» (Известия, 06.03.2018). Информационным поводом для написания статьи стало то, что CAS (от англ. Court of Arbitration for Sport – ‘Спортивный арбитражный суд в Лозанне’) удовлетворил апелляцию российских олимпийцев, обвиненных Ричардом Маклареном в использовании допинга. Адресат должен быть знаком с употребленной аббревиатурой, а также должен понимать актуализируемый ПФ: *казус белли* (лат. casus belli — ‘случай (для) войны, военный инцидент’ – юридический термин времён римского права, означающий формальный повод для объявления войны [ТСРЯ 2008]). Журналист рассчитывает на значительные фоновые знания читателя, на его достаточно высокий уровень социального и

культурного развития. По нашему мнению, автор переоценивает интеллектуальные возможности «среднестатистического» читателя: без социальных и общекультурных знаний восприятие медийного заголовка в данном случае невозможно.

Спорным является аллюзивный смысл заголовка «***БРИКС-криг***»: *Десятый саммит «пятерки» открывается на фоне торговых войн* (Коммерсантъ, 25.07.2018). *Блицкриг* (теория ведения скоротечной войны) в сознании российских граждан ассоциируется с реалиями Великой отечественной войны. Отрицательный оценочный фон, формируемый посредством деривата, может стать причиной нежелательной читательской реакции. Кроме того, заголовок денотативно не точен, провоцирует двусмысленность. В статье говорится о торговых «разногласиях» между членами союза БРИКС (Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР) и Соединенными Штатами. А новообразование подталкивает читателя к другому толкованию текста: якобы экономическое взаимодействие затруднено между странами-членами БРИКС, но это не соответствует реальному положению дел. Возможной экстралингвистической причиной появления КР является различие в картинах мира адресанта и адресата.

Вообще, аббревиатуры, задействованные в создании гибридного новообразования, всегда работают на усложнение медиатекста: аббревиатуры по своему значению эквивалентны словосочетаниям. Следовательно, аббревиатурные новообразования, участвующие в игре с прецедентами, обладают особой семантической емкостью, требующей авторской компетентности: *Походка от «**ЕдРа***» (заголовок). *Наши выборы похожи на конкурс красоты* (НГ, 07.09.2016) – автор в шутливой форме использует знаковую для нашего времени аббревиатуру *ЕР* (официальное сокращение названия политической партии «Единая России») и выражение *походка от бедра*, характерное для сферы моды, шоу-бизнеса. В тексте автор проводит сравнение между выборами депутатов и конкурсами красоты: «*И девушки мало чем отличаются друг от друга, и кандидаты в депутаты – как на подбор*» (НГ, 07.09.2016).

В заголовке «*Накрылись **ТОАЗом***» (*Как беглые олигархи Владимир и Сергей Махлай могли недоплатить еще 900 млн. руб. налогов с «Тольяттиазота* (НВ, 02.09.2018)) журналист в целях словообразовательной

игры эксплуатирует устойчивое словосочетание жаргонного типа *накрыться медным тазом* (жарг. ‘погибнуть, потерпеть крах, оказаться неосуществимым’ [ФСРЯ 2007]) и аббревиатуру *ТОАЗ*, обозначающую крупнейшую российскую химическую компанию *Тольяттиазот*. В статье рассказывается о хищениях на предприятии на сумму более 85-ти миллиардов рублей. Заголовок передает ироническое авторское отношение к тому, что махинации главных фигурантов дела раскрыты, подозреваемые находятся в бегах. Неоднократное обращение журналистов к образам, имеющим низкий социальный статус, может привести к огрублению языкового сознания населения.

Сложности осмысления новообразования могут быть связаны не с трансформируемым прецедентом, а с характером мотивирующего окказионализм слова: *Не смешите наши* ***випиэны*** (НГ, 02.10.2017) – окказионализм *випиэны* полностью вытесняет узуальную лексему из состава устойчивого выражения *не смеши мои подковы*. Это выражение используется тогда, когда нужно выразить несогласие по какому-либо вопросу (чаще – в шутливой форме). Дериват образован от иноязычной аббревиатуры *VPN* (англ. Virtual Private Network — ‘виртуальная частная сеть’). Данное понятие распространено в интернет-среде, в частности, VPN-подключение используется в целях безопасности: оно делает невозможным слежение в интернете. Какой-либо поясняющий авторский комментарий к окказионализму в данном примере отсутствует.

Семантическая неопределенность присуща новообразованиям *репостный* и *ХАКнули*: *Экстремизм на* ***репостном*** *масле* (заголовок). *В суде может оказаться каждый пользователь соцсети. Репортаж из Барнаула, где суды за картинки поставлены на конвейер* (НГ, 10.08.2018). Окказионализм создается путем междусловного наложения заимствованного существительного *репост* и прилагательного *постный.* Автор разрушает устойчивое выражение *чепуха на постном масле*, характеризующее то, что не заслуживает внимания (разг. пренебр. ‘о чём-л., не заслуживающем внимания; о чьих-л. глупых рассуждениях’ [ФСРЯ 2007]). Существительное *репост* очень популярно в интернете, обозначает акт копирования какой-либо записи на свою страницу в социальной сети.

В заголовке статьи о хакерских атаках «***ХАКнули** в душу*» (МК, 30.09.2016) используется разговорное экспрессивное выражение *плевать в душу* (разг. ‘оскорблять самое дорогое для кого-либо, самое сокровенное в ком-либо’ [ФСРЯ 2007]). Глагол *хакнуть* омонимичен гипониму глагола *плевать – харкать* (разг. ‘выплевывать мокроту при кашле, прочищая горло, плеваться мокротой’ [СРЯ 1981–1984]). Графически в новом слове выделяется компьютерный жаргонизм *хак* (‘программа, предназначенная для компьютерного взлома’), от которого произведен популярный сленгизм *хакнуть* (‘взломать сайт, компьютер’) [ТСРЯ 2008]. Нарушение критерия понятности высказывания, обусловленное включением в состав дериватов англицизмов, влечет риск полного непонимания обсуждаемой в материале проблемы. Заимствованные лексемы *VPN*, *репост*, *хакнуть*, участвующие в образовании окказионализмов, распространены в интернете. Читатели (особенно представители старшего поколения) могут не знать значения исходных слов, между адресатом и адресантом возникает дистанция, провоцирующая коммуникативный дисбаланс.

Чисто формальная связь между новообразованиями и прецедентами, на базе которых они создаются, может препятствовать адекватному пониманию медийных текстов: ***Керри-бредни**, ангел мой* (Завтра, 01.05.2015) – эксплуатируется строчка из стихотворения Осипа Мандельштама (*Шерри-бренди, ангел мой*) и имя американского политика *Джона Керри*; *Легкое* ***сдыхание*** (заголовок). *От грязного воздуха каждый год умирают 140 тысяч россиян* (НВ, 15.01.2018) – междусловное наложение *сдыхать* + *дыхание*, на базе названия знаменитого рассказа И.А. Бунина «Легкое дыхание»; *В списках не* ***бачатся*** (заголовок). *Кто и за что на Украине попал под российские санкции* (Коммерсантъ, 02.11.2018) – междусловное наложение *бачить* + *значится*, трансформируется название романа Бориса Васильева «В списках не значился» посредством украинизма *бачить* (‘смотреть, глядеть, видеть’). Во всех указанных примерах, в которых используются прецедентные тексты со сферой-источником «Литература», смысловой связи между новообразованием и культурным контекстом не прослеживается: отсылка к известным литературным произведениям используется лишь в формальных целях. В работе К.М. Накоряковой такое использование ПФ называется «конструированием по образцу». Исследователь подчеркивает,

что «в этом случае автор нового текста не опирается на перекличку смыслов, а только заимствует внешнюю форму высказывания <...> Смысл такой операции с текстом сомнителен» [Накорякова 2009: 218-219].

Вероятно, запросами современной аудитории можно объяснить востребованность в качестве источника ПФ сферу «Телевидение и кинематограф»: чтению книг носители языка предпочитают просмотр популярных фильмов, телесериалов, различных развлекательных ток-шоу. В большинстве таких примеров прецедент также выступает в функции «упаковочного средства» для нового слова: *Слава **ВЭБу**, ты приехал* (заголовок). *Как визит Сулеймана Керимова в Россию может быть связан с махинациями Внешэкономбанка* (НВ, 09.02.2018) – платформой для отаббревиатурного деривата выступает название юмористической программы «Слава Богу, ты пришел!»; ***Эль-Бабий** бунт* (заголовок). *Турецкий сценарий борьбы с террористами в Сирии не совсем совпадает с российским* (Коммерсантъ, 15.02.2017) – междусловное наложение имени собственного *Эль-Баб* (город в Сирии) и названия советской оперетты «*Бабий бунт*»; *Откройте, **интерполиция**!* (заголовок) *Российское бюро Интерпола ищет преступников по всему миру* (НВ, 16.07.2018) – в образовании деривата участвует префиксоид ***интер-**,* инновация создается на базе названия французской кинокомедии «Откройте, полиция!».

Прецеденты, используемые журналистами в формальных целях, обусловливают рискогенность проанализированных новообразований. Избыточные ассоциации, возникающие в ходе таких словообразовательных экспериментов, способны нарушать критерии понятности и точности речи; создатели текстов не облегчают понимание сообщаемого, а затрудняют его. Кроме того, риск читательской критики может связываться со сферой-источником прецедента. Инновации, трансформировавшие прецеденты из сферы «Телевидение и кинематограф», задают шуточный тон при подаче актуальной злободневной информации. Это может оттолкнуть компетентных читателей, нацеленных на вдумчивое обсуждение заявленных серьезных тем.

С целесообразностью (уместностью) речи тесно связана проблема её этичности: «Содержание сказанного или написанного и учет интересов адресата при отборе речевых форм выражения мысли – все это может быть оценено с позиций этических норм» [Сиротинина 2001]. Выразительная

словоформа, придуманная журналистом, может оскорбить чувства тех людей, которым хорошо известен исходный прецедентный текст: *Медаль за город* ***Дзюдопешт*** (Коммерсантъ, 29.08.2017) – дериват создается путем междусловного наложения *дзюдо* + *Будапешт.* Поводом для написания статьи стало опоздание В.В. Путина на открытие чемпионата мира по дзюдо, ставшее, по мнению журналиста, причиной провального выступления российских спортсменов. Журналист для СИ использует финальные строчки из знаменитой песни военных лет «Враги сожгли родную хату» (автор слов – Михаил Исаковский). Эти строки пропитаны горечью и болью невосполнимой утраты, использование их в таком ироническом ключе, как минимум, неэтично. Это одно из свидетельств низкой коммуникативной компетентности создателя текста.

Фамилии двух футболистов, оказавшихся в центре общественного скандала, – Павла Мамаева и Александра Кокорина, стали предметом обыгрывания в заголовке «***Мамаево кокорище***»: *Почему в общественном мнении нет места сочувствию «оступившимся спортсменам»* (Завтра, 16.10.2018). Конкретным образцом для окказионализма выступает лексема *побоище* в составе устойчивого выражения *Мамаево побоище* (Куликовская битва). При всей выразительности заголовка можно отметить его издевательский тон, журналист не учитывает, что в обществе есть люди, сочувствующие «оступившимся» спортсменам. Это подтверждает мониторинг статей по данной тематике – в «Коммерсанте», «Новой Газете», «Московском Комсомольце». Ироническая тональность заголовка не согласуется с событиями, о которых пишет автор: в результате действий спортсменов пострадали люди, журналистская игривость в данной ситуации неуместна. В этическом плане также сомнительна отсылка к знаменитому историческому сражению, которое ассоциируется с такими понятиями, как патриотизм, мужество, единство.

Оскорбительной для членов общества может быть словообразовательная игра в заголовке «*Орден* ***моченосцев***»: *В допинговом скандале и унижении России виноват Минспорт* (НВ, 11.12.2017). В публикации журналист пытается отыскать причины череды громких допинговых скандалов с участием российских спортсменов. Пейоративная коннотация окказионального слова *моченосцы* унижает честь и достоинство

российских спортсменов. Прецедент *орден меченосцев*, обозначающий немецкий католический духовно-рыцарский орден, основанный в 1202 году, используется в формальных целях: автор обыгрывает созвучность узуальных лексем *моча* и *меченосцы*. Подобные высказывания антипатриотичны, могут оказать угнетающее воздействие на читательскую публику, не содействуют гармоничному общению адресанта и адресата. Н.И. Клушина такие случаи журналистской игры со словом обозначает термином «травестирование», когда происходит грубая вульгаризация тех явлений, которые заслуживают уважения [Клушина 2004: 270]. Желание журналистов произвести впечатление на читателей, убедить их в своей правоте оборачивается тем, что серьезные и важные образы подвергаются карикатурному осмеянию, постепенно теряют свою важность и значимость: «Смех утрачивает свою социально-нравственную остроту, превращаясь в имитацию остроумия» [Кройчик 2009: 208].

Итак, трансформация ПФ в текстах СМИ не всегда указывает на способность пишущего распоряжаться их широким выразительным потенциалом: «…«брошенные», не осмысленные с точки зрения возможных выразительных эффектов культуремы нарушают целостность высказывания и создают коммуникативные помехи при восприятии сообщения» [Сметанина 2002: 331].

Прецедентность становится одним из функционально-прагматических факторов формирования рискогенности медийных новообразований. Журналисты могут не принимать во внимание сложности восприятия, связанные с излишней информативностью трансформированных ПФ (*Федрезерву – федрезервово; CASус белли*). Прецеденты слишком часто используются в формальных целях: возникающие ассоциативные связи не имеют отношения к тематике статьи, могут ввести читателя в заблуждение (*Легкое сдыхание; Эль-Бабий бунт*). Коммуникативные риски, связанные с неверной интерпретацией прочитанного, могут быть обусловлены характером производящих слов (*на репостном масле; ХАКнули в душ*у). Создатели медиатекстов нередко игнорируют выраженную экспрессивность новых слов в составе прецедентов, нарушающую нормы этики (*Орден моченосцев*), а также задействуют в словообразовательных экспериментах те

явления культурного пространства, которые должны заслуживать уважения (*Мамаево кокорище; Медаль за город Дзюдопешт*).

Анализ показывает, что медийные новообразования по-разному могут взаимодействовать с базовыми прецедентными феноменами. Современные журналисты в целях словообразовательной игры чаще всего трансформируют различные фразеологические единицы (*с легким сердцем, чепуха на постном масле, плевать в душу* и др.). Кроме того, в текстах анализируемых СМИ преобладают ПФ со сферой-источником «Телевидение и кинематограф» и ПФ со сферой-источником «Литература». При этом в большинстве случаев между инновацией и используемым культурным феноменом нет смысловой связи. В образовании дериватов, включенных в прецедент, наиболее распространены окказиональные способы словообразования (междусловное наложение, тмезис, словообразование по конкретному образцу).

Вовлечение новообразования в определенное аллюзивное поле, соотносящееся с прецедентом (историческим, культурным, литературным и пр.), должно быть продуманным и оправданным. ПФ служат кодом для распознавания словообразовательных единиц только при условии информированности адресата, его достаточном социальном и культурном развитии: «Неуместность, неоправданность выбора (также как трансформации) прецедентного феномена неминуемо приведет к коммуникативной неудаче, ответственность за которую несет журналист как носитель (в идеале) более высокого типа культуры, нежели массовый читатель» [Ильясова, Амири 2015: 228].

3.3. Стилистическая обусловленность рискогенности медийных новообразований

В работе В.Н. Виноградовой, посвященной стилистическому аспекту русского словообразования, подчеркивается, что словообразовательные средства способны выражать два вида стилистической окраски – эмоциональную и социальную. Под эмоциональной окраской понимается выражение субъективной оценки, которая может проявляться с различной степенью интенсивности, быть пейоративной или мелиоративной, уничижительной и пр.. Социальная окраска связывается со способностью языковых единиц вызывать представление о «той или иной среде,

обстановке, обстоятельстве, где они употребляются чаще всего (в разговорной или книжной речи, в жаргоне и пр.). Изучение этих двух типов стилистической окраски применительно к словообразованию означает исследование функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной окраски словообразовательных моделей и стилистических особенностей их использования в речи [Виноградова 2016: 3].

Вовлечение в деривационные процессы стилистически маркированных элементов связывается учеными с проявлением демократического начала в медийном словотворчестве. Их активное функционирование определяется необходимостью воздействия СМИ на сознание (подсознание) масс: «Стилистическая тональность текста помогает раскрыть отношение автора текста к действительности, его ценностные установки, идеалы, убеждения. Но, помимо ценностной и идеологической позиции журналиста, стилистическая тональность раскрывает и психологические установки автора, его волевые и эмоциональные принципы» [Клушина 2008: 154]. Таким образом, определяющая роль в отборе стилистически окрашенных средств принадлежит автору сообщения.

В медийном словотворчестве стилистические нарушения в сочетаемости морфем, влияющие на формирование или интенсификацию экспрессивности, могут быть двух разновидностей: различное происхождение морфем или их различная стилистическая окраска.

Если говорить о новообразованиях стандартной словообразовательной структуры, то обозначенные стилистические нарушения в медиатекстах чаще всего проявляются в четырех функциональных вариантах: а) заимствованный аффикс сочетается с исконным производящим словом: *Вершиной его драчливости и* ***супербоем*** *стала драка с директором отеля «Sands»* (НГ, 16.12.2015); б) исконный аффикс соединяется с заимствованным словом: *Они мнят себя* ***сверхрасой****,* ***сверхкастой*** *на фоне народа – «лузера», проигравшего всё* (Завтра, 25.12.2016); в) стилистически немаркированная основа сочетается с маркированным аффиксом/аффиксоидом: *И всегда, когда какой-либо московский* ***либералишко*** *на одном из многочисленных ток-шоу, вылупив глазёнки, требует вернуть Украине Крым и Севастополь, у меня возникает непреодолимое желание…* (Завтра, 07.08.2017); г) стилистически маркированная основа сочетается с немаркированным

аффиксом/аффиксоидом: *Да, есть оппозиционно настроенная интеллигенция, которая читает «Википедию» на английском и держит* ***киберфигу*** *в кармане* (НГ, 21.12.2018).

По нашему мнению, вероятность КР (трудности понимания и вызов негативной эмоциональной реакции читателя) в медийном пространстве возрастает в связи с резко увеличившимся количеством новообразований, включающих заимствованные слова и компоненты. Такая тенденция, получившая название также «глобанглизация», является следствием мощной англоязычной экспансии: это «глобальное доминирование английского языка в различных сферах деятельности современного общества» [Коряковцева 2018: 15].

Заимствованный формант может вызывать ассоциацию с целым рядом слов, содержащих эту морфему, что в конечном итоге и сформирует отношение читателя к окказиональной лексеме: ***Втюхинг*** (заголовок). *Продавцы сомнительных товаров и услуг перешли от простого мошенничества к угрозам и шантажу* (НВ, 07.10.2013). Отрицательная коннотация инновации поддерживается не только использованием просторечного производящего *втюхать*, но и заимствованным суффиксом ***-инг*** с семантикой процессуальности. Он в сознании воспринимающего адресата связывается с явлением «американизации» культурного пространства страны. Дополнительная экспрессивность таких инноваций обусловлена «отталкиванием» от книжности исходных моделей: «Экспрессия таких образований основана на макароническом объединении в одном слове русских «бытовых» мотивирующих и иностранного, книжного суффикса, изменения сферы функционирования» [Виноградова 2016: 161].

В последнее время в медийных текстах наблюдается тенденция создания экспрессивных дериватов по моделям русской словообразовательной системы, но на базе заимствованного корня. Высока рискогенность новообразований, образованных на базе заимствованных слов, которые не вошли в лексическую систему русского языка или вошли в неё сравнительно недавно.

Массовый приток иностранных слов, прежде всего англицизмов, ставший одной из сопутствующих примет культурно-экономической интеграции, является порой настоящим бедствием (в некоторых случаях

авторы письменных текстов, копируя буквально английскую конструкцию, даже не дают себе труда подыскать соответствующий русский эквивалент) [Нещименко 2001: 117].

Включение в деривационные процессы иноязычных основ характерно, прежде всего, для жаргонизированной разговорной речи (чаще - для молодежного жаргона), когда под «нормативной внешней формой камуфлируется обсценный экспрессив» [Химик 2000: 231]. Такие слова «являются потенциальными «рискогенами», их употребление в медиатекстах требует грамотных авторских пояснений» [Рацибурская, Соловьева 2018: 85].

Особенно востребованы иноязычные лексемы, заимствуемые из интернета, в области глагольного словообразования: ***Накраудфанди*** *наудачу* (заголовок). *В 2018-м «узаконят» ещё один модный, но пока не очень известный в России способ вложения денег –* ***краудфандинг****, то есть «организацию взаимного финансирования»* (АиФ, 18.01.2018). Императивный глагол мотивирован англицизмом *краудфандинг*. В подзаголовке статьи журналист поясняет, что это такое *краудфандинг*, однако почему популярный способ вложения денег назван именно так, станет понятно только читателям, владеющим английским языком (англ. crowdfunding – ‘народное финансирование’, crowd – ‘толпа’).

Без знания исходных слов невозможно определить значения следующих глаголов: *Так, веб-сайт президента Михаила Саакашвили* ***задидосили*** *еще 20 июля* (НГ, 22.10.2016) – новообразование мотивируется аббревиатурой DoS (от англ. Denial of Service – ‘отказ в обслуживании’), значение глагола может быть сформулировано как ‘заблокировать веб-сайт в результате проведения хакерской атаки’; ***Намайнились*** (заголовок). *Почему блокчейн вдохновил скульпторов и как выглядит алтарь поклонения биткоинам* (Известия, 04.03.2018) – на базе глагола *майнить* (‘заниматься майнингом, то есть добычей криптовалюты’ [ССЛЖС 2014]), дериват приобретает дополнительную эмоциональную окраску благодаря созвучности с узуальным глаголом *намаяться* (‘очень устать’ [СРЯ 1981–1984]).

С точки зрения этического восприятия информации неоднозначен глагол *захарассить*, перекликающийся с обсценной лексемой: *Если босс пристает к тебе — дай пощечину. Не помогает — уйди. А если ты*

поощряешь это, чтобы сделать карьеру, не нужно потом рассказывать, как он тебя ***захарассил*** (НГ, 10.11.2017) – в материале обсуждается проблема так называемого *харассмента* (англ. harassment – ‘сексуальное домогательство’). Новообразование характеризуется выраженной агрессивностью, из-за отсутствия в контексте исходного слова семантика глагола выводится с трудом.

В другом примере использование окказионального глагола на базе заимствованного слова приводит к появлению смысловой путаницы: *Если пьяная девочка переспала по своей воле с пьяным мальчиком, а потом, через день, посоветовалась со специально выделенным человеком в университете и решила, что ее обидели, — то она жертва изнасилования. И каждый человек, который в этом сомневается,* ***виктимизирует*** *жертву* (НГ, 11.03.2019) – мотивирующее существительное *виктимизация* обозначает ‘процесс или конечный результат превращения в жертву преступного посягательства’, получается, что словосочетание *виктимизировать жертву* означает ‘превращать жертву в жертву’. Семантическая избыточность, возможно, мотивирована либо стремлением журналиста «быть в тренде», либо желанием обозначить свою категоричную, «непримиримую» позицию по рассматриваемому вопросу: «Одна из распространенных стратегий негативного воздействия на адресата речи – это создание кодового конфликта: через разницу кодов адресант, стараясь унизить адресата, сознательно стремится к непониманию <…>. …используется узкоспециальная терминология и, прежде всего, варваризмы – малоизвестные заимствования, иноязычные вкрапления» [Коряковцева 2008: 97]. Ни о какой эффективной коммуникации не может идти речи, если новообразование не вызывает в сознании реципиента нужное означаемое.

На интенсификацию рискогенности нового слова, тесно связанной с их повышенной экспрессивностью, могут оказывать влияние стилистические нарушения иного характера: когда в одном слове сочетаются разнородные по своей стилистической окраске элементы – стилистически сниженные и книжные морфемы. КР могут быть обусловлены специфической характеристикой новообразования, той сферой употребления, к которой оно принадлежит.

В производстве эмоционально окрашенных инноваций стандартной словообразовательной структуры востребованы суффиксы имен лиц, переводящие нейтральное слово в разговорный регистр: *В Москве юные* ***борцуны*** *собрались на Пушкинской площади* (Завтра 09.09.2018); *Правда, до обаятельности простоватого Семён Семёныча этим нынешним надменным* ***звездунам*** *— как нынешнему искусству до…* (Завтра, 27.06.2018) – неодобрительно-пренебрежительный оттенок новым словам дает суффикс ***-ун***, оценочные дериваты являются стилистически сниженными синонимами мотивирующих существительных *борцы* и *звезды*; *Подкремлёвские* ***пропагандявки*** *раскрыли зловещие планы уничтожения русской фантастики. От* ***кремлявок*** *ничего другого и не ожидаешь* (Завтра, 06.09.2018) – используемый журналистом суффикс ***-явк(а)*** обозначает лицо, характеризующееся качеством (обычно с оттенком неодобрительной экспрессии), заключенным в мотивирующем прилагательном (*малявка, соплявка*) [СТСРЯ 2006]. В приведенном примере наблюдается нарушение частеречной принадлежности мотивирующего слова, являющегося именем существительным (*пропагандист, кремль*). Использование номинаций, характерных для разговорной речи и просторечия, объясняется тем, что они, видимо, более эффективно способны реализовать авторские интенции: желание выразить крайнюю степень презрения к оппоненту. Новообразования противоречат критериям стилистической уместности и этичности речи, могут отрицательно сказаться на восприятии содержания статей адресатом.

В качестве средства выражения субъективной эмоциональной оценки современные журналисты активно используют размерно-оценочные суффиксы. Негативную окраску приобретают диминутивные дериваты, образованные от нейтральных или мелиоративных по значению существительных: *Но полагать, что люди, которые спят и видят, как бы заорать «власть — жулики!», не воспользуются такой острой проблемой для подогрева* ***обстановочки****, — тоже наивно* (МК, 27.04.2017); *И всегда, когда какой-либо московский* ***либералишко*** *на одном из многочисленных ток-шоу, вылупив глазёнки, требует вернуть Украине Крым и Севастополь у меня возникает непреодолимое желание…* (Завтра, 07.08.2017).

Словам, которые изначально имеют негативное значение, такие суффиксы сообщают дополнительную экспрессивность, усиливают их пейоративную семантику: *Будет* ***ворёнок*** *Ксюша* [*Ксения Собчак – Авт.*] *каяться за своего жуликоватого папашу?* (Завтра, 31.03.2018); *Ким по-прежнему считает, что лучшие гарантии безопасности – это наличие в загашнике хотя бы самой завалящей ядерной* ***бомбочки****. Вот не нашлось её у Саддама Хусейна, и где теперь он?* (НВ, 04.03.2019).

Ироническая, едкая оценка ситуации, события, конкретного лица (группы лиц) часто передается именами прилагательными, наречиями, словами категории состояния. Высокую продуктивность проявляет маркированный суффикс ***-еньк-,*** образующий дериваты с уменьшительно-ласкательным или пренебрежительным значением, указывая обычно на меньшую, смягченную степень качества в субъективном понимании [СТСРЯ 2006]: *Это выглядит очень специфично для нашего* ***«толерантненького»*** *мира, где примирить удалось, вон, даже бандеровца с евреем* (Завтра, 02.11.2017); *Надо поднять пенсионный возраст, это так* ***либеральненько****, мудрые экономисты должны думать об экономике, а не о каком-то там населении и его уровне жизни* (Завтра, 28.03.2012); *И что общая яма — лучшее место для гениев, не лежать же им, как простым смертным,* ***пристойненько****, в отдельных ухоженных могилках, под крестиком и веночком, с плачущей родней наверху* (МК, 01.04.2018).

В другом случае исконный уменьшительно-ласкательный суффикс ***-еньк-*** сочетается со заимствованным существительным *тавтология*, которое обозначает абстрактное понятие: *Не смог удержаться от тавтологии. Впрочем, это всего лишь* ***тавтоложенька****, по сравнению с тем выражением, которым бравируют наши академики* (Завтра, 18.03.2015). Производящая лексема *тавтология*, указанная в предтексте, помогает подчеркнуть стилистическое противоречие.

Активизация диминутивного словообразования объясняется «усилившейся в последнее время тенденцией языка СМИ к фамильярному умалению и снижению объектов номинации, к высокой плотности оценочной тональности медийного текста» [Рацибурская 2018: 69]. Уменьшительные суффиксы, сочетаясь с именами собственными, служат средством выражения неприязни, категоричного неприятия того, что названо мотивирующим

словом: *И в этой связи нам в России следовало бы поумерить любование «**Америчкой**», столь свойственное нашей новой элите. Нам не нужна навязчивая антиамериканская пропаганда* (АиФ, 27.09.2017); ***Собчонка** – как, впрочем, и остальные Соискатели, – обходит стороной, к примеру, вопрос, разрешит ли она, став во главе государства, и дальше вбухивать огромные деньжищи в расширение Москвы* (Завтра, 31.03.2018) – мотивирующим выступает фамилия *Собчак*, экспрессия деривата усилена за счет его переклички с существительным *собачонка*.

Заметим, что КР третьего типа (негативная реакция получателя информации), связанные с функционированием таких дериватов, чаще всего предопределены тем микротекстом, в который адресант помещает новое слово. Наблюдается несоблюдение критерия уместности, а также нарушения этико-эстетического характера.

На иронически-неодобрительную или пренебрежительную окраску высказывания указывает не только употребление существительного с уменьшительным/увеличительным суффиксом, но и определение к нему, синтаксическое строение фразы, широкий контекст высказывания [Виноградова 2016: 82]: *Впрочем, особенно смешны «**обидки**» Трампа на злых русских (которые, может, вмешивались, а может, и не вмешивались в выборы президента США, где Трамп одержал неожиданную и трудную победу над Хиллари Клинтон) выглядят на фоне совсем иного события* (Завтра, 12.07.2017) – на первый план выходит не уменьшительное, а экспрессивное значение новообразования, выполняющего характерологическую функцию: в негативном свете представляется поведение президента США Дональда Трампа, несоответствующее его высокому статусу; *Ошибка нашей власти в том, что она судит о будущем сограждан исключительно по себе. Со всеми ее тайными **офшорками**, лондонской (итальянской, швейцарской) недвижимостью и **бизнесочками**, оформленными на родственников* (МК, 25.08.2017) – оценочность дериватов создается благодаря тому, что значения существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами противоречат реальному положению дел – источники доходов российских чиновников за границей в реальности достигают огромных масштабов; *В тот момент, когда в безумной войне с «советским» или «имперским» Украина до основания уничтожает русскую*

историю, русский язык, русскую культуру — вдруг оказывается, что на этом месте у вас остаётся лишь мазаная хата, тын (забор), остаётся позитивная ***хрюшечка****, которая ждёт, пока её заколют на заднем дворе, замечательные украинские песни, хлеб, соль, сало — и всё* (Завтра, 07.07.2016) – новообразование *хрюшечка* воспринимается как оценочное благодаря использованию развернутой метафоры, связанной с происходящими в жизни украинского народа социально-политическими событиями.

Выразительным приемом публицистической речи является сопоставление или противопоставление слов с уменьшительным/увеличительным суффиксом и без него: *Нынче сделалось модно проживать свою life в «маленьком мире», где французский луковый суп в хипстерской забегаловке предвещает многия «лайки» запиленному look-у.* ***Монеточка*** *— богиня маленького и* ***уютненького*** *мира.* ***Мирочка****. Это даже не мирок. В сетевом общении популярны уменьшительно-ласкательные формы. Хорошенькая девушка —* ***няшечка****. Гастрономический изыск —* ***вкусняшка****. Мелькают «****печеньки****» и «****отношеньки****». Если всё не о-кей и не сложились* ***отношеньки*** *или врач запретил* ***вкусняшки****, то - «****печалька****».* ***Хрупенькое****, болезненное, тухлое.* ***Тухловатенькое****. Потому как Большой Мир, созданный в эпоху индустриализации (ах, я опять о своем СССР!) позволяет девочкам с крохотными, неумелыми лапками ни черта не делать — сдавать прабабкину квартиру и целыми днями мацать пальцами новенький ай-пад. Монеточка — их кумир. Выразительница их миленького* ***счастьица****, иногда отдающего* ***печалькой*** *напополам с* ***печеньками*** (Завтра, 08.09.2018). Явно уничижительной окраской обладают диминутивные новообразования, выступающие средством пародирования: творческий псевдоним певицы не *Монета*, а *Монеточка*, следовательно, вокруг неё *мирочек*, *отношеньки*, *печалька*. Негативная экспрессия присуща словообразовательной паре *тухлое – тухловатенькое*, демонстрирующей открытую авторскую враждебность. Негативный образ объекта высказывания создается за счет употребления разговорных слов и выражений (*забегаловка, ни черта не делать*), жаргонных лексем (*мацать* - ‘трогать, щупать’ [ССЛЖС 2014]), абсурдных выражений, работающих на снижение (*девочки с неумелыми лапками*). Усилению негативной экспрессии

способствуют многочисленные англицизмы (*life, лайки, look*, *ай-пад*). С одной стороны, заимствованная лексика помогает автору подстроиться под манеру общения современной молодежной аудитории, приблизиться к ней. С другой стороны, такой стиль однозначно «отсекает» от процесса восприятия представителей старшего поколения. Резкая, категоричная оценка журналиста крайне субъективна, может восприниматься читателем как проявление личной неприязни автора к певице, к её творчеству. Такая авторская позиция называется «тоталитарной», так как происходит «не диалог с оппонентом, а подавление чужого мнения всеми возможными лингвистическими способами» [Клушина 2011: 155]. В связи с этим рассмотренный фрагмент медиатекста признаем рискогенным: адресат может не до конца понять его содержание или вообще отказаться от прочтения, возмущенный негативизирующим воздействием.

В настоящее время медийные новообразования явно демонстрируют процесс коллоквиализации языка, то есть проникновения в языковую систему периферийных, «некодифицированных» элементов. Жаргонизация литературного языка, рассматриваемая как проявление его демократизации, неоднозначно оценивается лингвистическим сообществом: «В настоящее время наблюдается массовое и стилистически не мотивированное употребление жаргонных слов, приводящее к вульгаризации публичной речи» [Копнина, Сковородников 2008: 522].

Е.А. Земская пишет о так называемом «жаргонном словообразовании», реализация которого предполагает «высокую образность, нацеленность на передачу разного рода оценок. Это приводит к преобладанию экспрессивной функции словообразования над номинативной» [Земская 1981: 26]. Более развито жаргонное словообразование в сфере производства имен существительных и глаголов, менее – в производстве имен прилагательных.

Например, субъективная оценочность присуща дериватам с суффиксальным формантом ***-лов(о)***, выражающим номинативное значение длительности и переводящим новое слово в жаргонную тональность (ср. *врубалово, месилово, обсуждалово*) [Химик 2000]: *Технологические площадки меняются, десять лет назад «**размещалово**» было сосредоточено в условно анонимном «Живом журнале», а сейчас процветает в либертарианском и запрещенном мессенджере* (НГ, 03.12.2018); *Вопрос, который на устах у*

всех: почему этой банде позволяли действовать 10 лет? Размах таков, что не знать об их ***растащилове*** *было невозможно* (Завтра, 24.09.2015).

В производстве универбатов может участвовать суффикс ***-ак(-як)***: *Находился под стражей чуть больше месяца и потому воспринял молодого «****важняка****» с тревогой* (НГ, 16.02.2017) – ‘следователь по особо важным делам’ [Земская 1981: 20] . Этот суффикс проявляет активность именно в создании оценочных существительных жаргонного типа, обозначающих какое-либо лицо, предмет или явление, по признаку, называемому базовой основой прилагательного: *Нам говорили, что она* ***наивняк****, глупенькая. Но, поверьте старому телекритику: я видел и слышал в «Останкино» персонажей гораздо глупее, просто они до Светы чуть «более лучше» одевались* (МК, 16.01.2014); *И всё же, если механизм «****вирусняка****» известен, то можно придумать такую же эмпатическую акцию — но чтобы она не ввергала людей в ад боли и страданий, а, наоборот, подымала к небу* (Завтра, 14.07.2016).

Нередко журналисты используют в своих текстах наименования лиц с оценочным суффиксом ***-л(а)*** с семантикой ‘лицо, названное по характерному его действию, к которому оно склонно (с экспрессивной окраской, преимущественно неодобрительной; в разговорной речи)’ [Лопатин, Улуханов 2016: 477]: ***Кивалы*** *из партии власти* (заголовок). *Чем обернутся провальные законодательные инициативы для правительства и Единой России* (НВ, 30.07.2018); *Что стало известно в суде про жизнь и смерть «****решалы****» Перепеличного, важного информатора по делу Магнитского* (НГ, 11.09.2017); *Бюджетные* ***правилы*** (заголовок). *Алексей Кудрин копает под Дмитрия Медведева?* (НВ, 22.10.2018); *Страховые* ***разводилы*** (заголовок). *Граждан заставляют покупать полисы, которые ни от чего не защищают* (НВ, 14.01.2019).

Стилистически сниженными являются отаббревиатурные новообразования с суффиксами со значением лица. Такие дериваты характерны для разговорного стиля общения, в медиатекстах используются для обозначения лагеря противников, тех, кто принадлежит к группе, критикуемой журналистом: *Вот «****фэсэошники****», наверное, потешались, предвкушая такой сеанс саморазоблачения. Бывало, лишний карандаш в Кремль мимо них не пронесешь, а тут, надо же, проворонили!* (АиФ,

03.03.2012) – от аббревиатуры *ФСО* (Федеральная служба охраны); ***Чоповцев*** *вооружат жезлами* (заголовок). *Охранники в аэропортах и на вокзалах будут досматривать машины* (Коммерсантъ, 13.01.2018) – от *ЧОП* (Частное охранное предприятие); *Вопрос в том, зачем России и Саудовской Аравии понадобилось давить на «**опековцев**» и лоббировать наращивание* (МК, 24.06.2018) – от *ОПЕК* (Организация стран – экспортёров нефти). Экспрессивность отаббревитурных имен прилагательных в основном формируется контекстуально: *Страна разрушена, враг наступает,* ***цээрушная*** *балаболка, рядящаяся в русские народные одежды, давно замолкла в могиле и впору бы забыть о её существовании* (Завтра, 06.12.2018); *Среди лишившихся своих ученых степеней клиентов* ***эмчеэсовского*** *диссероделания - заместитель начальника…* (НГ, 04.04.2018). В.Г. Костомаров подчеркивает, что имен прилагательных и имен лиц от буквенных аббревиатур (*ГАИшник, МИДовец, кагэбэшный* и пр.) строго избегала письменная речь предыдущего периода [Костомаров 1971: 55]. Н.С. Валгина называет их просторечными словами [Валгина 2001: 136], а Е.А. Земская отмечает оттенок уничижительности, присущий подобным новообразованиям [Земская 2009: 101].

В медийных текстах новообразования разговорного и жаргонного типа обладают выраженным оценочным характером, могут передавать экспрессию «грубости, пренебрежительности, ироничности» [Земская 1981: 18]. Такие инновации в целом допустимы в текстах рассматриваемых СМИ, их появление закономерно и объясняется происходящими в медийной сфере процессами (см. п. 1.1.). Однако увеличение их количества в речи журналистов может оказать пагубное влияние на речь и речевое поведение носителей языка. Активность таких словообразовательных моделей – свидетельство активизации жаргонной стихии, имеющей серьезные негативные последствия в будущем: «Поведенческая, в том числе речевая, «приблатненность» во всех сферах жизни, в искусстве, в литературе, в межличностных отношениях стала сегодня обычной и даже модной» [Головина 2017: 68]. Именно поэтому считаем, что указанные новообразования обладают рискогенностью: в первую очередь они противоречат этическому критерию нормативности. Журналистский текст, в котором они функционируют, вряд ли можно назвать образцом «хорошей

речи». Исследователи все чаще пишут о негативных последствиях использования таких лексем в текстах массовых СМИ, которые «предлагают совершенно иной образец речевого поведения, пропагандируя заниженный, вульгарно-фамильярный стиль общения…» [Коряковцева 2008: 102-103].

Причины рискогенности новообразования могут быть обусловлены стилистической маркированностью не только словообразовательного аффикса, но мотивирующей основы. Диапазон выражаемой оценки может варьироваться от ненавязчивой иронии до неприкрытого негодования: *Его* [*Уголовного кодекса РФ – Авт.*] ***антиотмывочные*** *статьи могут ужесточить* (Коммерсантъ, 10.10.2018); *Увлечение детей* ***псевдоблатной*** *«романтикой» стало настоящей страшилкой для взрослых* (МК, 18.07.2018) – книжные префиксы ***анти-*** и ***псевдо-*** присоединяются к основам имен прилагательных жаргонного типа *отмывочный* (от жарг. отмывать деньги – ‘нелегально переводить деньги’), *блатная* (‘уголовная’) [ССМЖ 2006].

В деривационные процессы вовлекаются префиксоиды, семантика которых совмещается с негативной оценочностью стилистически сниженных производящих слов (основ): *Да, есть оппозиционно настроенная интеллигенция, которая читает «Википедию» на английском и держит* ***киберфигу*** *в кармане* (НГ, 21.12.2018) – окказионализм создается на базе разговорно-сниженной лексемы *фига* (‘грубый жест в знак издевки, презрительного отказа и т.п.’ [ССЛЖС 2014]) с присоединением префиксоида ***кибер-,*** обозначающего отношение к эпохе цифровых технологий; *Украинские экономисты, консультировавшие правительство по вопросу подписания ассоциации с Евросоюзом, не менее квалифицированные специалисты, нежели их российские коллеги, не смогли отличить «****еврозамануху****» от «****еврофуфела»*** *по одной лишь причине* (НВ, 07.07.2014). Окказионализмы создаются на базе лексем жаргонного и разговорного типа – *фуфел* (жарг. ‘подделка, ложь’ [ССЛЖС 2014]) и *замануха* (разг. ‘вовлечение во что-либо’ [ССМЖ 2006]). Новообразования со стилистически нейтральной топонимической семой, реализуемой с помощью префиксоида ***евро-,*** получают негативную экспрессивность благодаря стилистической отмеченности производящих слов.

Интернациональный суффиксоид ***-гейт*** со значением ‘скандала’ (о суффиксоиде ***-гейт*** см. стр. 82), тяготеющий к употреблению в книжной

речи, в двух следующих примерах сочетается со стилистически сниженными лексемами: *К итогам «**телочкогейта**»* (заголовок). *Скандал вокруг публикаций «Медузы» – хороший знак для общества* (НГ, 30.03.2015) – производящим выступает жаргонное существительное *телочка* (‘молодая женщина, девушка’ [ССЛЖС 2014]), имеющее стилистическую помету «фамильярное». Конкретизацию значения окказионализма находим в контексте: автор отталкивается от комментария на портале «Медуза», предваряющего материал о том, как не быть сексистом в России: *Мужики, тут инструкция, как не обижать телочек* (НГ, 30.03.2015). В другом фрагменте неологизм образуется от грамматически неосвоенной иноязычной лексемы *раша* (англ. Russia – ‘Россия’), используемой в некодифицированных сферах общения: *Целью было добиться назначения на пост специального следователя по «**рашагейту**» Роберта Мюллера, известного сторонника Хиллари Клинтон* (Завтра, 25.01.2018). Стилистическая разнородность суффиксоида и производящих основ в указанных примерах способствует созданию прагматического экспрессивного эффекта.

Анализ показывает, что жаргонизмы очень часто становятся базой для создания экспрессивных медийных новообразований: *Единственное, в чем мы преуспеваем — так это в производстве многочисленных **фуфломицинов**, вроде арбидола или кагоцела, клиническая эффективность которых, мягко говоря, не доказана, что не мешает им быть внесенными в список жизненно важных препаратов* (НГ, 24.12.2018); ***Бабломойка*** (заголовок). *Как используются РОСТЕХом финансовые средства гособоронзаказа* (НВ, 06.02.2019); ***Намостырили****!* (заголовок) *Только охранник смог украсть на строительстве моста к саммиту АТЭС 96 000 000 рублей* (НВ, 28.01.2013); ***ПоМЕТРОсили*** (заголовок). *Почему в Санкт-Петербурге остановилось строительство новых станций подземки* (НВ, 26.02.2019). Новообразования возникают в результате суффиксации (*фуфломицины*), сложения (*бабломойка*), междусловного наложения и тмезиса (*намостырили* ← *натырить* + *мо<u>ст</u>* + *<u>ст</u>ырить*), тмезиса с графической акцентуацией одного из производящих (*поМЕТРОсили* ← *поматросили* + *метро*).

На значительную экспрессивизацию окказионализмов могут работать различные факторы. Например, в образовании глагола *намостырили*

участвуют стразу три слова, два из которых – жаргонизмы: *натырить* + *мост* (жарг. ‘украсть, наворовать’) + *стырить* (жарг. ‘украсть, стащить, стянуть’) [ССМЖ 2006]. В данном случае экспрессия усиливается благодаря тмезису и междусловному наложению. Инновация *поМЕТРОсили* дополнительную адгерентную экспрессивность приобретает благодаря прецедентному тексту – эксплуатируется устойчивое разговорное выражение *поматросить и бросить*.

Важно отметить, что в целом жаргонные лексемы являются неотъемлемой частью современного медийного дискурса, нацеленного на эмоциональное воздействие, критику предполагаемого идеологического противника. Такие слова «не стали элементами литературного языка, они продолжают употребляться в специфически экспрессивных целях, их стилевая «инородность» и «концептуальная заряженность» ясно ощущается носителями языка, владеющими литературной нормой» [Какорина 2003: 276].

Однако чрезмерное использование уголовного жаргона в печати (как отдельно функционирующих лексем, так и в составе экспрессивных инноваций) создает у читателя тягостное впечатление об общественно-политическом пространстве страны, в котором, судя по содержанию медиатекстов, безнаказанно действуют криминальные элементы, господствует обман и беззаконие, происходит искажение традиционных ценностей.

Еще большую неудовлетворенность в окружающей действительности, разочарование в ней передают обсценные экспрессивы. Табуированная лексика, завуалированная адресантом, без особого труда воссоздается читателем, может вызывать неприятие и отторжение авторской позиции: ***Крымец*** *Украине* (заголовок). *Украина разобьётся на куски о закон об особых регионах развития* (НВ, 19.10.2015); *Полный* ***мобилизец*** (заголовок). *Всё ли у нас на самом деле готово к тому, что завтра – война?* (НВ, 18.12.2017); *Соответственно, этакое мощное «****потреблятство»****, возможность показать свою доминантную природу и т.д. — всё это переносится именно в Россию* (Завтра, 02.06.2016); *Совсем* ***охранели***! (заголовок) *Людям, по долгу службы приближенным к первому лицу, свойственно терять чувство реальности* (НГ, 22.11.2017); *Тем более, когда*

речь идет о путинской России, которая ***«скрымздила»*** *у Украины якобы «сакральный» Крым* (МК, 05.04.2015). Такие номинации признаются нами рискогенными независимо от того, что стало причиной их появления в медийном тексте: некомпетентность журналиста или установка на агрессивное речевое поведение. Они нарушают этическую нормативность, приводят к коммуникативному дискомфорту, снижают общественный статус получателя информации, даже провоцируют вероятность судебного разбирательства.

Заметим, что жаргонные и обсценные лексемы часто включаются в состав инноваций, касающихся действий конкретных лиц (*намостырили, поМЕТРОсили, охранели, скрымздила*). Очевидна манипулятивная направленность таких образований. Адресант в корыстных целях подталкивает реципиента к определенным образам смоделированной интерпретации сообщения, не дает ему альтернативной точки зрения при восприятии информации. Это может спровоцировать ответную агрессию, вызванную неприятием категоричной, тенденциозной авторской позиции. Негативно заряженные экспрессивы «вызывают внутреннее сопротивление адресата, поскольку могут быть восприняты как стремление адресанта к психологическому и речевому доминированию» [Воронцова 2006: 144].

По замечанию исследователей, присутствие таких лексем в печати демонстрирует ментальную тенденцию СМИ последних десятилетий, имеющую серьезные этические последствия, а именно – «осмысление жизни через призму человеческого низа – общественного, биологического, языкового. <…>. Это искаженно интерпретирует выработанные веками представления о разумном, добром, вечном, дезориентирует в системе ценностей, обедняет, огрубляет языковое сознание аудитории СМИ, вымывает из человека человеческое, акцентируя его агрессивное, животное начало» [Сурикова 2009: 76].

Функционально-стилистический подход к исследованию деривационных процессов показал, что стилистические возможности медийных новообразований широко используются создателями текстов для достижения определенных коммуникативных целей. Инновации различной стилистической отмеченности должны оцениваться с позиций коммуникативно-прагматических и этических норм, при этом обязательно

должны учитываться условия их функционирования. В определенном контексте экспрессия дериватов, обусловленная их стилистической маркированностью, может резко возрастать, приводить к коммуникативным и социальным рискам.

Опасность в социальном плане представляет процесс жаргонизации медийного дискурса, в том числе отраженный в словообразовании (*растащилово*, *наивняк, фуфломицины, бабломойка*). Агрессивная направленность жаргонных новообразований в материале на серьезную политическую тему часто является неоправданной, может спровоцировать негатив читателя, расценившего данные номинации как проявление неуважения. Кроме того, такие инновации способны оказывать негативное влияние на общую культуру читательской аудитории, искажать принятые в обществе нормы общения.

Выводы

Анализ медийных новообразований в медиатекстах общественно-политической прессы начала XXI века показал, что на рискогенность новых слов существенное влияние оказывают функционально-прагматические факторы.

Актуализация семантики окказионализмов, представленная тремя разновидностями (лексическая, текстовая, затекстовая, по Р.Ю. Намитоковой), может способствовать возникновению (или усилению) адгерентной экспрессивности новообразований.

Возможности корреляционного и аналогического словообразования (корневого и структурного повтора) при грамотном использовании позволяют снизить степень рискогенности новообразований и, следовательно, всего медиатекста: снимается риск неверной интерпретации сообщаемого. Повтор становится ключом к дешифрованию нового слова, важнейшим текстообразующим элементом. Оба вида повторов используются журналистами в целях экспрессивизации медиатекстов – это может быть ироничное переосмысление происходящих реалий или агрессивное воздействие на получателя информации. В последнем случае рискогенность медийных новообразований определяется скорее внелингвистическими факторами, а именно – коммуникативной политикой изданий, их враждебной

настроенностью к определенным событиям, явлениям, политическим и социальным группам и пр.

Текстовая актуализация семантики медийных новообразований может играть положительную или отрицательную роль при восприятии инноваций массовым адресатом. Положительно оценивается нами возможность уточнения (разъяснения) семантики окказионализмов, снятие многозначности аффиксов или исходных слов, расшифровка малоизвестных производящих (аббревиатур, имен собственных и пр.). Среди отрицательных моментов – формирование посредством актуализирующего контекста зоны речевой агрессии: новообразование приобретает резко отрицательную окраску, которая не всегда может быть разделена принимающим адресатом.

Рискогенность экспрессивных дериватов, прежде всего, их антиэтичность может формироваться тематикой статей, коммуникативными установками адресантов, фоновыми знаниями получателей информации. Зачастую без знания конкретных социополитических реалий нельзя однозначно определить денотат новообразования, выступающего в тексте СМИ как средство социальной оценки.

На активизацию культурных фоновых знаний адресата нацелено вовлечение в словотворчество прецедентных феноменов, использование которых требует от пишущего достаточной коммуникативной компетентности. Непродуманное включение в деривационные процессы ПФ приводит к тому, что в результате интеллектуализации медиатексты становятся доступны весьма ограниченному кругу лиц. Затемненная семантика словоформы снижает информативность медиатекста, может привести к неверной интерпретации написанного, вызвать неодобрительный читательский отклик.

Наконец, в третьей главе диссертации рассматриваются вопросы функционирования стилистически-маркированных инноваций в текстах СМИ. Экспрессивность новообразований может определяться отмеченностью аффикса или производящей основы, «нетипичным» сочетанием объединяемых морфем, различных по происхождению или стилистической окраске. На усиление эмоциональной составляющей медиатекста может работать строение фразы, широкий контекст высказывания, его стилистическая тональность. Отмечается, что жаргонные

и обсценные экспрессемы, вовлекаемые в медийное словотворчество, должны быть оценены с позиций коммуникативно-прагматических и этических норм. В большинстве случаев стандартные и нестандартные новообразования на базе такой лексики следует признать рискогенными – неуместными и недопустимыми в текстах массовых печатных изданий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатом проведенного исследования стало описание структуры, семантики и особенностей функционирования новообразований в текстах российской массовой печати общественно-политической направленности (с января 2009 г. по апрель 2019 г.): «Аргументы и Факты», «Завтра», «Известия», «Коммерсантъ», «Комсомольская Правда», «Московский Комсомолец», «Наша Версия», «Новая Газета», «РБК», «Российская газета», «Совершенно Секретно».

С одной стороны, медийные новообразования являются эффективным средством отражения социально значимых явлений, событий, тенденций. Их умелое использование позволяет журналистам правильно расставить акценты в сообщаемой информации, актуализировать имеющиеся у адресата фоновые знания, а также способствовать расширению его образовательных возможностей. Как правило, новообразования, используемые журналистами, субъективны, выражают либо авторскую позицию по освещаемому вопросу, либо позицию печатного издания.

С другой стороны, безграничные возможности, предоставляемые сегодня создателям медиатекстов, приводят к их стремлению оказать активное воздействие на читателя, журналисты вынуждены искать все новые средства выразительности с целью привлечь и удержать внимание разнородной массовой аудитории. Эти и другие факторы (ожесточенная политическая и конкурентная борьба, постоянный цейтнот, жесткая редакционная политика и пр.) нередко сказываются на результатах журналистской деятельности: начинает ухудшаться коммуникативная составляющая медиатекстов.

С функционированием медийных новообразований связывается появление в текстах СМИ коммуникативных рисков, к которым относится возможность возникновения коммуникативного сбоя, коммуникативной неудачи. Под рискогенностью в данной работе понимается способность единицы языка/речи порождать коммуникативные риски.

Выделяются риски полного непонимания высказывания, неполного/не совсем точного/неправильного понимания, риск негативной эмоциональной реакции адресата. Изучение работ исследователей, анализирующих сбои в

процессе коммуникации, позволило выделить пять основных критериев нормативности, нарушение которых может приводить к актуализации указанных коммуникативных рисков: это критерии понятности, точности, стилистической уместности, эстетической, этической приемлемости речи.

Рискогенность медийных новообразований может определяться их структурно-семантическими особенностями, которые формируют их ингерентную экспрессивность: это семантико-стилистическая характеристика словообразовательного аффикса и/или мотивирующей основы, экспрессивность словообразовательной модели, отклонение от условий словообразовательного типа, выбор окказионального словообразовательного способа.

Риски полного непонимания или неправильного/неточного понимания сообщаемой информации (нарушение критериев понятности и точности высказывания) провоцируются иноязычными словами и элементами, включенными в словообразовательные процессы. Результаты проведенного анализа наглядно демонстрируют опасность избыточного употребления заимствованных слов и компонентов в публикациях современных печатных СМИ. Этот же тип коммуникативных рисков актуализируется, если в качестве исходных лексем для новообразований используются архаичные основы без соответствующего авторского комментария.

Нарушение критерия понятности высказывания, провоцирующее риск неправильного понимания медиатекста, отмечается при создании слов, денотат которых неочевиден для адресата. Это могут быть инновации на базе малоизвестных или неактуальных имен собственных, аббревиатур. Информативность медиатекстов снижается, если платформой для новообразования (чаще всего используемого в качестве заголовка) становится многозначное слово, и семантика инновации допускает неоднозначное толкование.

Нетиповые новообразования несут риски неправильного/неточного понимания высказывания, если в их составе отражается семантика одного исходного слова, а другое использовано в формальных целях, в качестве упаковочного средства. Избыточные ассоциации, не оправданные тематикой статьи, становятся причиной появления двусмысленности и неопределенности, происходит дезориентация читателя в информационном

пространстве. Высокого уровня журналистской компетентности требует производство экспрессивных графических дериватов, способных значительно усложнить восприятие медиатекстов.

Коммуникативный риск нежелательной эмоциональной реакции адресата (нарушение критериев уместности, эстетической, этической приемлемости речи), в первую очередь, связывается с вовлечением в деривационные процессы стилистически сниженной, инвективной, обсценной лексики, которая обусловливает повышенную экспрессивность дериватов и способна сформировать зону речевой агрессии. Рискогенными признаются негативно окрашенные новообразования, дающие субъективную оскорбительную характеристику конкретному лицу. Рискогенными являются новообразования в тех случаях, когда отрицательная экспрессивность инноваций значительно усиливается их лексическим окружением, общей негативной модальностью высказывания. Опасность представляет также активизация в медийном дискурсе словообразовательных моделей, характерных для «жаргонного словообразования». Дериваты на базе жаргонной лексики способны оказывать пагубное влияние на речевое поведение носителей языка, на их восприятие окружающей действительности.

На рискогенность медийных новообразований оказывают влияние функционально-прагматические условия формирования их адгерентной экспрессивности (актуализация семантики инноваций, прецедентность, стилистика текста). Во взаимодействии с другими лексическими единицами инновации могут приобретать резко негативную эмоционально-экспрессивную окраску, с которой может не согласиться адресат.

С позиций коммуникативно-прагматических и этических норм целесообразно оценивать стилистически-маркированные новообразования, активно работающие на усиление эмоциональной составляющей медиатекстов. Экспрессивность маркированных дериватов может значительно возрастать за счет окружающего контекста и приводить к нежелательным последствиям коммуникативного и социального характера.

Интерпретация новообразований, включенных в состав прецедентных феноменов, может потребовать от адресата широкой осведомленности, не всегда ему присущей. Излишняя интеллектуализация медиатекста способна

спровоцировать критику получателя информации, чувства которого были задеты неосмотрительностью журналиста. Ухудшает качество журналистского материала трансформирование прецедентов, не имеющих смысловой связи с его тематикой, а также неуместное обыгрывание тех явлений культурного и исторического пространства, которые должны заслуживать уважительного отношения.

При анализе функционально-прагматических факторов, формирующих рискогенность новообразований, можно отметить положительные моменты. Так, текстовая актуализация семантики новообразований способна снижать степень их рискогенности: посредством контекста уточняется семантика инноваций, снимается многозначность аффикса или производящего слова, происходит расшифровка неизвестных слов, задействованных в создании окказионализмов и др.

Рискогенность новых лексем может формироваться тематической направленностью материалов, иными экстралингвистическими факторами, свидетельствующими об агрессивном речевом поведении автора, нарушении им этических и эстетических табу с целью воздействия на массовую аудиторию.

Возникновение коммуникативных рисков в медийных текстах может быть связано с направленностью печатных изданий. Для анализа медийных новообразований привлекались тексты изданий различной социально-политической направленности: с одной стороны, это оппозиционные газеты («Завтра», «Московский Комсомолец», «Наша Версия», «Новая Газета», «Совершенно Секретно»), с другой стороны, издания, рассчитанные на массового читателя и в целом претендующие на объективное отражение актуальных событий, процессов, явлений («Аргументы и Факты», «Известия», «Коммерсантъ», «Комсомольская Правда», «РБК», «Российская газета»).

Как показывает анализ, новообразования, функционирующие в медийных текстах оппозиционной прессы, активно участвуют в стратегии оценивания идейных противников, помогают обличить, дискредитировать негативные и порочные, по мнению журналистов, явления, демонстрируют конфронтационную, категоричную позицию изданий по отношению друг к другу. Таким образом, медийные новообразования становятся мощным

средством идеологического использования: они приобретают отрицательную (агрессивную) оценочность, используемую журналистами в конкретных коммуникативно-прагматических целях, но нередко провоцирующую появление коммуникативных рисков в медиакоммуникации (в первую очередь, это риск читательского негатива).

Анализ новообразований позволяет установить, как именно формируется их рискогенность, а последствия рискогенных употреблений представляют научный интерес не только для стилистики и культуры речи, социолингвистики, прагмалингвистики, лингвокриминалистики, но и для разного рода социокультурных исследований: «Самые опасные следствия непреодолённых рисков СМИ — социальные: разжигание межнациональной вражды, любой экстремизм, негативное влияние на общую культуру общества (и поведение каждого его члена), фактически воспитание агрессии и антитолерантности» [Кормилицына, Сиротинина 2015: 35].

В целом результаты исследования подтверждают тот факт, что новообразования являются не только средством экспрессивизации медиатекста, но и фактором его рискогенности; в работе определяются наиболее типичные рискогенные зоны в области современного медийного словотворчества. Изучение коммуникативных рисков необходимо в связи с тем, что язык СМИ продолжает оставаться эталонным для современной аудитории. Однако сегодня посредством СМИ обществу нередко предлагаются неправильные, порочные образцы речевого поведения. Перенасыщенность медийных текстов рискогенными словообразовательными элементами оказывает отрицательное влияние на речевую культуру носителей языка и на культуру общества в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. АиФ – Газета «Аргументы и Факты». – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: http://www.aif.ru/. – Загл. с экрана.

2. Завтра – Газета «Завтра». – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: http://zavtra.ru/. – Загл. с экрана.

3. Известия – Газета «Известия». – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: https://iz.ru/. – Загл. с экрана.

4. Коммерсантъ – Газета «Коммерсантъ». – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/. – Загл. с экрана.

5. КП – Газета «Комсомольская Правда». – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: https://www.kp.ru/. – Загл. с экрана.

6. МК – Газета «Московский Комсомолец». – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: http://mk.ru/. – Загл. с экрана.

7. НВ – Газета «Наша Версия». – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: https://versia.ru/. – Загл. с экрана.

8. НГ – Газета «Новая Газета». – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: https://www.novayagazeta.ru/. – Загл. с экрана.

9. РБК – Газета «РБК». – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/newspaper/. – Загл. с экрана.

10. РГ – Газета «Российская газета». – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: https://rg.ru/. – Загл. с экрана.

11. СС – Газета «Совершенно Секретно». – Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: https://www.sovsekretno.ru/. – Загл. с экрана.

Словари

12. АРЯ 2009 – Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, Е.Н. Шагалова / отв. ред. Е.А. Левашов. – СПб: Нестор-История, 2009. – 288 с.

13. БСРП 2007 – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 785 с.

14. БТСРЯ 2014 – Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: «Норинт», 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gramota.ru/slovari/bts/.

15. БУСРЯ 2016 – Большой универсальный словарь русского языка // Под ред. В.В. Морковкина. – М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА. 2016. – 1456 с.

16. БФСРЯ 2006 – Большой фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2010. – 784 с.

17. КРР 2003 – Культура русской речи: Энциклопедический словарь справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

18. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд., доп.: Русский язык, 2000. – 847 с.

19. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.

20. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 431 с.

21. РГ 1980 – Русская грамматика: В 2-х т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – Т.1. – М.: Наука, 1980. – 789 с.

22. РЯЭ 1997 – Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.

23. СРА 2002 – Словарь русского арго / под ред. Е.С. Елистратова. - М., 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gramota.ru/slovari/argo/.

24. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 852 с.

25. СРЯ 1981–1984 – Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp.

26. ССЛЖС 2014 – Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://argo.academic.ru/.

27. ССМЖ 2006 – Словарь современного молодежного жаргона / Под ред. М.А. Грачева. – М.: Эксмо, 2006. – 672 с.

28. СТСРЯ 2006 – Современный толковый словарь русского языка. В 3 т./ под ред. Т.Ф. Ефремовой. – М., 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.efremova.info.

29. СЭСРЯ 2003 – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

30. ТСРЯ 2008 – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской. – М.: Эксмо, 2008. – 1136 с.

31. ФСРЯ 2007 – Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов (рус. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – 3-е изд. Стереотип. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2007. – 334 с.

32. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX — начало XXI вв.): более 3000 слов и словосочетаний. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 943 с.

33. ЭСС 2005 – Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 480 с.

Научная и научно-методическая литература

34. Абдуллина Л.Р. Фразеологическая единица и контекст: от структурализма к когнитивизму (теоретический аспект) // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. – Вып. 2. – С. 156-164.

35. Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русская неография: автореф. дис…доктора филол. наук: 10.02.01. –Санкт-Петербург, 1999. – 42 с.

36. Анисимова Е.Е. Нормативность речи в аспекте коммуникативной лингвистики // Вопросы системной организации речи. – 1987. – С. 3-9.

37. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистическая энциклопедия. – М., 1990. – С. 136-137.

38. Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования: (На материале испанского языка). – М.: Языки славянских культур, 2007. – 288 с.

39. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

40. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 21-38

41. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: Учеб. пособие. [Электронный ресурс]. – Калининград, 1997. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/baben_okk.php.

42. Бавильский Д.В. Из глубины // Знамя. – М., – 2000. – №2. – С. 182-186.

43. Байкулова А.Н. Социальный аспект и социальная составляющая в изучении коммуникативной компетенции личности // Известия Саратовского университета. – 2010. – Т. 10. Сер. Социология. Политология. – Вып. 1. – С. 45-49.

44. Байкулова А.Н. Некомпетентность в типах общения как фактор риска коммуникативных неудач и конфликтов // Известия Саратовского университета. – 2011. – Т. 11. Сер. Филология. Журналисткика. – Вып. 3. – С. 18-25.

45. Байкулова А.Н. Неофициальное общение: подходы к его классификации и методике исследования // Известия Волгоградского государственного университета. – 2014. – С. 8-11.

46. Байкулова А.Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: диссер. ... доктора филологических наук: 10.02.01: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2015. – 590 с.

47. Бакич Н.А. Функционально-дискурсивная обусловленность экспрессивности окказионального слова в медийном тексте // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания: сборник статей по материалам научной конференции. – Нижний Новгород, 2016. – С. 259-265.

48. Басовская Е.Н. Обезглавливание через озаглавливание // Русская речь. – 2003. – №4. – С. 56-62.

49. Баталов О.Г. Когнитивно-функциональный аспект окказионального словообразования в художественном тексте: дисс... канд. филол. наук: 10.02.04. – Н. Новгород, 2004. – 242 с.

50. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

51. Бекетова Н.А. Экспрессивное словообразование в современных медиатекстах (на материале суффиксальных имен существительных): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Белгород. – 2014. – 24 с.

52. Беликов В.И., Крысин, Л.П. Социолингвистика. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.

53. Бурдье П. Начала / Пер. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 181-207.

54. Беренкова В.М. Авторские новообразования и их функции в трилогии Дж. Р.Р. Толкиена "Властелин колец": в английском и русском текстах: дис. …канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Майкоп, 2007. – 189 с.

55. Быкова О.Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации / Под ред. А.П. Сковородникова. Краснояр. гос. ун-т, 1999. – Вып.1 (8). – С. 99-103.

56. Важина Е.Н. Функциональный потенциал сложных имен существительных с признаковым компонентом в современном русском языке: автореф. диссер. канд. филол. наук: 10.02.01. – Тамбов, 2013. – 25 с.

57. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие. – М.: Логос, 2001. – 302 с.

58. Васильев А.Д. Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевещании. – М.: Флинта, 2003. – 224 с.

59. Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи: курс лекций по стилистике русского языка для филологов. – М.: Русский язык, 1982. – 198 с.

60. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 184 с.

61. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972. – 613 с.

62. Виноградов С.И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. – С. 121-152.

63. Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура речи и эффективность общения. – М., 1996а. – С. 281-317.

64. Виноградов С.Н. Культура речи как аксиологическая дисциплина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – №4 (2). – С. 465-467.

65. Винокур Г.О. Маяковский – новатор языка. – Москва: Советский писатель, 1943. – 136 с.

66. Власова Е.В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко - русскоязычных газет 30-х и 90-х гг 20 века): дис. ...канд. филол. наук: 15.01.13. – СГУ. – Саратов, 2015. – 214 с.

67. Володина М.Н. [и др.] Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект, 2011. – 332 с.

68. Володина М.Н. [и др.] Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов/ Под ред - М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – 760 с.

69. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: диссер. ... доктора филол. наук: 10.02.19: Челябинский государственный университет, 2006. – 298 с.

70. Гаврилова Г.Ф. Современный русский язык: коммуникативно-функциональный аспект: Учебное пособие. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2000. – 163 с.

71. Гарифуллин Р.Р. Иллюзионизм как новая философско-психологическая концепция // Психология обмана, манипуляций, кодирования. – Казань, – 1997. – С. 20-38.

72. Голев Н.Д. Массовое письменное сознание: о некоторых проблемах изучения и возможных путях их решения [Электронный ресурс] //

Интернет-конференция «Кириллица – латиница - гражданица». – 2009. – Режим доступа: http://www.mion.novsu. ac.ru/gev/projects/cur/cur_1.

73. Головин Б.Н. Основы культуры речи: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1988. – 335 с.

74. Головина Э.Д. От «респекта» до «уважухи» // Русская речь. – 2017. – №3. – С. 61-69.

75. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. 3- е изд. – М., 1989. – 208 с.

76. Городецкий Б. Ю. Кобозева, И.М., Сабурова, И.Г. К типологии коммуникативных неудач [Текст] // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск, 1985. – С. 64-78.

77. Грабельников А.А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий. – М.: Рип-холдинг, 2000. – 336 с.

78. Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 17-46.

79. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи: Учебник для вузов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. – 560 с.

80. Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986. – 256 с.

81. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.

82. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.

83. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. – М.: Книжный дом «Университет», 2011. – 230 с.

84. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. – М., 1979. – 257 с.

85. Дедова О.В. О языке интернета // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2010. – № 3. – С. 25-38.

86. Денисова Э.С. Активные словообразовательные процессы в языке современных СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – №4 (2). – С. 507-510.

87. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. – изд 2-е. – М.: УРСС Эдиториал, 2005. – 288 с.

88. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика: междунар. науч. журн. – 2015. – №1 (6). – С. 45-57.

89. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – М.: Флинта, 2008. – 185 с.

90. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. – М.: Высшая школа, 1984. – 224 с.

91. Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия. Verlag otto, Munchen, 1994. – 350 с.

92. Дускаева Л.Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М., 2003. – С. 664-668.

93. Дускаева Л.Р., Карпова Т.Б. Речевой эпатаж современных российских СМИ: функциональное и дисфункциональное // Этика речевого поведения российского журналиста: коллективная монография / Ред.-сост. д. филол. н., проф. Л.Р. Дускаева. – СПб.: Астерион, 2009. – 270 с.

94. Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. Вып. XX. – С.135-160.

95. Ермакова Е.Н. Преобразовательные возможности современного русского языка: окказиональные и потенциальные слова и фразеологизмы // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – № 3. – С. 289-298.

96. Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 30-64.

97. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. …д-ра филол. наук: 10.02.19. – Москва, 2004. – 45с.

98. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке

СМИ: Монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

99. Жельвис В.И. Слово и дело: Юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 194-206.

100. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982. – С. 45-109.

101. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учеб. для студентов вузов, обучающихся по филол. специальностям. – М.: Изд-во Рос. гос. ун-та, 2000. – 382 с.

102. Замальдинов В.Е. Словообразовательные неологизмы в СМИ как средство речевого воздействия (на материале нижегородских СМИ): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. Нижний Новгород. – 2018. – 224с.

103. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. ст. Вып. 1. – М., 1997. – С. 82-103.

104. Захарова Е.П. Коммуникативная норма и речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1999. – 300 с.

105. Зеленин А.В. Аффиксоиды и проблемы их лексикографирования // Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. – СПб.: Изд-во «Наука», 2012. – С. 273-285.

106. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 90-141.

107. Земская Е.А. Литературная норма и неузуальное словообразование // Современный русский язык: Система – норма – узус / Ин-т рус. яз. Им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 207-254.

108. Земская Е.А. Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы республ. науч. конф. – Самарканд, 1972. – Ч.1. – С. 19-29.

109. Земская Е.А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1981. – 276 с.

110. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – Изд.4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.

111. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. – М., «Просвещение», 1973. – 304 с.

112. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004. – 688 с.

113. Иванов Л.Ю. Понятие «Хорошей речи» и жанры конвенциональных текстов (на примере инструкций) // Вопросы культуры речи / отв. ред. А.Д. Шмелев. – Вып. 10. – М.: АСТ-ПРЕСС книга, 2010. – С. 34-58.

114. Изотов В.П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): диссер.. д-ра филол. наук. – Орел, 1998. – 341 с.

115. Ильясова С.В. Аббревиатуры: языковая игра как развлечение или как инструмент оценки? (на материале языка современных российских СМИ) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 2 (22). – С. 64-67.

116. Ильясова С.В. *Крымец Украине*, или Политическое словотворчество // Политическая лингвистика. – 2016а. – №3 (57). – С. 27-31.

117. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ: диссер... доктора филол. наук: 10.02.01. – Ростов-на-Дону, 2002. – 432 с.

118. Ильясова С.В. Словотворчество? Словоерничество? К оценке игровых стратегий в языке современных российских СМИ // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2017. – № 2. – С. 68-75.

119. Ильясова С.В. Трансформация прецедентных феноменов как способ реализации игрового и оценочного начал (на материале современных российских СМИ)// Грани познания. – 2015а. – №5. – С. 85-87.

120. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – 5-е изд., стер. – М.: Флинта, 2015. – 296 с.

121. Ипполитова Н.Б. Изобразительно-выразительные средства в публицистике. –Саранск: Мордов.ун-т, 1988. – 80 с.

122. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.

123. Казак М.Ю. Об основных тенденциях развития языка СМИ // Журналистика и медиаобразование в XXI веке: сб. науч. тр. Междунар. науч. – практ. конф. – Белгород, 2006. – С. 249-253.

124. Кайда Л.Г. Позиция автора в публицистике. Стилистическая концепция // Язык современной публицистики: сб. ст. – М., 2008. – С. 59-67.

125. Какорина Е.В. Активные процессы в языке средств массовой информации // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков/ Ин-т рус.яз. имени В.В. Виноградова РАН. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 712 с.

126. Какорина Е.В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1895-1995). – М., 1996. – С. 495-549.

127. Какорина Е. В. Жаргонизация речи // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 265-276.

128. Калниязов М.У. Окказиональные слова, созданные по конкретному слову-образцу // Вопросы стилистики. Саратов, 1976. – С. 134-138.

129. Калниязов М.У. Окказиональные существительные, созданные с нарушением законов словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Уч. зап. – Ташкент, 1975. – Т.143. – Ч.1. – С. 285-290.

130. Карасик В.И. Коммуникативные тенденции: регистры, понятия, тональности, сферы // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. Вып. 2. – С. 164-184.

131. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – Волгоград: Парадигма, 2015. – 432 с.

132. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

133. Клушина Н.И. Имя собственное на газетной полосе // Русская речь. – 2002. –№1. – С. 53-56.

134. Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ [Электронный ресурс] // Публицистика и информация в современном обществе – Электрон. дан. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – Режим доступа: http://www.gramota.ru.

135. Клушина Н.И. Коммуникативная стилистика публицистического текста // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. – М.: Академический Проект, 2011. – С. 148-159.

136. Клушина Н.И. Медиастилистика: монография. – М.: Флинта, 2018. – 184 с.

137. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста: монография – М., «МедиаМир», 2008. – 248 с.

138. Клушина Н.И. Новые штампы новой журналистики // Русская речь. – 2010. – №1. – С. 61-64.

139. Клушина Н.И. Образ врага (о военной риторике в мирное время) // Язык современной публицистики: сборник статей / сост. Г. Я. Солганик. – Флинта: Наука Москва, 2005. – С. 144-161.

140. Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2004. – С. 269-289.

141. Клушина Н.И. Речевая агрессия в СМИ: зоны проявления и попытки рефреймирования // Этика речевого поведения российского журналиста: коллективная монография / Ред.-сост. д. филол. н., проф. Л.Р. Дускаева. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 223-244.

142. Клушина Н.И. Этические границы языковой игры // Журналистика и культура русской речи. – 2002а. –№ 2. – С. 104-108.

143. Клюева Н.П. «Незнакомое» слово в публицистическом тексте // Журналистика, реклама и связи с общественностью: Региональный и

страноведческий аспекты: материалы Междунар. науч.-практич. конф. – Иваново, 2013. – С. 97-101.

144. Клюева Н.П., Метлина А.Е. Индивидуальный стиль журналиста сквозь призму авторского взгляда // Региональная журналистика и реклама: теория и практика: материалы V науч. – практ. конф. – Иваново, 2011. – С. 152-160.

145. Колесников Н.П. Кое-что о псевдоомонимах // Русская речь. – 1990. – №6. – С. 52-54.

146. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

147. Коньков В.И. Стилистическая неупорядоченность в речевой практике СМИ // Современная русская речь: состояние и функционирование. Выпуск II: Сборник аналитических материалов / Под ред. С.И. Богданова, Н.О. Рогожиной, Е.Е. Юркова. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, Изд-во «Осипов», 2006. – С. 112-118.

148. Копнина Г.А., Сковородников А.П. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3(41). – С. 36-42.

149. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 169 с.

150. Копнина Г.А., Сковородников А.П. Коммуникативные неудачи журналистов в использовании средств речевой выразительности // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. – СПб.: С.-Петерб. ун-т, 2012а. – С. 243-250.

151. Копнина Г.А., Сковородников А.П. Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка // Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект, Альма Матер, 2008. – С. 521-539.

152. Копоть Л.В. Универбация как явление словообразования с точки зрения социолингвистики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2007. – С. 1-5.

153. Кормилицына М. А. Качество передаваемой в печатных СМИ информации как фактор социальных рисков // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 2012. – Вып.12. – С. 3-18.

154. Кормилицына М.А. Как помочь адресату правильно интерпретировать сообщении? // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2014. – Вып.14. – 164 с. – С. 14-26.

155. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. научн. трудов. – Саратов, 2008. – Вып.8. – С. 13-33.

156. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Важность знаний о рисках коммуникации для успешной профессиональной деятельности журналистов // Медиалингвистика. Вып. 4 Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа: Сб. статей / Под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: С-Петерб. гос. ун-т, ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2015. – С. 34-37.

157. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Речевой этикет в СМИ как фактор влияния на речевую культуру российского общества // Речевой этикет в СМИ. – Саратов: Изд-во Саратовский государственный университет, 2015а. – Т. 15. – Вып.1. – С. 5-9.

158. Коряковцева Е.И. Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса // Prezjawy internacjonalizacji w językach słowiańskich: сб. научн. тр. – Siedlce, 2009. – С. 179-198.

159. Коряковцева Е.И. Язык современной российской прессы: варваризмы и арготизмы как сигналы речевой агрессии // Wspôlczsena komunikacja językowa. Prace. Slawistyczne 125 SOW. – Warszawa, 2008. – С. 80-110.

160. Коряковцева Е.И. Интернационализация, демократизация и медиатизация славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект) // Globalizacja a języki słowiańskie. Globalization and Slavic languages. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2018. – С. 13-33.

161. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 286 с.

162. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: МГУ, 1971. – 265 с.

163. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб. : Златоуст, 1999. – 320 с.

164. Костюков В.М. Об одной разновидности индивидуально-авторских слов // Русский язык в школе. – 1986. – №4. – С. 93-97.

165. Котелова Н.З. Избранные работы / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. — СПб.: Нестор-История, 2015. – 276 с.

166. Красникова И.Р. Прагматика окказиональных антрополексем в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ростов-н/Д, 2004. – 153 с.

167. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

168. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. – 1997. – №3. – С. 62-75.

169. Кривенко Б.В. Из жизни окказионализмов // Русская речь. – 1994. – №3. – С. 122-124.

170. Кругликова Л.Е. Структура лексического и фразеологического значения. – М.: МГПИ им. В.И.Ленина, 1988. – 86 с.

171. Крысин Л.П. Современный русский язык: Система – норма – узус / Ин-т рус. яз. Им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 480 с.

172. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия. – М., 1996. – С. 384-405.

173. Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки. – 2005. – № 2. – С. 483-497.

174. Кройчик Л.Е. Парадоксы комической публицистики. Этика смеха // Этика речевого поведения российского журналиста: коллективная

монография / Ред.-сост. д. филол. н., проф. Л.Р. Дускаева. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 193-223.

175. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. - М.: Наука, 1981. – 198 с.

176. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

177. Кукушкина О.В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. Изд-во МГУ, 1998. – 173 с.

178. Купина Н.А. Лингвоидеологические процессы и проблемы культуры речи // Вопросы культуры речи / отв. ред. А.Д. Шмелев. – Вып. 10. – М.: АСТ-ПРЕСС книга, 2010. – С. 73-93.

179. Кушнир О.Н. Актуализация лингвокультурных концептов, вербализованных заимствованными префиксами и префиксоидами // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – Вып. 2. – С. 36-43.

180. Лазуткина Е.М. «Культура речи» как наука о жизни языка и общества // Вопросы культуры речи / отв. ред. А.Д. Шмелев. – Вып. 10. – М.: АСТ-ПРЕСС книга, 2010. – С. 93-110.

181. Лаптева О.А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – С. 44-51.

182. Лаптева О.А. Двуединая сущность языковой нормы // Журналистика и культура русской речи. – 2003. – № 1. – С. 34-40.

183. Левашов Е.А. Ещё раз об аффиксоидах // Русская речь. – 2008. – № 3. – С. 50-52.

184. Лейчик В.М. Интеллектуализация и демократизация – противоположные тенденции в развитии современного русского языка // Русский язык на рубеже веков: активные процессы. – М., 2003. – С. 45-60.

185. Леонтьев А.А. Психология общения. 3-е изд. – М.: Смысл, 1999. – 365 с.

186. Лисицкая Л.Г. Коммуникативные нормы и лингвистическая безопасность современных медиатекстов// Вестник Адыг. гос. ун-та. Вып. 1. – 2009. – С. 85-89.

187. Лисицкая Л.Г. Медиатекст в языковом и функциональном аспектах // Вестник ун-та Российской академии образования. – Сер. 10. Филология и журналистика. – 2008. – №3. – С. 27-29.

188. Лисицкая Л.Г. Принцип коммуникативной целесообразности и традиционности в медиатексте // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. Вып.3. – 2010. – Т.10. – С. 28-32.

189. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. – М.: Наука, 1973. – 152 с.

190. Лукьянова Н.А. О контекстных условиях реализации семантики экспрессивного слова (к вопросу об экспрессивном контексте) // Экспрессивность на разных уровнях языка: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1984. – С. 42-59.

191. Лыков А.Г. Можно ли окказиональное слово называть неологизмом? // Русский язык в школе. – 1972. – №2. – С. 85-89.

192. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) / А.Г. Лыков. – М.: Высшая школа, 1976. – 120 с.

193. Лысакова И.П. Язык газеты и типология прессы: социолингвистическое исследование. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 293 с.

194. Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное самомоделирование // Язык и личность. – М., 1989. – С. 24-33.

195. Максимов В.И. Русский язык и культура речи: учебник для вузов / под ред. В.И. Максимова, А.В. Голубевой. – М.: Юрайт-Издат, 2010. – 413 с.

196. Манаенко Г.Н. Дискурсивные слова и интенциональность аналитического текста политического дискурса // Политическая лингвистика. – 2013. – № 2 (44). – С. 65-71.

197. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. – М: ЭЛПИС, 2008. – 496 с.

198. Марьянчик В.А. О словаре медиа-политических неологизмов современной эпохи // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления). – СПб, 2006. – С. 111-115.

199. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 152 с.

200. Матвеева Т.В. Коммуникативная стратегия влияния на собеседника в аспекте культуры речи // Вопросы культуры речи / отв. ред. А.Д. Шмелев. – Вып. 10. – М.: АСТ-ПРЕСС книга, 2010. – С. 110-127.

201. Матьяш О.И. [и др.] Межличностная коммуникация: теория и жизнь. – СПб. : Речь, 2011. – 560 с.

202. Минеева З.И. Активные процессы в деривации неоагентивов в современном русском языке (1960-2016 гг.): структурно-семантический и прагматический аспекты: диссер. доктора филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск, 2017. – 577 с.

203. Минеева З.И. Контаминация в образовании номинации человека // Вестник Удмуртского университета. – 2015. – Т.25. – Вып.2. – С. 58-68.

204. Миськевич Г.И., Чельцова Л.К. Новые слова, их принятие и нормативная оценка // Актуальные проблемы культуры речи. – М., 1970. – С. 243-272.

205. Михайлов М.А. Речевая номинация и выделимость морфем. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1989. – 162 с.

206. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.

207. Накорякова К.М. Литературное редактирование. – ИКАР, 2009. – 432 с.

208. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р. Ю. Намитокова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1986. – 154 с.

209. Намитокова Р.Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале современной поэзии): Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Майкоп, 1989. – 364 с.

210. Некрасова Н.С. О стилистической принадлежности газетного текста // Гуманитарный вектор. – 2010. – №2(22). – С. 136-140.

211. Немченко В.Н. Основные понятия морфемики в терминах: Крат. словарь-справочник. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 216 с.

212. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. – М .: Высшая школа, 1984. – 255 с.

213. Немченко В.Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1994. – 293 с.

214. Нестерская Л.А. Языковые средства формирования оценочности в современной публицистике // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 2002. – Вып. 21. – С. 180-188.

215. Нефляшева И.А. Новообразования в газетно-публицистическом стиле: системно-функциональный анализ (На материале 1991-1997г.): автореф. диссер.... канд. филол. наук: 10.02.01. – Майкоп, 1998. – 22 с.

216. Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития // Вопросы языкознания. – 2001. – №1. – С. 98-132.

217. Николина Н.А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2009. – 336 с.

218. Николина Н.А. «Скорнение» в современной речи // Язык как творчество: Сб. ст. к 70-летию В.П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 309-318.

219. Николина Н.А. Активные процессы в сфере сложения в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 6. – С. 171-173.

220. Николина Н.А. Контаминация как способ компрессивного словообразования // Русский язык в школе. – 2011. – №2. – С. 41-45.

221. Николина Н.А., Фролова Е.А., Литвинова М.М. Словообразование современного русского языка: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 160 с.

222. Николина Н.А., Рацибурская Л.В. Современный русский язык. Морфемика: учеб. пособие. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 144 с.

223. Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. – М.: ЛКИ, 2007. – 232 с.

224. Перфильева Е.Ю. Явление интертекстуальности как черта идиостиля журналистов // Культура и текст. – Новосибирск, 2007. – Вып. 4. – С. 356-360.

225. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 160 с.

226. Петрухина Е.В. Актуальные тенденции в русском словообразовании и глобализация // Русский язык в поликультурном мире. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство типография «Ариал», 2017. – С. 179-186.

227. Плотникова А.М. Вокативность как словарная и прагматическая характеристика слова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (24). – С. 58-65.

228. Подчасов А.С. Дезориентирующие заголовки в современных газетах // Русская речь. – 2000. – №3. – С.52-55.

229. Покровская Е.В. Прагматика современного газетного текста // Русская речь. – 2006. – № 3. – С.127-135.

230. Попова Т.В. Новое в изучении графодеривации // Лингвистика креатива-4 / под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. – С. 229-269.

231. Попова Т.В. Современные графо-орфографические игры: коммуникативные удачи и неудачи (на материале графиксатов русского языка рубежа XX-XXI вв.) // Лингвистика креатива-2 / под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2012. – С. 199-233.

232. Попова Т.В. Графодеривация: варьирование слова или словообразование? // Предложение и Слово. Кн. 2: Материалы IV Международного научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка». – Саратов, 2010. – С. 196-206.

233. Попова Т.В. Графиксация как новое явление в языке и научной когниции // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24 (239). – С. 160-163.

234. Попова Т.В. Русские графиксаты как объект неографии XXI в. // Вестник Днепропетровского государственного университета. Том 21. Сер. Языкознание. – Выпуск 19, т. 1. – Днепропетровск, 2013. – С. 34-42.

235. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 168 с.

236. Промах Л.В. Словообразовательные особенности лексических новообразований С.Д. Кржижановского: диссер…кандид. филол. наук. – 10.02.01. – Русский язык. – Екатеринбург, 2017. – 381 с.

237. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 351 с.

238. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. – 2017. – № 2. – С. 33-39.

239. Рацибурская Л.В., Соловьева Д.В. Медийные новообразования как фактор коммуникативных рисков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 81-89.

240. Рацибурская Л.В. Динамические аспекты интернационализации в современном медийном словотворчестве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2014. – № 5 (24). – С. 25-31.

241. Рацибурская Л.В. Новообразования в СМИ как фактор экспрессивизации текста // Язык современных СМИ: проблемы языковой культуры: Материалы круглого стола «Язык СМИ». – Н.Новгород, 2004. – С.30-32.

242. Рацибурская Л.В. Новообразования в средствах массовой информации как способ отражения современной действительности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. Выпуск 1(5). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004а. – С. 157-163.

243. Рацибурская Л.В. Окказиональное слово и словообразовательная система // Соотношение системности языка и его функционирования: межвуз. сб.науч.тр. – Н.Новгород: НГПИ им. М.Горького, 1992. – С.32-43.

244. Рацибурская Л.В. Окказиональные слова в СМИ как средство речевой агрессии // Язык современных СМИ: основные проблемы и тенденции: Сборник материалов научно-практической конференции. – Н. Новгород: ННГУ, 2006. – С. 134-136.

245. Рацибурская Л.В. Особенности новообразований в современных средствах массовой информации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. – 2003. – № 1. – С. 111-116.

246. Рацибурская Л.В. Сложные новообразования как игровая составляющая современных медиатекстов // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. – 2016. – С. 205-216.

247. Рацибурская Л.В. Современное медийное словотворчество: этические границы креатива // Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия. – М.: Фак. журн. МГУ, 2019. – С. 391-392.

248. Рацибурская Л.В., Радбиль Т.Б., Щеникова Е.В., Бакич Н.А., Торопкина В.А., Жданова Е.А. Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография. – М.: Флинта, 2018. – 232 с.

249. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 136с.

250. Рацибурская Л.В., Тимофеева А.А. Специфика ‘глобализации’ в деривационных процессах русского и чешского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4-2. – С. 687-689.

251. Ревзина О.Г. Поэтика окказионального слова // Язык как творчество. – М., 1996. – С. 303-308.

252. Ремчукова Е.Н. Лингвокреативные составляющие современных СМИ на фоне активных языковых процессов // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. – Тарту, 2009 – С. 303-316.

253. Ржанова С.А. Оценочный характер узуса в СМИ // Язык, литература, культура: диалог поколений: Сб. науч. ст. – Чебоксары: Изд-во ЧТУ, 2004. – С. 120-124.

254. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / А.Н. Байкулова, Е.Ю. Викторова [и др.]; под ред. О.Б. Сиротининой и М.А. Кормилицыной. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2015. – 188 с.

255. Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слов: автореферат дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 – Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика. – Воронеж. – 2000. – 50 с.

256. Самыличева Н.А. Особенности графического словообразования в современных СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2010. – Т. 2. – №2(12). – С. 191-194.

257. Самыличева Н.А. Окказиональное слово как средство экспрессивизации газетного текста (на материале нижегородских СМИ): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Нижний Новгород. – 2011. – 293 с.

258. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.

259. Свешникова Н.В., Якубов М.А. Жаргонное слово в языке СМИ // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2006. – Вып.6. – С. 50-57.

260. Седов К.Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003. – Вып.4. – С. 196-212.

261. Сенько Е.В. Неологизация в современном русском языке конца XX века: Межуровневый аспект: дис.... док. филол. наук: 10.02.01. – М., 2000. – 430 с.

262. Сивова А.А. Структурно-семантические особенности окказиональных слов в публицистике последней трети XX - начала XXI вв. (на материале газеты "Комсомольская правда"): дис... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Нижний Новгород. – 2006. – 282 с.

263. Сиротинина О.Б. Борьба с рискогенностью общения как одна из проблем речеведения? // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2014. – Вып.14. – С. 5-14.

264. Сиротинина О.Б. Вероятное и возможное в судьбе русского языка (размышления на основе фактов его изменений в начале XXI века) // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов, 2009. – С. 52-68.

265. Сиротинина О.Б. О стилистических приемах современной публицистики, которые могут приводить к коммуникативной неудаче //

Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию Михаила Викторовича Панова. – М.: Языки славянской культуры, 2001а. – С. 280-286.

266. Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи [Электронный ресурс], 2001. – Режим доступа: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_139.

267. Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2013. – 116 с.

268. Сиротинина О.Б. Структурно-функциональные изменения в современном русском языке: проблема соотношения языка и его реального функционирования // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Второй междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24-26 апр. 2007 г.: в 2 т., Т. 1. – Волгоград, 2007. – С. 87-98.

269. Сиротинина О.Б. Факторы, влияющие на развитие русского языка в XXI веке // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2007а. – Вып.7. – С.11-25.

270. Сиротинина О.Б. Что мешает эффективности современной коммуникации?// Экология языка и коммуникативная практика. – Саратов, 2017. – №1. – С. 25-37.

271. Скворцов Л.И. Современные отечественные и зарубежные исследования в области культуры речи (в нормативном и коммуникативном аспектах) // Культура речи и эффективность общения. – М., 1996. – С. 40-65.

272. Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. – М.: Наука, 1980. – 352 с.

273. Сковородников А.П. О состоянии речевой культуры в российских средствах массовой информации (опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-метод. бюллетень. Вып. 7. – Красноярск. 1998. – №3. – С. 10-19.

274. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

275. Слюсарева Н.А. Смысл как экстралингвистическое явление // Как подготовить интересный урок иностранного языка. – М., 1963. – С. 30-46.

276. Сметанина С.И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): Научное издание. – СПб: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.

277. Селяев А.В. Современные российские СМИ и языковая норма // Социальные варианты языка. – Нижний Новгород, 2003. – С. 260-281.

278. Солганик Г.Я. Лексика газеты: функциональный аспект. – М.: Высшая школа, 1981. – 111 с.

279. Солганик Г.Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: сб. ст. – М., 2008. – С. 232-246.

280. Солганик Г.Я. О языке газеты: учебно-методическое пособие. – М.: МГУ, 1968. – 48 с.

281. Солганик Г.Я. О языке и стиле газеты // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003. – С. 261-268.

282. Солганик Г.Я. Язык СМИ // Вестник Московского Ун-та. – Сер.10. Журналистика. – 2010. – №5. – С.130-137.

283. Солганик Г.Я. Язык СМИ и политика. – М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. – 952 с.

284. Соловьева Д.В. Рискогенность словообразовательных неологизмов в современных медиатекстах общественно-политической направленности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2018. – Т. 16. – № 1. – С. 109-123.

285. Сорокин Ю.А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993. – С. 102-113.

286. Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография / Рацибурская Л.В., Радбиль Т.Б., Щеникова Е.В., Бакич Н.А., Торопкина В.А., Жданова Е.А. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 232 с.

287. Стернин И.А. Фактор адресата в речевом воздействии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2004. – № 1. – С. 171-178.

288. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 178 с.

289. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 130-150.

290. Сурикова Т.И. Этический аспект языка СМИ // Язык массовой и межличностной коммуникации. Кол. моногр. / ред коллегия: Я.Н. Засурский, Н.И. Клушина, В. В. Славкин, Г. Я. Солганик. – М., 2007. – С. 133-184.

291. Сурикова Т.И. Антиэтика в языке СМИ // Журналист. – 2016. – №10. – С. 72-75.

292. Сурикова Т.И. Этика как критерий исследования и оценки языка массовой коммуникации // Этика речевого поведения российского журналиста: коллективная монография / Ред.-сост. д. филол. н., проф. Л.Р. Дускаева. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 71-105.

293. Сухоплещенко Ю.Ф. Когнитивная структура прагматически ориентированных лексических новообразований (на материале британской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1995. – 22 с.

294. Сухорукова О.Н. Конститутивные признаки массово-информационного дискурса // Вопросы гуманитарных наук. – 2004. – № 2. – С. 106-111.

295. Тарланов З.К. Наплыв американизмов и речевая культура // Русская речь. – 2008. – №5. – С. 47-49.

296. Телия В.Н. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности/ Ин-т языкознания; Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – 214 с.

297. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии: монография. – Тверь: ТГУ, 2000. – 155 с.

298. Токарев Г.В. Введение в семиотику: учеб. пособие. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 160 с.

299. Торопкина В.А., Рацибурская Л.В. Словообразовательные неологизмы с негативной оценочностью в текстах СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – № 6 (2). – 2013. – С. 187-191.

300. Трескова С.И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М.: Наука, 1989. – 151 с.

301. Тропина И.А. Наречия-инновации: лингвопрагматический аспект: автореферат дис. …канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Ростов-на-Дону, 2007. – 23 с.

302. Трофимова О.В., Кузнецова Н.В. Публицистический текст: лингвистический анализ: учеб. пособие. – М.: Наука, 2010. – 210 с.

303. Трошкина Т.П. Активные процессы в современном русском словообразовании (на материале газетных текстов) // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект / Казан. гос. ун-т. Филол. фак-т. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – С. 235-239.

304. Тулупов В.В. Этический «кодекс» журналистской профессии // тика речевого поведения российского журналиста: коллективная монография / Ред.-сост. д. филол. н., проф. Л.Р. Дускаева. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 9-45.

305. Тумакова Е.В. Глагольные новообразования в современном русском языке: семантика и функционирование: автореферат дис. …канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Тюмень, 2003. – 20 с.

306. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: Русские словари, 1996. – 221 с.

307. Улуханов И.С. О новых заимствованиях в русском языке // Русский язык в школе. – 1994. – № 1. – С. 70-75.

308. Фащанова С.В. Ключевые прецедентные феномены в контексте национального менталитета (на материале радиодискурса) // Вестник Московского ун-та. Сер. 22: Теория перевода. – 2014. – №4. – С. 124-133.

309. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. – 1957. – №4. – С. 64-73.

310. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М: Издательство "ИКАР", 2007. – 480 с.

311. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М., Русский язык, 2002. – 216 с.

312. Хабибуллина Е.В. Еще раз о контаминационном словообразовании в русском языке. – Studia Rossica Posnaniensia, 2006. – С. 65-71.

313. Хан-Пира Э.И. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования: Сб. науч. трудов. – М.: Наука, 1972. – С. 245-317.

314. Химик В.В. Болезнь языка или язык болезни? //Современная русская речь: состояние и функционирование. Вып. II – СПб., 2006. – С. 47-74.

315. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб: Филол. фак-т СПбГУ, 2000. – 272 с.

316. Химик В.В. Язык современной молодежи // Современная русская речь: состояние и функционирование. – СПб, 2004. – С. 7-66.

317. Хромов С.С. Русский язык и современное российское общество: регуляция или саморегуляция // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Второй Между-нар. науч. конф. (Волгоград, 24–26 апр. 2007): В 2 т./ Волгоград. гос. ун-т. Волгоград: ВолГУ, 2007. Т. 1. – С. 620-627.

318. Хохлачева В.Н. Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX в. (имена существительные) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 166-182.

319. Чернышова Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект): Учебное пособие: Изд-во Алт. Ун-та, 2003. – 178 с.

320. Черняк В.Д. «Зоны риска» в лексиконе языковой личности: к основанию коммуникативных неудач // Вестник ГГПУ. – Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2005. – Вып. 3(47). – С. 96-100.

321. Шаззо А.А. Тенденция к демократизации языка в качественной прессе начала третьего тысячелетия // Вестник Адыгейского государственного университета. – Сер.9.Филология и искусствоведение. – 2012. – Вып. 2. – С. 337-348.

322. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – 2-е изд., доп. – М.: КомКнига, 2005. – 336 с.

323. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 280 с.

324. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 341 с.

325. Шаховский В.И. Новые контекстуальные понятия российских СМИ// Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов [Текст]: Материалы Второй междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24-26 апр. 2007 г.: в 2 т. Т.1. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 764-770.

326. Шварцкопф Б.С. Изучение оценок речи как метод исследования в области культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – С. 415-424.

327. Шейгал Е.И. Толерантность в системе дискурсивных категорий // Лингвокультурологические проблемы толерантности: тез. докл. Международ. науч. конф., Екатеринбург, 24-26 октября 2001 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 152-153.

328. Шипицына Г.М., Воронцова Ю.А. О коммуникативной установке текстов СМИ // Русская речь. – №3. – 2005. – С. 61-67.

329. Шишикина А.А. Активные процессы современного словопроизводства и их отражение в текстах СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 2-1. – С. 302-307.

330. Шишикина А.А. Именная префиксация в современных деривационных процессах: структурно-семантический аспект анализа (на материале новообразований российской прессы начала XXI века): дис. …канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Нижний Новгород, 2010. – 250 с.

331. Шишкарева О.А. Новообразования как проявление языковой игры: структурно-функциональный аспект (на материале нижегородской прессы начала XXI в.): дис. …канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Нижний Новгород, 2009. – 224 с.

332. Ширяев Е.Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. – С. 13-38.

333. Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира и межкультурная коммуникация // Культура народов Причерноморья. – Ставрополь: Межвуз. центр «Крым», 2002. – Т. 37. – С. 8-11.

334. Шумилова А.В. Новообразования в газетном заголовке: структурно-функциональный аспект: диссер…канд. филол. наук: 10.02.01. – Нижний Новгород. – 2011. – 298 с.

335. Эрдынеева Д.В. Языковая игра в дискурсе СМИ // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – Вып. 8. – С. 32-35.

336. Юдина А.Д. Окказионализмы на страницах периодики // Русская речь. – 1999. – №5. – С. 56-59.

337. Янко-Триницкая Н.А. Междусловное наложение // Развитие современного русского языка. – М.: Наука, 1975. – С. 176-182.

338. Янко-Триницкая Н.А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Уч. зап. - Ташкент, 1975а. – т. 143. – 4.1. – С. 413-418.

339. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. – М.: Индрик, 2001. – 503 с.

340. Янко-Триницкая Н.А. Штучки-дрючки устной речи: (Повторы-отзвучия) // Русская речь. №4, 1968. – С. 48–52.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Аргументы и Факты»

Америчка (с. 174)	*И в этой связи нам в России следовало бы поумерить любование «**Америчкой**», столь свойственное нашей новой элите. Нам не нужна навязчивая антиамериканская пропаганда* (АиФ, 27.09.2017; Вячеслав Костиков)
депутатша (с. 66)	*Самыми сексапильными **депутатшами**, по мнению коллег-мужчин, признаны прошедшие в Думу по спискам «ЕР» актрисы Мария Кожевникова и Мария Максакова, чьи откровенные фото публиковали в мужских журналах* (АиФ, 11.07.2012; Татьяна Нетреба)
елки-пальмы (с. 108)	***Ёлки-пальмы.** Как растут экономические близнецы - Россия и Бразилия* (АиФ, 01.09.2017; Яков Миркин)
интернет-пиратство (с. 84)	*Что такое **интернет-пиратство**?* (АиФ, 08.02.2012; От редакции)
накраудфанди (с. 170)	***Накраудфанди** наудачу. В 2018-м «узаконят» ещё один модный, но пока не очень известный в России способ вложения денег – краудфандинг, то есть «организацию взаимного финансирования»* (АиФ, 18.01.2018; Алексей Чеботарев)
нано-пятый (с. 95)	*Поэтому, я думаю, голоса записных критиканов, **нано-пятой** колонны — ибо больше перспектив у нас этой «пятой колонны» нет — они будут присутствовать в общей какофонии», — отметил пресс-секретарь президента* (АиФ, 07.03.2014; Отдел политики)
нарковорота (с. 80)	*«**Нарковорота**» в Соединенные Штаты* (АиФ, 19.09.2018; Андрей Сидорчик)

онлайн-«тролль» (с. 85)	*Но избавиться от **онлайн-«троллей»** очень легко; а вы попробуйте забанить «тролля» офлайн* (АиФ, 08.02.2012; Андор Якаб)
онлайн-среда, офлайн-среда (с. 84)	*Главы ведущих рекламных компаний представят свой взгляд на развитие рынка, расскажут об актуальных тенденциях, рассмотрят стратегии продвижения в **онлайн-средах** и **офлайн-средах**, обсудят вопросы государственного регулирования* (АиФ, 05.09.2017; Полина Девятова)
промайданный (с. 64)	*Для «**промайданного**» большинства и радикалов на улице Добкин — один из главных врагов в рамках легальной украинской политики* (АиФ, 17.07.2017; Андрей Сидорчик)
пропутинский, промедведевский (с. 64)	*Основную проблему увидели в том, что в этом лагере (ассоциирующимся с подготовкой актива «**пропутинской**»/«**промедведевской**» молодежи) православие используется как часть идеологии* (АиФ, 02.08.2010; Юрий Белановский)
псакинг (с. 97)	*Российские блогеры даже придумали термин «**Псакинг**» и употребляют его тогда, когда человек делает безапелляционные заявления, при этом путает факты и обходится без последующих извинений* (АиФ, 20.02.2015; От редакции)
рыбалкомания, спортомания, гурмания, сексомания (с. 90)	*Это могут быть и другие зависимости, менее опасные, за которые не сажают в тюрьму: **рыбалкомания, спортомания, гурмания, сексомания** и так далее* (АиФ, 07.12.2011; Анна Бахтиярова)
свергатели (с. 70)	*О могуществе этих «делателей» и «**свергателей**» президентов ходят легенды* (АиФ, 18.06.2013; Виталий Цепляев)
скрипалиада (с. 69)	***Скрипалиада**, или Какие ваши доказательства? Почему англичанам теперь всюду мерещатся*

	«русские отравители» (АиФ, 19.09.2018; Владимир Мамонтов)
стягомания (с. 90)	*Так что у* ***стягомании*** *есть резон* (АиФ, 20.09.2017; Василий Устюжанин)
фэсэошники (с. 177)	*Вот «****фэсэошники****», наверное, потешались, предвкушая такой сеанс саморазоблачения. Бывало, лишний карандаш в Кремль мимо них не пронесешь, а тут, надо же, проворонили!* (АиФ, 03.03.2012; Татьяна Нетреба)

«Завтра»

антиевропейцы (с. 59)	*Именно показательная "баталия" на Темзе, по признанию многих тамошних «****антиевропейцев****», помогла им окончательно определиться с решением* (Завтра, 30.06.2016; Денис Тукмаков)
антинародный (с. 59)	*Почему Путин проводит «****антинародную****» политику?* (Завтра, 13.09.2018; Альберт Нарышкин)
антипорошенковский (с. 97)	*Понятно, что поставленный в такие рамки президент «Украины», оставив у себя «в тылу» практически готовый* ***«антипорошенковский»*** *мятеж, бросил всё и полетел в США, надеясь вымолить для себя — на любых условиях — продление президентских полномочий* (Завтра, 19.09.2017; Александр Нагорный)
антитрамповский (с. 97)	*Можно выделить два фундаментальных фактора* ***антитрамповской*** *ненависти* (Завтра, 05.03.2017; Александр Нагорный)
антицерковь (с. 59)	*Сейчас сильные мира сего создают единую содомскую* ***антицерковь*** (Завтра, 27.06.2016; От редакции)
бодро-похабный (с. 89)	*С точки зрения экспертного совета, они оказались менее достойными, чем, например,*

	«Рецепты сотворения мира» Андрея Филимонова, где о Великой Отечественной войне говорится в ***бодро-похабном*** *тоне* (Завтра, 09.12.2018; Виктория Шохина)
борцуны (с. 172)	*В Москве юные* ***борцуны*** *собрались на Пушкинской площади.. На Рождественке провокаторы спровоцировали потасовку между активистами и ОМОНовцами* (Завтра 09.09.2018; Алексей Иванов)
бытовухосклочный (с. 90)	***Бытовухосклочного*** *мусора в головах <…> достаточно, чтобы на этом биотопливе закрутился и стремительно начал набирать обороты маховик исторического отторжения* (Завтра, 08.12.2016; Вадим Коновалов)
вирусняк (с. 177)	*И всё же, если механизм «****вирусняка****» известен, то можно придумать такую же эмпатическую акцию — но чтобы она не ввергала людей в ад боли и страданий, а, наоборот, подымала к небу. Не разделяла, а объединяла желанием жить в одном обществе* (Завтра, 14.07.2016; Денис Тукмаков)
ворёнок (с. 173)	*Будет* ***ворёнок*** *Ксюша каяться за своего жуликоватого папашу?* (Завтра, 31.03.2018; Евгений Пырков)
всепропальщики (с. 70)	*А вот расхожие доводы непримиримых караул-патриотов и записных* ***всепропальщиков*** *— типа «путин всё слил», «коррупция рулит» и «экономика мертва» — напротив, кажутся мне надуманными, непрофессиональными* (Завтра, 26.02.2016; Константин Душенов)
гиперурбанизированный (с. 63)	*Зоной особого риска он считает крупные* ***гиперурбанизированные*** *регионы, Питер, например, где к этому вопросу достаточно фривольно относятся* (Завтра, 30.09.2018; Алексей Иванов)
горбачёвщина,	***Горбачёвщина****,* ***ельцинщина****,* ***собчаковщина****.. что*

ельцинщина, собчаковщина (с. 145)	*дальше?* (Завтра, 27.08.2018; Анатолий Сизиков)
галстукоед (с. 155)	*В этой ситуации есть еще один, не слишком афишируемый аспект: хорошо известно, что для Кремля «**галстукоед**» Мишико является абсолютно неприемлемой и «нерукопожатной» фигурой — в отличие даже от Порошенко* (Завтра, 19.09.2017; От редакции); *В российских и юго-осетинских СМИ, вспоминая о конфликте, говорят о преступной агрессии неадекватного «грузинского фюрера» или «**галстукоеда**»* (МК, 12.08.2015; Айдар Ермаков)
дьяволопоклонники (с. 89)	*Однако оценки, аналогичные оценкам православных людей, дают данному мероприятию и влиятельные **дьяволопоклонники**, хотя они, конечно, оценивают шабаши, происходящие в ночь с 31 октября на 1 ноября, вполне позитивно* (Завтра, 01.11.2017; Игорь Друзь)
евромайданный (с. 76)	*Потому что за три года «**евромайданной**» власти изначально весьма спорный тезис «Украина — не Россия» приобрёл статус если не аксиомы, то доказанной «правосеками» и прочими "навозами" аксиомы* (Завтра, 14.02.2017; Александр Маслов)
евросвидомость (с. 76)	*Новый всплеск литовской «**евросвидомости**» похоже, имеет несколько иную природу, чем предшествующие, аналогичные по форме, всплески. Ну, если бы биологическая эволюция пошла вспять, и в стаю дельфинов затесался какой-нибудь допотопный ихтиозавр: вроде бы с виду похож, не отличишь, но ведь — рептилия, а не млекопитающее* (Завтра, 31.01.2017; Александр Маслов)
жириновцы (с. 71)	*В этом отношении показателен успех*

	*«**жириновцев**», которые отпраздновали победу сразу в двух регионах* (Завтра, 26.09.2018; Александр Нагорный)
звездуны (с. 172)	*Правда, до обаятельности простоватого Семён Семёныча этим нынешним надменным **звездунам** — как нынешнему искусству до…* (Завтра, 27.06.2018; Альберт Нарышкин)
интернет-популисты (с. 84)	*У **интернет-популистов**, для которых самым злобным врагом долгое время были лозунги Навального, сейчас рвётся шаблон* (Завтра, 13.09.2018; Альберт Нарышкин)
квазигосударственный (с. 57)	*Для Катара и Саудовской Аравии территория Сирии — это транспортный коридор для новых нефте- и газопроводов, а также контроль над одним из главных мистических центров исламского Востока — Дамаском, взятие которого для ИГИЛ означало бы выход на **квазигосударственный уровень** и окончательное закрепление как лидера исламского возрождения* (Завтра, 24.08.2016; Алексей Анпилогов)
квази-союз (с. 56)	*Развитие российско-китайского стратегического **квази-союза*** (Завтра, 27.12.2017; Александр Нагорный)
Керри-бредни (с. 163)	***Керри-бредни**, ангел мой* (Завтра, 01.05.2015; Алексей Гордеев)
кокорище (с. 165)	*Мамаево **кокорище.** Почему в общественном мнении нет места сочувствию «оступившимся спортсменам»* (Завтра, 16.10.2018; Дмитрий Лекух)
кремлявки, пропагандявки (с. 172)	*Подкремлёвские **пропагандявки** раскрыли зловещие планы уничтожения русской фантастики. От **кремлявок** ничего другого и не ожидаешь* (Завтра, 06.09.2018; Юрий Нерсесов)
криптоколония (с. 142)	*Всё это ведёт к неуклонному ослаблению России и*

	закреплению её статуса как ***колонии*** *(или, используя современную терминологическую моду, —* ***криптоколонии****) «коллективного Запада»* (Завтра, 16.01.2018; Александр Нагорный)
ЛГБТ-беженцы (с. 86)	*О выборах вообще как будто забыли, сегодня на повестке дня — пожар в Калифорнии, британская политика,* ***ЛГБТ-беженцы*** *в караване мигрантов и столкновения в Палестине* (Завтра, 04.12.2018; Александр Нагорный)
лже-либералы (с. 80)	*И, наконец, очередной провал* ***лже-либералов*** *- это история про несчастного арбатского мальчика* (Завтра, 13.06.2017; Андрей Фефелов)
Лже-собор, лже-церковь, лже-предстоятель, лже-президент, лже-государство (с. 146)	***Лже-собор, лже-церковь, лже-предстоятель, лже-президент, лже-государство****...* (Завтра, 15.12.2018; Алексей Иванов)
лжеэлита (с. 80)	*Нечто похожее Россия уже проходила в 90-е годы. Хищнические и компрадорские замашки* ***лжеэлиты*** *привели к геноциду* (Завтра, 20.09.2016; Андрей Фефелов)
либерал-ельциноид (с. 67)	*За что* ***либерал-ельциноиды*** *так ненавидят Путина?* (Завтра, 01.07.2016; Валентин Задирака)
либералишко (с. 172)	*И всегда, когда какой-либо московский* ***либералишко*** *на одном из многочисленных ток-шоу, вылупив глазёнки, требует вернуть Украине Крым и Севастополь у меня возникает непреодолимое желание «схватить его за грудки»...* (Завтра, 07.08.2017; Владимир Храмов)
либеральненько (с. 173)	*Надо поднять пенсионный возраст, это так* ***либеральненько****, мудрые экономисты должны думать об экономике, а не о каком-то там населении и его уровне жизни* (Завтра, 28.03.2012;

	Александра Смирнова)
либерасты (с. 144)	*И это как раз четкое и очевидное доказательство того, что все вышесказанное наши либералы (или, точнее,* ***либерасты****) сделали не случайно, а осознанно и целенаправленно* (Завтра, 16.06.2018; Михаил Хазин)
мазепенизация (с. 96)	***Мазепенизация*** *Украины. Мазепенцы, фашисты, националисты...* (Завтра, 16.07.2015; Николай Яременко)
мечталки (с. 95)	*За это время на действующего президента налипли надежды, ожидания,* ***мечталки*** *этой самой гламур-элиты, рассчитывавшей с помощью него легко избавиться от постылого Путина* (Завтра, 24.12.2011; Редакция Завтра)
Монеточка, уютненький, няшечка, печеньки, отношеньки, хрупенький, мирочек, вкусняшка, печалька, тухловатенький (с. 175)	*Нынче сделалось модно проживать свою life в «маленьком мире», где французский луковый суп в хипстерской забегаловке предвещает многия «лайки» запиленному look-у.* ***Монеточка*** *— богиня маленького и* ***уютненького*** *мира.* ***Мирочка****. Это даже не мирок. В сетевом общении популярны уменьшительно-ласкательные формы. Хорошенькая девушка —* ***няшечка****. Гастрономический изыск —* ***вкусняшка****. Мелькают «****печеньки****» и «****отношеньки****». Если всё не о-кей и не сложились* ***отношеньки*** *или врач запретил* ***вкусняшки****, то - «****печалька****».* ***Хрупенькое****, болезненное, тухлое.* ***Тухловатенькое****. Потому как Большой Мир, созданный в эпоху индустриализации (ах, я опять о своем СССР!) позволяет девочкам с крохотными, неумелыми лапками ни черта не делать — сдавать прабабкину квартиру и целыми днями мацать пальцами новенький ай-пад. Монеточка — их кумир. Выразительница их миленького* ***счастьица****,*

	иногда отдающего ***печалькой*** *напополам с* ***печеньками*** (Завтра, 08.09.2018; Галина Иванкина)
мочемордный (с. 91)	***Мочемордный*** *мессия. Майданная как и большевистская беспощадно насильственная украинизация в Малороссии сделала не только саму «украинскую идею» омерзительной, но и выбрала для этого нравственно распущенных мессий* (Завтра, 09.10.2015; Николай Яременко)
навальнинги (с. 98)	*Лекция была более чем актуальна, поскольку некоторые ученики этой гимназии участвовали в местных* ***«навальнингах»*** (Завтра, 13.08.2017; Ирина Медведева, Татьяна Шишова)
навальнист (с. 72)	***Навальнист*** *задержан за нападение на журналиста* (Завтра, 2.02.18; Алексей Иванов)
нагломордые (с. 92)	*Ругаем* ***нагломордые*** *СМИ, а ведь как все наглядно - ложь, лицемерие, подлость, достоинства, стойкость, верность отеческим идеалам и духовным принципам. Как кто не старается на себя какую личину напялить, а истинное мурло уже не скроешь* (Завтра,08.12.2016; Вадим Коновалов)
наркотрафик (с. 80)	*Синтетический* ***наркотрафик****: Украина сделала серьезную заявку на лидерство* (Завтра, 20.02.2018; Алексей Иванов)
Нашингтон (с. 115)	***Нашингтон****. Стоит ли начинать праздновать новый триумф путинской дипломатии?* (Завтра, 17.05.2017; Алексей Гордеев)
недостраны (с. 61)	*Тухловатенькое. Становились не боссами ларьков со сникерсами, а — главами маленьких, но гордых* ***недостран*** *(эти мелкие «це-Европки» до сих пор булькают и потрясают кулачонками)* (Завтра, 08.09.2018; Галина Иванкина)
необандеровцы, необуратины (с. 79)	*Даже кипрский прецедент 2013 года не пошёл* ***«необандеровцам» и «необуратинам»*** *впрок*

	(Завтра, 10.02.2015; Николай Коньков)
обидки (с. 174)	*Впрочем, особенно смешны «**обидки**» Трампа на злых русских (которые, может, вмешивались, а может, и не вмешивались в выборы президента США, где Трамп одержал неожиданную и трудную победу над Хиллари Клинтон) выглядят на фоне совсем иного события* (Завтра, 12.07.2017; Андрей Анпилогов)
оБОГащение, БОГатые (с. 127)	*Ведь рабовладелец по найму рабов получает прибыль от работы рабов не на еду, а на **оБОГащение**. <…>. Так наши боги живые до сих пор прячутся от зависти народной, что не мешает 100 самым **БОГатым** богам-филантропам иметь 50% прибыли со всей работы современных рабов всей планеты* (Завтра, 06.02.2018; Эдуард Волков)
олигархиня (с. 72)	*Долго все сходило ей с рук, поскольку она обычно умучивала простых крестьянок, а сама была «**олигархиней**», как сказали бы сейчас* (Завтра, 01.11.2017; Игорь Друзь)
омрачитель (с. 147)	***Омрачителем** или осветителем пространства может быть назван человек* (Завтра, 12.02.2016; Дмитрий Ничипурович)
ополячивание, овенгеривание, обамериканивание (с. 99)	***Ополячивание**, **овенгеривание**, **обамериканивание** родного по крови народа не может не вызывать боль в сердцах россиян, да и всех русских людей планеты* (Завтра, 05.10.2016; Светлана Тишкина)
оранжоиды (с. 67)	*Причём, обнулив приморские выборы, Москва показала готовность не цепляться за кандидатов и начать с чистого листа. Это действительно ловкий ход, выбивший все козыри из рук **оранжоидов*** (Завтра, 25.09.2018; Александр Халдей)

педагогиня (с. 73)	*«Наши дети и внуки владеют иностранными языками!» - радостно вещала* ***педагогиня*** (Завтра, 17.03.2016; Галина Иванкина)
педерастизация (с. 67)	*Ведь защита прав личности, в том числе и гей-личности, — это одно, а* ***педерастизация*** *массового сознания — совсем другое* (Завтра, 27.11.2013; Фрол Владимиров)
Пентагония (с. 117)	***Пентагония.*** *Глава оборонного ведомства США Энтон Картер анонсировал появление оружия для сдерживания «российской агрессии* (Завтра, 11.11.2015; Владимир Винников)
пиар-трюк (с. 85)	*Конечно, само нашествие рыбацкой армады на Лондон тоже было весьма дешёвым* ***пиар-трюком*** *изоляционистов в духе того цирка, который был устроен в России с "забастовкой дальнобойщиков"* (Завтра, 30.06.2016; Денис Тукмаков)
порошенковцы (с. 151)	*Для раздачи паек «благодетели» незаконно используют труд совсем мелких ребятишек под издевательской надписью «дитячий майданчик». Особо подчеркнул, что стёб над шайкой Порошенко не означает поддержки изгнанной банды Януковича, при котором тоже подкупали вовсю. Отрицать увиденное невозможно - и* ***порошенковцам*** *осталось только утереться* (Завтра, 25.10.2015; Юрий Нерсесов)
потреблятство (с. 181)	*Соответственно, этакое мощное «****потреблятство»****, возможность показать свою доминантную природу и т. д. — всё это переносится именно в Россию* (Завтра, 02.06.2016; Андрей Фефелов)
прожиратели (с. 70)	*Люди, жизненное кредо которых быть либеральными, независимыми от власти, агитировать за "невидимую руку рынка", а,*

	значит, зарабатывать самим и платить налоги, оказались самыми жадными и голодными ***прожирателями*** *государственной казны* (Завтра, 13.06.2017; Андрей Фефелов)
псевдолиберализм (с. 58)	*Сами собой высветились химеры* ***псевдолиберализма****, занудливая гнусь раскрепощенных от морали паскудников, ничтожество претендующих на власть пустоцветов, политическое ханжество попсовых кумиров, скудоумие и нравственное убожество «гламура»* (Завтра,08.12.2016; Вадим Коновалов)
псевдоэлита (с. 58)	*По сути, речь идет о* ***псевдоэлите,*** *элите с приставкой "анти", процветание которой, обеспечено деградацией, дисперсией, стагнацией всего остального общества* (Завтра, 01.09.2016; Андрей Фефелов)
путинизм, навальнизм (с. 146)	*Нам предстоит уподобиться хитроумному Улиссу и проплыть и мимо Сциллы* ***путинизма****, и мимо Харибды* ***навальнизма****, потому что и та, и другая попытаются использовать левопатриотическую оппозицию и идущие за ней народные массы в своих целях* (Завтра, 22.10.2018; Леонид Рябов)
растащилово (с. 177)	*Вопрос, который на устах у всех: почему этой банде позволяли действовать 10 лет? Размах таков, что не знать об их* ***растащилове*** *было невозможно* (Завтра, 24.09.2015; Екатерина Глушик)
рашагейт (с. 180)	*Целью было добиться назначения на пост специального следователя по* ***«рашагейту»*** *Роберта Мюллера, известного сторонника Хиллари Клинтон* (Завтра, 25.01.2018; Рустэм Сафронов)
сверхострый (с. 62)	*Надеемся, теперь мгновенная и* ***сверхострая***

	реакция либерального «комьюнити» на «доклад Глазьева» <…> становится более понятной? (Завтра, 01.09.2015; Николай Коньков, Александр Нагорный)
сверхраса, сверхкаста (с. 168)	*Они мнят себя **сверхрасой**, **сверхкастой** на фоне народа – «лузера», проигравшего всё* (Завтра, 25.12.2016; Александр Проханов)
свободовцы (с. 71)	*Нельзя судить об многослойных отрядах правосеков или **свободовцев** и прочих нациков по численности бойцов* (Завтра, 08.12.2016; Вадим Коновалов)
скотинизация (с. 67)	*Если по аналогии предположить, что у подавляющего большинства населения изначально, где-то в зародыше, присутствует вирус **скотинизации**, то крайне наивно полагать, что излечить его возможно точечными инъекциями* (Завтра, 26.10.2017; Александра Леншина)
скрипалята, скрипалёнок (с. 97)	*Злобный скрипаль в чёрном плаще и чёрном трико посрамлён и в страхе убегает. Его преследуют маленькие **скрипалята**, среди которых выделяется **скрипалёнок*** (Завтра, 12.09.2018; Александр Проханов)
Собчонка (с. 174)	***Собчонка** – как, впрочем, и остальные Соискатели, – обходит стороной, к примеру, вопрос, разрешит ли она, став во главе государства, и дальше вбухивать огромные деньжищи в расширение Москвы* (Завтра, 31.03.2018; Евгений Пырков)
суперПутин (с. 97)	***СуперПутин** и плач генералов* (Завтра, 06.03.2018; Константин Душенов)
суперъястреб (с. 62)	*Начнём с частностей. Прежде всего, с маршрута и личности самого Джона Болтона. То, что он «**суперъястреб**» и ненавистник России, хорошо известно* (Завтра, 01.07.2018; Александр

	Нагорный, Николай Коньков)
тавтоложенька (с. 173)	*Не смог удержаться от тавтологии. Впрочем, это всего лишь* ***тавтоложенька****, по сравнению с тем выражением, которым бравируют наши академики* (Завтра, 18.03.2015; Виталий Росляков)
телеболтовня (с. 78)	*За теми исключениями, когда вопрос не потребует выбора между более серьезными вещами, чем* ***телеболтовня*** (Завтра, 17.01.2019; Виктор Стекленев)
телеящик (с. 78)	*Нам показывают в* ***телеящике*** *разухабистых бабёнок в понёвах из занавесочной ткани, а мы презрительно фыркаем в сторону якобы русского народного* (Завтра, 08.10.2015; Галина Иванкина)
толерантненький (с. 173)	*Это выглядит очень специфично для нашего* ***«толерантненького»*** *мира, где примирить удалось, вон, даже бандеровца с евреем* (Завтра, 02.11.2017; Денис Тукмаков)
томосятина (с. 154)	***Томосятина*** *на Украине: мечты, реальность и перспективы». 15 декабря состоялся долго ожидаемый так называемый «Объединительный собор», организованный с целью создания единой Церкви, которая получит Томос об автокефалии от стамбульского патриарха Варфоломея* (Завтра, 28.12.2018: отец Олег Трофимов)
трампомания, трампофобия (с. 91)	*Нынешняя массовая «****трампомания****» в российском политическом истеблишменте, особенно — в её державно-патриотическом крыле и не менее массовая «****трампофобия****» со стороны отечественного «либерального сообщества»* (Завтра, 03.12.2016; Александр Нагорный)
фашизоид (с. 67)	*Безусловно, на Донбассе* ***фашизоиды*** *предпочли бы повоевать как сейчас - весело «под горилку и закусь» - артобстрелами мирного населения, а во время боев потешиться кровавыми «зачистками»*

	(Завтра, 08.12.2016; Вадим Коновалов)
федрезервово (с. 160)	***Федрезерву - федрезервово?*** (Завтра, 10.03.2016; Олег Щукин)
финляндизировать, финляндизация (с. 143)	*Россия стремится **финляндизировать** Прибалтику? Возможна ли **финляндизация** Украины? Оправдания – «нет, не **финляндизируем**!» - даже в случае успеха сам термин оставляют в обороте: «Но уж Финляндию-то вы когда-то **финляндизировали** точно!»* (Завтра, 01.03.2018; Игорь Шумейко)
хипстерша (с. 66)	*Писк юной **хипстерши,** раздающей банальные истины. Истинки* (Завтра, 08.09.2018; Галина Иванкина)
христофобия (с. 91)	***Христофобия**. Протоиерей Димитрий Смирнов о скандале на радио «Культура»* (Завтра, 20.06.2018; Иван Вишневский)
хрюшечка (с. 175)	*В тот момент, когда в безумной войне с «советским» или «имперским» Украина до основания уничтожает русскую историю, русский язык, русскую культуру — вдруг оказывается, что на этом месте у вас остаётся лишь мазаная хата, тын (забор), остаётся позитивная **хрюшечка**, которая ждёт, пока её заколют на заднем дворе, замечательные украинские песни, хлеб, соль, сало — и всё* (Завтра, 07.07.2016; Алексей Анпилогов)
цээрушный (с. 178)	*Страна разрушена, враг наступает, **цээрушная** балаболка, рядящаяся в русские народные одежды, давно замолкла в могиле и впору бы забыть о её существовании* (Завтра, 06.12.2018; Андрей Фефелов)
чертоподобный (с. 90)	*Вот на этот раз «посчастливилось» услышать от **чертоподобных** эховцев стенания по поводу открытия Крымского моста. Уж как бедные убивались! Как удручались и сетовали!* (Завтра,

	20.06.2018; Екатерина Глушик)
шизинка (с. 142)	*От такой шизы развивается неврастения. Вот зачем так делать? Кому понадобился этот адов цирк? «Партнёры» — ещё одна* ***шизинка*** (Завтра, 19.02.2015; Денис Тукмаков)
шизоанализ (с. 105)	*Жижеку, как и Бадью, не нравится неравенство. Особенно в Словении. Как европеец Жижек увлекается психоанализом и* ***шизоанализом*** (Завтра, 07.02.2017; Федор Гиренок)
экс-министерша (с. 63)	*Сети прогнозируют, что Ольгу Глацких может постигнуть судьба саратовской «макарошки» -* ***экс-министерши****, объявившей на весь свет, что в России можно прожить на 50 долларов в месяц* (Завтра, 05.11.2018; Вадим Андреев)
экс-соратница (с. 63)	*Никита Белых вообще считает, что его* ***экс-соратницей*** *двигали исключительно человеколюбие и любовь к простым людям* (Завтра, 23.07.2015; Анна Серафимова)

«Известия»

CASyc белли (с. 160)	***CASyc*** *белли* (Известия, 06.03.2018; Отдел новостей)
SWIFT'ом (с. 135)	*Пролетели со* ***SWIFT'ом.*** *Финансовый аналитик Тимур Турлов — о том, когда появится европейский аналог платежной системы и как это поможет росту цен на нефть* (Известия, 10.10.2018; Тимур Турлов)
антибуллинг (с. 59)	*Школа* ***антибуллинга****. Все школьные педагоги должны получить знания в области психологии* (Известия, 09.08.2018; Наталья Самсонова, Роман Крецуп)
Болтонская (с. 158)	***Болтонская*** *осень. Джон Болтон за два дня в Москве успел провести несколько раундов*

	переговоров и согласовать встречу лидеров России и США (Известия, 24.10.2018; Алексей Забродин)
ВИЧислить (с. 131)	***ВИЧислить** всех. В России стали чаще регистрировать зараженных вирусом иммунодефицита* (Известия, 20.03.2018; Элина Хетагурова)
кибериниципативы (с. 77)	*Три **кибериниципативы**. Россия предложит в ООН пути решения проблем информационной безопасности* (Известия, 20.04.2018; Анастасия Толстухина)
КонтраFIFAкт (с. 134)	***КонтраFIFAкт**. Таможенные органы задержали 493 тыс. единиц контрафактной продукции с символикой FIFA* (Известия, 06.08.2018; Анна Ивушкина)
лжебанки (с. 80)	***Лжебанки** атакуют. Количество выявленных ЦБ кибермошенников выросло в семь раз* (Известия, 12.11.2018; Анастасия Алексеевских)
намайниться (с. 170)	***Намайнились**. Почему блокчейн вдохновил скульпторов и как выглядит алтарь поклонения биткоинам* (Известия, 04.03.2018; Игнат Орбелиани)
псевдосчетчики (с. 56)	*Суды заблокировали **псевдосчетчики*** (Известия, 07.08.2018; Светлана Волохина)
ПЭТриотизм (с. 131)	*Пивной **ПЭТриотизм**. Доля Пэт-тары на пивном рынке достигает 40%* (Известия, 13.06.2018; Евгения Перцева)
символятина (с. 144)	*Любая однозначность и плакатность здесь совершенно неприемлемы, ибо мгновенно превращают **символ** в **символятину*** (Известия, 19.09.2018; Марк Розовский)
уберизация (с. 94)	*Карманный брокер: «**уберизация**» на биржевом рынке. Как клиенты «Тинькофф Инвестиций» покупают ценные бумаги в два клика* (Известия, 22.11.2018; От редакции)

«Коммерсантъ»

DDoSmать (с. 134)	***DDoSmали**. «Ъ» просит МВД проверить причастность «Наших» к атакам на ИД* (Коммерсантъ, 10.02.2012; От редакции)
антиотмывочные (с. 176)	*УК руку моет. Его **антиотмывочные** статьи могут ужесточить* (Коммерсантъ, 10.10.2018; Андрей Колесников)
бачиться (с. 163)	*В списках не **бачатся**. Кто и за что на Украине попал под российские санкции* (Коммерсантъ, 02.11.2018; Анатолий Джумайло, Наталья Скорлыгина, Ольга Мордюшенко, Андрей Райский, Анатолий Костырев, Олег Трутнев, Владимир Соловьев, Кирилл Кривошеев; Янина Соколовская)
БРИКС-криг (с. 161)	***БРИКС-криг.** Десятый саммит «пятерки» открывается на фоне торговых войн* (Коммерсантъ, 25.07.2018; Михаил Коростиков)
газопригоднее (с. 100)	*Севморпуть станет **газопригоднее*** (Коммерсантъ, 02.11.2018; Анастасия Веденеева)
гопинг-проба (с. 119)	***Гопинг-проба**. Все допинговые обвинения олимпийцы России расценили как простой наезд на страну* (Коммерсантъ, 11.11.2015; Андрей Колесников)
дзюдопешт (с. 165)	*Медаль за город **Дзюдопешт*** (Коммерсантъ, 29.08.2017; Андрей Колесников)
дипломатери (с. 120)	*К такой-то **дипломатери**. Слова Сергея Рябкова прозвучали в Сямэне как последнее китайское предупреждение американским властям* (Коммерсантъ, 05.09.2017; Андрей Колесников)
импортодополнение (с. 105)	***Импортодополнение** вместо импортозамещения. ЦСР представил свой план развития несырьевого экспорта* (Коммерсантъ, 03.05.2018; Дмитрий Бутрин)

интернет-индустрия (с. 84)	*Представители* ***интернет-индустрии*** *приветствуют смягчение антиэкстремистского законодательства* (Коммерсантъ, 04.10.2018; Анастасия Курилова, Владислав Новый, Екатерина Гробман)
квартирно (с. 94)	***Квартирно*** *жить не запретишь. Как чиновники и депутаты отчитались о своих доходах* (Коммерсантъ, 14.04.2018; Отдел политики)
красномэрский (с. 123)	*С* ***Красномэрском*** *покончено. Руководить Красноярском будет конкурсный глава* (Коммерсантъ, 14.11.2015; Дмитрий Мальков)
криптострадания (с. 79)	*Британские банки не подвержены* ***криптостраданиям*** (Коммерсантъ, 24.10.2017; Евгений Хвостик)
ЛЭП-топ-хакеры (с. 86)	***ЛЭП-топ-хакеры.*** *Крыму опять перерезали провода с Украины* (Коммерсантъ, 21.11.2015; Вадим Никифоров)
наркочейн (с. 109)	*Вятский* ***наркочейн***. Кировский наркоторговец оцифровал свой преступный бизнес (Коммерсантъ, 26.10.2018; Андрей Репин)
НеСНОСные (с. 128)	***НеСНОСные*** *пятиэтажки. Вызовут ли планы властей оживление на рынке недвижимости* (Коммерсантъ, 15.03.2017; Андрей Загорский)
окончательно-промежуточный (с. 88)	***Окончательно-промежуточное*** *решение. Почему «Газпрому» и «Нафтогазу» нужно научиться улыбаться друг другу* (Коммерсантъ, 29.12.2017; Юрий Барсуков)
памиротворческий (с. 115)	***Памиротворческая*** *инициатива. Как Владимир Путин встретился с Эмомали Рахмоном* (Коммерсантъ, 27.02.2017; Андрей Колесников)
противоботство (с. 122)	***Противоботство*** *сверхдержав. Россия предлагает изменить правила борьбы с киберпреступностью в мировом масштабе* (Коммерсантъ, 14.04.2017; Елена Черненко)

раскуриливать (с. 158)	*Трубка мира не* ***раскуриливается*** (Коммерсантъ, 05.09.2017; Михаил Коростиков)
расстрелянность (с. 154)	*В состоянии полной* ***расстрелянности****. Украина решила поиспытывать свои ракеты под Симферополем* (Коммерсантъ, 26.11.2016; Иван Сафронов, Елизавета Кузнецова, Максим Юсин; Янина Соколовская)
сгазить (с. 122)	*Аукцион как* ***сгазили****. ФАС может заставить АЛРОСА поменять условия продажи непрофильных активов* (Коммерсантъ, 11.01.2018; Юрий Барсуков)
сербцем (с. 158)	*С легким* ***сербцем****. Как поехал домой после встречи с Владимиром Путиным Александр Вучич* (Коммерсантъ, 03.10.2018; Андрей Колесников)
снимательный (с. 110)	***Снимательная*** *арифметика. Число кандидатов на выборах главы Хакасии может уменьшиться* (Коммерсантъ, 01.10.2018; Отдел политики)
талейрантность (с. 150)	*В обстановке взаимной* ***талейрантности.*** *Президенты России и Франции в Версале проговорили три часа. <…>. Специальный корреспондент “Ъ” Андрей Колесников считает, что не случайно после трехчасового общения президенты называли друг друга исключительно «он» и не демонстрировали даже признака теплых чувств, действуя в полном соответствии с заветами министра* ***Талейрана*** (Коммерсантъ, 30.05.2017; Андрей Колесников)
ЦИКнуть (с. 131)	*Даже не* ***ЦИКнули****. Как Центризбирком принимал власть в свои руки* (Коммерсантъ, 28.12.2017; Андрей Колесников)
чоповцы (с. 178)	***Чоповцев*** *вооружат жезлами. Охранники в аэропортах и на вокзалах будут досматривать машины* (Коммерсантъ, 13.01.2018; Иван Буранов)
шифрофрения (с. 118)	***Шифрофрения.*** *Мессенджеры готовят к*

	вскрытию (Коммерсантъ, 04.10.2016; Мария Коломыченко)
Эль-Бабий (с. 164)	***Эль-Бабий*** *бунт Турецкий сценарий борьбы с террористами в Сирии не совсем совпадает с российским* (Коммерсантъ, 15.02.2017; Сергей Строкань, Максим Юсин)

«Комсомольская Правда»

ГАЗуем (с. 130)	***ГАЗуем*** *на экспорт. Как российский производитель стал частью мирового автопрома* (КП, 27.12.2016; Отдел информации)
еврорай (с. 76)	*Украинцы копируют польский «**еврорай**». А в нем пусто! Как поляки стали главными «понаехавшими» в Британии* (КП, 26.09.2016; Елена Чинкова)
зеленощекий (с. 105)	*О-о-о!* ***Зеленощекое*** *такси… Водителя, умывшего пассажира зеленкой, тоже покрасили по тарифу «Аватар»* (КП, 30.08.2017; От редакции)
уСКОРИНить (с. 129)	***уСКОРИНили*** *в Беларуси. Директору Третьяковской галереи Зельфире Трегуловой вручили белорусскую государственную награду – орден Франциска Скорины* (КП, 27.12.2018; Евгения Заболотских)

«Московский Комсомолец»

ARD-обстрел (с. 135)	***ARD-обстрел,*** *пятая серия* (МК, 24.01.2017; Ирина Степанцева)
HOTELи (с. 135)	***HOTELи*** *как лучше. Интуристов могут пустить в столицу без визы на 72 часа* (МК,18.09.2018; Любовь Кулябко)
бородато-женский (с. 88)	*У Австрии* ***бородато-женское*** *лицо* (МК, 19.05.2015; Артур Гаспарян)

вовлекатели (с. 147)	*«**Вовлекатели**» подростков сядут на 5 лет. Дума заинтересовалась «политическими педофилами»: кого посадят за вовлечение в митинги* (МК, 08.11. 2018; Марина Озерова)
инстаграмщицы (с. 142)	*Мы воспитали поколение девиц, которое считает главной целью — максимальное число подписчиков в **Инстаграм**. Для вас секрет, что эти девочки хотят содержания? Для вас секрет, что эти девочки продают себя на ночь? Есть такой тренд: спать с популярными **инстаграмщицами*** (МК, 28.06.2018; Платон Беседин)
квазипартии (с. 58)	*На этом фоне умиляет скандал с непосредственной красоткой из «Эха Москвы» Лесей Рябцевой, которая ничтоже сумняшеся посмела в своем органе похвалить представителя чужой **квазипартии** и походя пнуть своих. Трындец на весь Фейсбук. Хотя именно за то мы их и ценим. Ценили, в смысле* (МК, 18.07.2015; Александр Шабуров)
наивняк (с. 177)	*Нам говорили, что она **наивняк**, глупенькая. Но, поверьте старому телекритику: я видел и слышал в «Останкино» персонажей гораздо глупее, просто они до Светы чуть «более лучше» одевались* (МК, 16.01.2014; От редакции)
нанонародный (с. 81)	«*Фокстрот для **нанонародной** артистки*» (МК, 17.04.2017; Марина Райкина)
неокрепостные (с. 79)	*Вы хотите сказать, что россияне в XXI веке готовы стать **неокрепостными**?* (МК, 09.10.2014; Матвей Ганапольский)
няш-прокурор (с. 155)	*Наталья Владимировна, увы, так и не снискала большего авторитета в прокурорской среде. По словам знакомого прокурорского работника, отношение к ней было, конечно, ироническим. Всем было понятно, что «**няш-прокурор**» — это сугубо*

	политический проект с ограниченным сроком действия. О том, что Поклонская сделала свое дело, и пора бы уже заменить ее менее эксцентричной фигурой, разговоры пошли в Москве примерно через год после ее назначения (МК, 21.09.2017; Андрей Камакин)
обстановочка (с. 172)	*Но полагать, что люди, которые спят и видят, как бы заорать «власть — жулики!», не воспользуются такой острой проблемой для подогрева* ***обстановочки****, — тоже наивно* (МК, 27.04.2017; Дарья Тюкова)
опековцы (с. 178)	*Само собой, нефтяные гиганты не приняли во внимание интересы коллег со скромными возможностями отрасли. Вопрос в том, зачем России и Саудовской Аравии понадобилось давить на «****опековцев****» и лоббировать наращивание* (МК, 24.06.2018; Инна Деготькова)
офшорки, бизнесочки (с. 174)	*Со всеми ее тайными* ***офшорками****, лондонской (итальянской, швейцарской) недвижимостью и* ***бизнесочками****, оформленными на родственников. Ошибка нашей власти в том, что она судит о будущем сограждан исключительно по себе* (МК, 25.08.2017; Никита Кричевский)
пристойненько (с. 173)	*И что общая яма — лучшее место для гениев, не лежать же им, как простым смертным,* ***пристойненько****, в отдельных ухоженных могилках, под крестиком и веночком, с плачущей родней наверху* (МК, 01.04.2018; Жанна Голубицкая)
пробкостроительство (с. 148)	*В деле «****пробкостроительства****» преуспевают на самом деле все участники процесса* (МК, 20.09.2017; От редакции)
проукраинские (с. 64)	*По его словам, даже* ***проукраинские*** *политики позволяют себе передавать сигналы наружу о*

	необходимости повременить с предоставлением Украине автокефалии (МК, 15.07.2018; От редакции)
псевдоблатной (с. 57, 179)	*Увлечение детей* ***псевдоблатной*** *«романтикой» стало настоящей страшилкой для взрослых* (МК, 18.07.2018; Станислав Орленко)
РАДАваться (с. 128)	***РАДАваться*** *рано. Кто победил на выборах — до сих пор не ясно* (МК, 29.03.2008; Олег Базак)
развиватели (с. 147)	*В конце 2011 года чиновники решили разобраться, чем на самом деле занимаются «****развиватели****» инновационных бизнесов, и прояснить судьбу выделенных компании бюджетных средств* (МК, 26.02.2012; Елена Егорова)
секс-трафик (с. 87)	*Дуэт тульских сутенеров отсидит на двоих 8,5 лет за отлаженный* ***секс-трафик*** (МК, 11.10.2018; От редакции)
скрымздить (с. 182)	*Тем более, когда речь идет о путинской России, которая* ***«скрымздила»*** *у Украины якобы «сакральный» Крым* (МК. 05.04.2015; От редакции)
сложноквашино (с. 105)	*Молоко из* ***Сложноквашино****. Молоко из пальмового масла: детективные истории о "фермерских" продуктах* (МК, 19.05.2017; Юлия Калинина)
спикерша (с. 66)	*Отповедь «оскорбленных представителей русского народа не заставила себя ждать, как и оперативная реакция расширившей свои полномочия МИДовской* ***спикерши*** (МК, 20.03.2018; Отдел новостей)
страданутъ (с. 142)	*Все больше утверждается мысль, что если чиновники, попавшие под международные санкции, «страдают», то неплохо бы было «****страданутъ****» и всем прочим* (МК, 09.10.2014; Матвей Ганапольский)

суперцентрализация (с. 61)	*Такая* ***суперцентрализация*** *приводит к тому, что получение качественного высшего образования для жителей небольших городов и сел весьма затруднено* (МК, 20.05.2017; Николай Миронов)
ХАКнуть (с. 163)	***ХАКнули*** *в душу. Бизнесмен, обвиненный США в киберпреступлении, рассказал «МК», что хакеры, воспользовавшиеся серверами его компании, остались должны 290 долларов* (МК, 30.09.2016; Анастасия Гнединская)
ЦИКничный (с. 131)	***ЦИКничный*** *расчет. Почему было решено не пересчитать голоса, а отменить выборы в Приморье* (МК, 20.09.2018; Андрей Камакин)

«Наша Версия»

Urbanизм (с. 134)	*Удар по* ***Urbanизму****. Теория городского строительства от основателя Urban Group Александра Долгина не прошла испытания подмосковной практикой* (НВ, 25.05.2018; Александр Кузьмин)
агендурни (с. 119)	***Агендурни****. Российская разведка растеряла профессионализм?* (НВ, 08.10.2018; Кирилл Ашофов)
аккуеть (с. 121)	***Аккуеть!*** *Атомную станцию «Аккую» в Турции построят на наши деньги* (НВ, 22.08.2016; Надежда Попова)
антипиарщик (с. 59)	***Антипиарщик****. Экс-замглавы администрации губернатора Пермского края Кирилл Маркевич нанёс ущерб государству и скрылся за границей?* (НВ, 09.11.2015; Булат Поройков)
антипрививочный (с. 59)	*Как объясняют эксперты, последние годы в мире (и, конечно, в России) набирает обороты так называемое* ***антипрививочное*** *движение* (НВ,

	10.12.2018; Сергей Чугунов)
АСВоить (с. 131)	***АСВоили**. Как Агентство по страхованию вкладов отбирает у россиян деньги, а его глава Юрий Исаев делает хорошую мину* (НВ, 08.02.2018; Антон Волин)
АУЕвшие (с. 133)	***АУЕвшие** малолетки. У детей входит в моду жизнь по тюремным понятиям* (НВ, 28.08.2017; Ирина Мишина)
бабломойка (с. 180)	***Бабломойка**. Как используются РОСТЕХом финансовые средства гособоронзаказа* (НВ, 06.02.2019; Семен Калинин)
Башнефтегейт (с. 82)	***Башнефтегейт**. Скандал с «Башнефтью» и «Лукойлом» продолжается* (НВ, 26.10.2018; Иван Тимофеев)
бомбочка (с. 173)	*Ким по-прежнему считает, что лучшие гарантии безопасности – это наличие в загашнике хотя бы самой завалящей ядерной **бомбочки**. Вот не нашлось её у Саддама Хусейна, и где теперь он?* (НВ, 04.03.2019; Ксения Веретенникова)
врутений (с. 118)	***Врутений**. Власти решили скрыть утечку радиоактивного вещества* (НВ, 27.11.2017; Надежда Попова)
втюхинг (с. 169)	***Втюхинг**. Продавцы сомнительных товаров и услуг перешли от простого мошенничества к угрозам и шантажу* (НВ, 07.10.2013; Татьяна Шестакова)
ВЭБ-камера (с. 149)	***ВЭБ-камера*** (заголовок). *Кризис-менеджеры Внешэкономбанка распродают активы и снова просят денег у государства* (НВ, 01.04.2016; Александра Волкова)
ВЭБу (с. 164)	*Слава **ВЭБу**, ты приехал! Как визит Сулеймана Керимова в Россию может быть связан с махинациями Внешэкономбанка* (НВ, 09.02.2018; Антон Волин)

гееборцы (с. 87)	*Так сказать, стать главным* ***гееборцами*** *Северного Кавказа. Однако все это привело только к большой смуте в республиках СКФО и международным скандалам* (НВ, 25.12.2018; Иван Рыбкин)
ГМО-фобия (с. 91)	***ГМО-Фобия****. Почему в России не регулируются продажи генно-модифицированной продукции* (НВ, 14.01.2013; Светлана Дробышева)
ГражДОНин (с. 129)	***ГражДОНин*** *Казахмыса. Как глава казахстанских «махновцев» Шамиль Махмаханов получил российское гражданство* (НВ, 02.11.2018; Абай Жумадил)
ГРУбияны (с. 132)	***ГРУбияны****. Почему Британия выбрала главной мишенью именно военную разведку России* (НВ, 13.09.2018; Руслан Горевой)
депутаты-ЧОВУ, чиновники-ЧОВУ (с. 148)	***Депутаты-ЧОВУ*** *и* ***чиновники-ЧОВУ*** *может быть вы вовсе и не ЧОВУ, а провокаторы, которые реально ведут подрывную деятельность в отношении существующего конституционного строя!*? (НВ, 08.11.2018; Александр Артищенко)
ДоБАЗАриться (с. 128)	***ДоБАЗАрились****. Не разорит ли Россию строительство военных баз за границей* (НВ, 15.01.2018; Руслан Горевой)
дронуться (с. 116)	***Дронуться*** *можно. России следует поднять вопрос о запрете боевых роботов* (НВ, 14.06.2018; Кирилл Аштов)
дуристический (с. 118)	***Дуристическая*** *поездка. «Кинув» 28 тысяч россиян, туроператоры заработали миллионы* (НВ, 11.08.2014; Ирина Мишина)
евроармия (с. 75)	***Евроармия****. В Европе может появиться единый оборонный союз – конкурент НАТО* (НВ, 24.10.2016; Игорь Дмитриев)
еврозамануха, еврофуфел (с. 179)	*Украинские экономисты, консультировавшие правительство по вопросу подписания ассоциации*

	*с Евросоюзом, не менее квалифицированные специалисты, нежели их российские коллеги, не смогли отличить «**еврозаманух**у» от «**еврофуфела**» по одной лишь причине* (НВ, 07.07.2014; Руслан Горевой)
евроловушка, европодачки (с. 75)	***Евроловушка**. Вступил в ЕС – получил проблемы. <…>. Страна вовсю пользовалась **европодачками**, благодаря чему в Португалии появились современные автотрассы, а в экономику потекли дешёвые кредиты* (НВ, 28.01.2019; От редакции)
еврофлюс (с. 81)	***Еврофлюс**, надутый под давлением американской администрации, созрел* (НВ, 16.03.2015; Ксения Веретенникова)
ЕГЭнуться (с. 133)	***ЕГЭнуться** можно! Зону экзаменов Минобрнауки окончательно превратило в тюремную зону* (НВ, 16.06.2014; Олеся Волкова)
ЗаКОРЬенеть (с. 129)	***ЗаКОРЬенели**. Россия стоит на пороге эпидемии кори* (НВ, 10.12.2018; Кира Деливориа)
заМЭРеть (с. 129)	*Власть приказала **заМЭРеть**. Прямые выборы глав крупных городов отменят* (НВ, 10.04.2014; Игорь Дмитриев)
заупыриться (с. 101)	***Заупырился**. Как долго Алексею Улюкаеву сидеть на тюремных нарах?* (НВ, 18.12.2017; Георгий Филин)
импортоблом (с. 107)	***Импортоблом.** Попытки отказаться от поставок из-за границы провалились* (НВ, 19.03.2018; Василий Туманов)
интерполиция (с. 164)	*Откройте, **интерполиция**! Российское бюро Интерпола ищет преступников по всему миру* (НВ, 16.07.2018; Андрей Гладышев)
ипотекатастрофа (с. 118)	***Ипотекатастрофа**. В случае ипотечного кризиса 3 500 000 россиян могут оказаться на улице* (НВ, 29.10.2018; Кира Ревнева)
карабахнуть (с. 153)	***Карабахнуло.** Кто и зачем разогрел армяно-*

	азербайджанский конфликт? (НВ, 11.04.2016; Руслан Горевой)
квази-суд (с. 56)	*Вначале некий* ***квази-суд*** *якобы признаёт власти нашей страны виновными в отравлении сбежавшего в Англию офицера ФСБ, затем – попытка заокеанского Минфина огульно оговорить президента России, и теперь – новая тема* (НВ, 01.02.2016; Влад Крымский)
кивалы (с. 177)	***Кивалы*** *из партии власти. Чем обернутся провальные законодательные инициативы для правительства и Единой России* (НВ, 30.07.2018; Влад Крымский)
киндернатор (с. 159)	***Киндернатор****. Сергей Кириенко затевает большой передел России.* (НВ, 09.07.2018; Руслан Горевой)
крупняки (с. 142)	*Поголовье пришлось уничтожить. А когда попробовали восстановить, то вдруг оказалось, что наших животных вирус поражает, а тех, которые содержатся в крупных агрохолдингах, нет. В общем, постепенно нас приучили, что свиньями лучше не заниматься – это дело «****крупняков****»* (НВ, 17.08.2015; Кирилл Ашотов)
Крымец (с. 181)	***Крымец*** *Украине. Украина разобьётся на куски о закон об особых регионах развития* (НВ, 19.10.2015; Руслан Горевой)
ласыковщина (с. 149)	*Остановить «****лысаковщину****»! Транспортники возмущены пиаром депутата Госдумы Вячеслава Лысакова* (НВ, 03.11.2015; Булат Поройков)
мегастройки (с. 63)	***Мегастройки*** *или пенсии? Большие страны не могут жить без амбициозных проектов* (НВ, 03.09.2018; Георгий Бовт)
Мельдонийгейт (с. 82)	***Мельдонийгейт****. Допинг-скандал с российскими спортсменами – заговор Запада или собственная беспечность*? (НВ, 14.03.2016; Дмитрий Ледашин,

	Виктор Хрущёв)
мобилизец (с. 181)	*Полный* ***мобилизец.*** *Всё ли у нас на самом деле готово к тому, что завтра – война?* (НВ, 18.12.2017; Руслан Горевой)
Мосэнергостыд (с. 106)	***Мосэнергостыд****. Как «Мосэнергосбыт» открыто издевается над потребителями, вынуждая их терять деньги и время* (НВ. 13.04.2018; Василий Макаров)
моченосцы (с. 165)	*Орден* ***моченосцев.*** *В допинговом скандале и унижении России виноват Минспорт* (НВ, 11.12.2017; Михаил Святогоров)
налогоудушение (с. 106)	***Налогоудушение****. Налоговые инициативы правительства сделают население ещё беднее* (НВ, 14.05.2018; Татьяна Нижегородская)
намостырить (с. 180)	***Намостырили****! Только охранник смог украсть на строительстве моста к саммиту АТЭС 96 000 000 рублей* (НВ, 28.01.2013; Ксения Веретенникова)
недобойкот (с. 61)	***Недобойкот****. Скотланд-Ярду придется связать отравление Сергея Скрипаля с Россией, но бойкотировать ЧМ-2018 англичане не будут* (НВ, 07.03.2018; Артем Потемкин)
недотаманить (с. 149)	***Недотаманили****. «Тольяттиазот» потерял порт в Тамани* (НВ, 11.08.17; Роман Петров)
неКОМИческий (с. 127)	***неКОМИческий*** *сериал. Бывший зам премьер-министра Коми Константин Ромаданов открыл серию новых арестов энергетиков* (НВ, 03.08.2018; Сергей Теплухин)
некопления (с. 110)	*Пенсионные* ***некопления****. Президент дал правительству последний шанс спасти экономику и пенсионную реформу* (НВ, 19.11.2012; Анна Столярова)
неодворяне (с. 79)	*Да что там Поклонская – из рук Марии Владимировны приняли «ордена», автоматически дарующие «личное или потомственное*

	*дворянство», российские генералы Анатолий Квашнин, Юрий Балуевский, Борис Громов, Владимир Шаманов и ныне покойный Геннадий Трошев. Вот они, «**неодворяне**»! А вы ещё спрашиваете, кто стоит за идеей реставрации монархии – вот все они и стоят* (НВ, 23.05.2016; Руслан Горевой)
нефтесвара (с. 89)	***Нефтесвара**. Чем чреват для России ближневосточный конфликт* (НВ, 25.01.2016; Руслан Горевой)
нефутбольные (с. 60)	***Нефутбольные** достижения. СМИ сообщили о долгах российских футболистов перед государством* (НВ, 17.10.2018; Игорь Вячкилев)
нечесть (с. 60)	***Нечесть** мундира. Оборотни в погонах: от кражи машин до захвата заложников* (НВ, 26.10.2018; Сергей Плужников)
обналожить (с. 100)	***Обналожили**. Как ведомство Антона Силуанова и другие политики хотят обложить население странными налогами* (НВ, 11.05.2018; Антон Волин)
обрушимый (с. 110)	*Союз **обрушимый*** (заголовок). *ОДКБ* [*Организация Договора о коллективной* безопасности - Авт.] *может прекратить своё существование* (НВ, 24.10.2016; Алена Волкова)
озеничивание (с. 100)	***Озеничивание**. Газпром вводит монополию на спорт в Санкт-Петербурге?* (НВ, 01.10.2018; Игорь Латунский)
онлайн-наркобарон (с. 85)	*Как позднее рассказала полицейским мать **онлайн-наркобарона,** ее сын с детства вел довольно уединенную жизнь* (НВ, 03.11.2015; Отдел новостей)
ПАСЕ-мазохизм (с. 86)	***ПАСЕ-мазохизм.** Почему Россия не выходит из Совета Европы?* (НВ, 06.07.2015; Ксения Веретенникова)

пиар-банкиры (с. 85)	***Пиар-банкиры**. Зачем Агентство по страхованию вкладов ввело общественность в заблуждение, объявив об аресте замка Шато де Гаро в Ницце?* (НВ, 17.06.2013; Марат Хайруллин)
платоядные (с. 150)	***Платоядные**. Бурный рост доходов государственных менеджеров угробит экономику* (НВ,18.10.2018; Сергей Плужников)
поМЕТРОсить (с. 180)	***ПоМЕТРОсили**. Почему в Санкт-Петербурге остановилось строительство новых станций подземки* (НВ, 26.02.2019; Евгений Колесников)
правилы (с. 177)	*Бюджетные **правилы**. Алексей Кудрин копает под Дмитрия Медведева?* (НВ, 22.10.2018; Денис Чистов)
псевдогосударственный (с. 56)	*Эти универсальные **псевдогосударственные** деятели, похоже, решили компенсировать собственную никчёмность за счёт российских эксплуатантов* (НВ, 29.11.2018; Сергей Кокорин)
псевдоимперский (с. 56)	*В том числе и той, которая была воодушевлена крымской кампанией и возрождением **псевдоимперского** сознания* (НВ, 17.09.2018; Виталий Шкляров)
псевдо-коммунист (с. 58)	*В Марий Эл еще один помощник **псевдо-коммуниста** Сергея Казанкова поддержал Путина* (НВ, 15.03.2018; Отдел новостей)
пытание (с. 118)	*Школьное **пытание**. Детям скармливают некачественные и поддельные продукты* (НВ, 19.03.2018; Ирина Мишина)
разводилы (с. 177)	*Страховые **разводилы**. Граждан заставляют покупать полисы, которые ни от чего не защищают* (НВ, 14.01.2019; Кира Ремнева)
РазВЭБать (с. 133)	***РазВЭБали**. Почему ВЭБ банкротит стратегически важные предприятия, и кого Сергей Горьков назначил ответственным за новые технологии* (НВ, 09.02.2018; Василий Макаров)

рассвинячивание (с. 101)	***Рассвинячивание*** *населения* (НВ, 17.08.2015; Кирилл Ашотов)
сверхнахальство (с. 62)	*Безграмотность или* ***сверхнахальство****. Космонавт, Герой России Павел Виноградов считает затею с частным космодромом в Нижнем Новгороде авантюрой* (НВ, 09.03.2019; Дина Реброва)
сдыхание (с. 163)	*Легкое* ***сдыхание****. От грязного воздуха каждый год умирают 140 тысяч россиян* (НВ, 15.01.2018; Александра Пименова)
сейсмофига (с. 107)	***Сейсмофига.*** *В стране продолжают закрывать сейсмостанции и увольнять специалистов* (НВ, 04.09.2017; Надежда Попова)
СЕЙФмический (с. 129)	***СЕЙФмическая*** *опасность. Около 40 тысяч российских банкоматов оказались уязвимы перед хакерскими атаками из-за дефекта сейфовой части* (НВ, 10.08.2018; Сергей Теплухин)
секс-зачистка (с. 87)	*Если верить телеграмм-каналам, за «****секс-зачисткой****» топа «Газпрома» мог стоять не кто-нибудь, а вездесущий Роскомнадзор* (НВ, 19.12.2018; Николай Морозов)
скапитализдить (с. 121)	***Скапитализдили*** *на ремонт. В Фонде капремонта нашлись лишние 200 миллиардов рублей* (НВ, 17.12.2018; Кира Ремнева)
Скрипалево (с. 120)	***Скрипалево****. Кто и с какой целью пытался убить помилованного предателя Сергея Скрипаля* (НВ, 19.03.2018; Руслан Горевой)
СОЮЗные (с. 126)	***СОЮЗные*** *войны. Открытое письмо акционера корпорации «Союз» Андрея Баранова Александру Бастрыкину* (НВ, 24.06.2015; Андрей Баранов)
СУДОстроение (с. 127)	***СУДОстроение****. В России начинается «судебная революция»* (НВ, 10.12.2018; Валерий Молотов)
ТОАЗом (с. 161)	*Накрылись* ***ТОАЗом****. Как беглые олигархи Владимир и Сергей Махлай могли недоплатить*

	еще 900 млн. руб. налогов с «Тольяттиазота» (НВ, 02.09.2018; Руслан Горевой)
трампооткат (с. 89)	***Трампооткат**. Почему Трамп то грозит России, то извиняется?* (НВ, 04.05.2018; Ксения Веретенникова)
ТРОНуться (с. 127)	***ТРОНулись**! Российская элита одержима идеей реставрации монархии* (НВ, 23.05.2016; Руслан Горевой)
туркнуть (с. 153)	***Туркнуть** курдов. Новый план Эрдогана в Сирии: остановить расползание Курдистана одним махом* (НВ, 15.10.2017; Алена Бажова)
убоинг (с. 154)	***Убоинг.** Дубайским лайнером управлял усталый пилот* (НВ, 28.03.2016; Кирилл Ашотов)
узбешный (с. 153)	***Узбешное** лечение. Оказание медицинской помощи нелегальным мигрантам обходится казне в миллиарды рублей* (НВ, 25.02.2013; Артем Новосельцев)
Уралвагондолжник (с. 106)	***Уралвагондолжник**. Не желая рассчитываться по долгам, УВЗ ловчит в судах и идет на сомнительные ухищрения* (НВ, 14.09.2018; Георгий Александров)
Фейкофобия (с. 91)	***Фейкофобия**. Что ждет россиян после принятия Госдумой закона о фейковых новостях* (НВ, 07.03.2019; Александр Кузьмин)
хитробатька (с. 90)	***Хитробатька.** Лукашенко хочет печатать у себя российские рубли, но не хочет дружить с Россией* (НВ, 10.11.2014; Георгий Филин)
хурма-банк (с. 87)	***Хурма-банк**. Навязанные услуги становятся визитной карточкой Сбербанка и ВТБ?* (НВ, 09.04.2018; Василий Туманов)
чипизация (с. 68)	*Большой брат будет следить за нами? Тотальная **чипизация** населения: удар по преступности или по гражданским свободам* (НВ, 10.10.2017; Денис Нижегородцев)

ЧОПнуться (с. 132)	***ЧОПнулись** по-быстрому. Охранная фирма, отвечавшая за безопасность в ТЦ «Зимняя вишня», самоликвидировалась* (НВ, 30.03.2018; Сергей Теплухин)
экошок (с. 78)	***Экошок**. В заповедниках теперь можно вести строительство и сдавать землю в аренду* (НВ, 19.09.2016; Игорь Дмитриев)
экс-спецназовец (с. 63)	*В Казани суд над избившим аутиста **экс-спецназовцем** начаться так и не смог* (НВ, 24.12.2018; Отдел новостей)
Эрдогад (с. 119)	***Эрдогад.** Президента Турции подставили не его военные и не американцы, а крымские татары* (НВ, 30.11.2015; От редакции)

«Новая Газета»

абсурдоперевод (с. 118)	*Жизнь с **абсурдопереводом.** Пора проводить реформы. И помахать им вслед рукой* (НГ, 23.06.2016; Борис Бронштейн)
Алтайгейт (с. 82)	***Алтайгейт**. Последняя глава* (НГ, 17.02.2017; Елена Рачева)
антимандат (с. 59)	***«Антимандат»**: как ликвидируют последнюю возможность для уличных акций* (НГ, 06.02.2017; Борис Вишневский)
Антимодернизационный (с. 59)	***Антимодернизационный** консенсус не является чем-то исключительно новым в истории России* (НГ, 15.09.2016; Владимир Пастухов)
антиреформаторский (с. 59)	*Хотя **антиреформаторское** движение здесь сегодня набирает обороты <…> никакой исторической перспективы у него нет* (НГ, 15.09.2016; Владимир Пастухов)
антисталин (с. 97)	***Антисталин*** (НГ, 30.06.2017; Зоя Ерошок)
банкстеры (с. 119)	***Банкстеры**. Разорение банков поставлено на конвейер, а расплачивается за все государство —*

	то есть налогоплательщики (НГ, 22.07.2016; Ирек Муртазин)
брутто-лузер (с. 87)	*Единственным бенефициаром этих бомбардировок является Башар Асад. Он является нетто-бенефициаром. Мы являемся* ***брутто-лузером*** (НГ, 01.10.2016; Юлия Латынина)
быдл-класс (с. 87)	***Быдл-класс*** *поднялся с колен. Почему насилие стало нормой для российского общества* (НГ, 30.08.2017; Ян Шекман)
важняк (с. 177)	*Находился под стражей чуть больше месяца и потому воспринял молодого «****важняка****» с тревогой* (НГ, 16.02.2017; Андрей Сухотин)
виктимизировать (с. 171)	*Если пьяная девочка переспала по своей воле с пьяным мальчиком, а потом, через день, посоветовалась со специально выделенным человеком в университете и решила, что ее обидели, — то она жертва изнасилования. И каждый человек, который в этом сомневается,* ***виктимизирует*** *жертву* (НГ, 11.03.2019; Юлия Латынина)
випиэны (с. 162)	*Не смешите наши* ***випиэны*** (НГ, 02.10.2017; Кирилл Мартынов)
ВИП-кочевники (с. 85)	***ВИП-кочевники.*** *Как российские чиновники целыми командами мигрируют с одной должности на другую, при распределении госконтрактов не забывая земляков и бывших коллег* (НГ, 17.09.2018; Ирина Долинина, Алеся Мароховская)
ВОБнутые (с. 133)	***ВОБнутые****. Как глава Всероссийского объединения болельщиков Шпрыгин нападает на журналистов и нелегально проникает в страны Евросоюза* (НГ, 19.09.2016; Андрей Сухотин)
гей-логово (с. 8)	*Лазарев на «Евровидении» — это был Наш Человек в Гаване. Штирлиц в стане врага. Диверсант, заброшенный с парашютом в* ***гей-***

	логово (НГ, 18.05.2016; Юлия Латынина)
Гоп-политика, гоп-экономика, гоп-журналистика, гоп-религия (с. 146)	***Гоп-политика, гоп-экономика, гоп-журналистика, гоп-религия*** *тоже по сути гибридны: они соблюдают одни законы профессии, чтобы создавать себе алиби при нарушении других* (НГ, 13.11.2017; Михаил Эпштейн)
губеропад (с. 148)	*И это назначение не вписывается ни в какую из ранее обсуждавшихся многочисленными экспертами логик «**губеропада**» — омоложения губернаторского корпуса* (НГ, 02.10.2017; Алексей Тарасов)
демократура (с. 115)	*В нашей **демократуре** образца десятилетней давности своим отдавали не то, что забрали у народа, а нефть и газ* (НГ, 10.12.2018; Юлия Латынина)
динамизация (с. 94)	***Динамизация**. Совместительство и «пацанство» — два основных тренда российского хоккея последнего времени, похоже, себя окончательно исчерпали* (НГ, 06.04.2015; Владимир Мозговой)
дотолераститься (с. 102)	***Дотолерастились**. Почему уже не удивляешься, когда насильника зовут в студию и встречают аплодисментами* (НГ, 18.01.2018; Ирина Петровская)
еврокубковый (с. 77)	*Такой **еврокубковой** осени у российских ее участников еще не было* (НГ, 26.10.2018; Владимир Мозговой)
евроракеты (с. 75)	*Европейцы боятся «**евроракет**». Но в срыве договора винят не только США, но и Россию* (НГ, 26.10.2018; Александр Минеев)
единозавры (с. 143)	*Никуда «Единая Россия» не перейдет и ни в чем не изменится. Ее внутреннее партийное пространство — это заповедная территория, где, скорее всего, еще долго все будет оставаться так, как было. Пока организация политически не*

	вымрет и не получит у археологов будущего наименование «***единозавры***» (НГ, 07.12.2018; Борис Бронштейн)
единоросска (с. 72)	*Единственное послабление, которое милостиво согласилась внести* ***единоросска****, заключается в том, что уведомление о проведении такой встречи должно подаваться не позднее, чем за семь дней (в отличие от 10 дней для «обычных» митингов)* (НГ, 04.02.2017; Борис Вишневский)
ЕдРа (с. 161)	*Походка от «****ЕдРа****». Наши выборы похожи на конкурс красоты* (НГ, 07.09.2016; Борис Бронштейн)
задидосить (с. 170)	*Так, веб-сайт президента Михаила Саакашвили* ***задидосили*** *еще 20 июля* (НГ, 22.10.2016; Юлия Латынина)
заимодумцы (с. 109)	***Заимодумцы****. Путеводитель «Диссернета» и «Новой» по диссертациям депутатов Государственной думы* (НГ, 13.01.2016; Никита Гирин, Андрей Заякин, Алексей Комаров)
захарассить (с. 171)	*Если босс пристает к тебе — дай пощечину. Не помогает — уйди. А если ты поощряешь это, чтобы сделать карьеру, не нужно потом рассказывать, как он тебя* ***захарассил*** (НГ, 10.11.2017; Юлия Латынина)
зефирно-маникюрный (с. 88)	*Несмотря на некоторую комичность спецопераций по разоблачению «****зефирно-маникюрных*** *притонов», граждане от такой активности ФНС серьезно нервничают и изобретают новые способы оставаться в тени* (НГ, 05.12.2018; Арнольд Хачатуров)
интернет-травля (с. 84)	*Как и зачем организуется* ***интернет-травля*** (НГ, 22.10.2018; Ирек Муртазин)
информационщики (с. 151)	*Да почти у всех у них, и спортивных комментаторов, и* ***информационщиков****, «каждый*

	бой как последний». Не знаю, содрогнется ли по наказу Исинбаевой мир, но лично я, натыкаясь на такие репортажи и комментарии, содрогаюсь и недоумеваю: зачем превращать яркое, красочное и азартное зрелище в идеологическое ристалище, к чему весь этот патриотический пафос, призванный убедить зрителей, что Россия — сильнейшая спортивная держава, которой, однако, буквально всюду вставляют палки в колеса, дабы унизить, выбить из седла, лишить заслуженного мирового лидерства. А так-то мы о-го-го! Так-то всем рекордам следовало бы наши звонкие дать имена! (НГ, 12.08.2016; Ирина Петровская)
кадыринг (с. 97)	«*Поэтому скорый суд не ставит точку в расследовании. Оно будет продолжаться. Впрочем, его успех будет во многом зависеть от эффекта* ***«кадыринга»*** (НГ, 01.02.2016; Отдел расследований)
квазиправовой (с. 57)	*«Это важнейшая политическая (но* ***квазиправовая****) жалованная грамота ментам всех мастей, силовикам, образующим, по Марксу, господствующий класс нынешней России»* (НГ, 06.07.2015; Леонид Никитинский)
кибервандалы (с. 77)	*Вторжение* ***кибервандалов****. Роскомнадзор пытается сломать интернет. Как защищаться?* (НГ, 25.04.2018; Кирилл Мартынов)
кибергруппировка (с. 77)	*Как связано дело полковника ФСБ Сергея Михайлова с разоблачением офицеров ГРУ и* ***кибергруппировки*** *FancyBear* (НГ, 08.10.18; Ирек Муртазин)
кибер-орда (с. 77)	***Кибер-орда****. В мире действуют не единичные хакеры, ворующие данные кредиток, а мощные преступные группировки* (НГ, 28.06.2017; Ирек

	Муртазин)
киберпреступник (с. 77)	***Киберпреступник.*** *Павел Врублевский:* ***суперагент*** *или жертва ФСБ?* (НГ, 30.11.2012; Ирек Муртазин)
киберфига (с. 179)	*Да, есть оппозиционно настроенная интеллигенция, которая читает «Википедию» на английском и держит* ***киберфигу*** (НГ, 21.12.2018; Кирилл Мартынов)
кибершантаж (с. 77)	*Вроде* ***кибершантажа*** *— когда зараженные вирусами компьютеры требуют от пользователей перевода денег на биткоин-кошельки* (НГ, 31.07.2017; Кирилл Мартынов, Татьяна Васильчук)
КОИБания (с. 149)	***КОИБания*** *с линией партии. Как ЦИК создает политические проблемы из обычного разгильдяйства* (НГ, 11.03.2018; Алексей Полухин)
контринновационный (с. 60)	*В пробуксовках внедрения опять виновата сама наука, а не ресурсо-ориентированная экономика, которая инновации генетически отторгает, и не институциональная среда, которая эту экономику делает, во-первых, ригидной и* ***контринновационной****, а во-вторых, нереформируемой* (НГ, 10.09.2018; Александр Рубцов)
кремлеботы (с. 115)	***Кремлеботов*** *срочно переключили с Украины на убийство Немцова* (НГ, 11.03.2015; Диана Хачатрян)
криптодолина (с. 81)	*База флота в* ***криптодолине*** (НГ, 28.02.2018; Иван Жилин)
криптомир (с. 79)	*О дивный новый* ***криптомир*** (НГ, 22.01.2018; Сергей Голубицкий)
лжефирмы (с. 80)	*Прекращена деятельность более 200* ***лжефирм****, участвовавших в его незаконных схемах* (НГ, 14.11.2016; Андрей Сухотин)
ломбардак (с. 118)	***Ломбардак****. Чтобы выжить люди потянулись в*

	ломбарды (НГ, 09.10. 2015; Иван Жилин)
маньячно-фашистский (с. 89)	*Далее немного* ***маньячно-фашистской*** *философии* (НГ, 16.02.2017; Галина Мурсалиева)
марс-бросок (с. 108)	***Марс-бросок****. Полвека назад земной космический корабль стартовал к Красной планете. Он все еще в пути* (НГ, 22.12.2017; Екатерина Гликман)
мемизация (с. 68)	*Оказалось, что вербальное самовыражение мешает коллекционированию случайных фактов, поверхностным оценкам, клиповому сознанию, неумению концентрироваться на объекте дольше минуты,* ***мемизации*** *памяти и возврату к стадному мифологическому мышлению* (НГ, 22.08.2018; Сергей Голубицкий)
МИДаки (с. 133)	***МИДаки****. Как спецкор «Новой» Павел Каныгин добивался встречи наших дипломатов с пленными гражданами России* (НГ, 25.05.2015; Павел Каныгин)
молочно-таможенно-морковно-сметанно-газовый (с. 88)	*Опять же сравните эти соглашения с постоянными* ***молочно-таможенно-морковно-сметанно-газовыми*** *войнами, которыми занимается Кремль, принимая мелкое хулиганство в песочнице за большую геополитику* (НГ, 19.11.2014; Юлия Латынина)
морлоки-бандеровцы (с. 87)	*Куски такого государства приятно и полезно забирать себе — и все, кроме* ***морлоков-бандеровцев****, будут этому только рады* (НГ, 02.10.2017; Кирилл Мартынов, Лариса Малюкова)
навальнята (с. 96)	*Как пугают* ***«навальнят».*** *Политически активные школьники и студенты попали под психологический пресс* (НГ, 14.12.2017; Надежда Кириллова)
наноизоляция (с. 78)	***Наноизоляция*** (НГ, 04.12.2017; Кирилл Мартынов)
невредимка (с. 145)	*Что тут гениального? А то, что в наших*

	условиях невидимка становится ***невредимкой****: сама никому не вредит, и ей нельзя нанести никакого вреда. Невидимую скульптуру не снесешь, не обольешь краской. Она не вызывает никакого раздражения и протеста. Стоит себе и пусть стоит (или сидит?) при любой власти* (НГ, 12.12.2018; Борис Бронштейн)
недореволюция (с. 61)	*Во-первых, украинская* ***недореволюция,*** *даже в нынешнем своем виде, — национальная* (НГ, 31.03.2014; Ярослав Шимов)
неокулачество (с. 79)	***Неокулачество*** *Ударные отряды нового класса бьют политических оппонентов из любви к режиму, и всех остальных за деньги* (НГ, 20.05.2016; Кирилл Мартынов)
обаминги (с. 98)	*То есть в переводе: некоторые из групп использовали полученные ими гранты на оплату протестов против Трампа. То есть часть этих беззаветных протестов были* ***«обаминги»*** (НГ, 13.03.2017; Юлия Латынина)
обвивор (с. 148)	*Обвинение + приговор =* ***обвивор****. №1: «Дело Ив Роше». Большую часть текста приговора братьям Навальным судья скопировала из обвинительного заключения* (НГ, 26.01.2015; Ирек Муртазин, Никита Гирин)
ОМОНополия (с. 155)	***ОМОНополия.*** *К детскому вопросу «Кем быть?» добавился еще один — «Кого бить?». <…> Как говорят театралы, если в первом акте дубинка висит на стене, то в третьем ею непременно кого-то огреют. Кого в условиях российской демократии полагается обхаживать омоновской дубинкой? На этот вопрос есть подсказка. Демонстрация дубинки на детском празднике выглядела особенно убедительно после прошедших за несколько дней до того акций протеста, когда*

	по всей стране бойцы ОМОНа с энтузиазмом разгоняли противников нового пенсионного закона. В самом Челябинске силовики в тот день, 9 сентября, тоже не облака разгоняли… (НГ, 26.09.2018; Борис Бронштейн)
охранеть (с. 181)	*Совсем* ***охранели****! Людям, по долгу службы приближенным к первому лицу, свойственно терять чувство реальности* (НГ, 22.11.2017; Андрей Сухотин)
палеволит (с. 149)	***Палеволит****. Как калининградская пенсионерка построила дом на древнейшей в Прибалтике стоянке первобытного человека* (СС, 18.05.2015; Андрей Выползов)
пехтинг (с. 98)	*От* ***«пехтинга»*** *к дронам* (НГ, 16.02.2018; Кирилл Мартынов)
печатно (с. 94)	*Журналистка продолжала пристально следить за тем, что пишу я и некоторые мои коллеги и, наконец, на основании своего анализа наших записей в соцсетях* ***печатно*** *обвинила «продвинутых московских словесников» в слишком большом интересе к делу Надежды Савченко при полном равнодушии к ситуации с русским языком в национальных республиках* (НГ, 02.07.2016; Ирин Лукьянова)
пиар-задача (с. 85)	*На самом деле все эти медийные полиграфы полиграфычи выполняют две важные для Кремля* ***пиар-задачи*** (НГ, 15.02.2017; Юлия Латынина)
пиар-фантом (с. 85)	*Кремль дал Западу замечательную возможность объяснить, что случилось с «умеренной исламской оппозицией», —* ***пиар-фантомом****, который существовал только на страницах The Washington Post и Guardian* (НГ, 12.10.2016; Юлия Латынина)
политикесса (с. 72)	*Особенно много об этом говорит наша ярая феминистка Мария Арбатова и рьяная*

	*либеральная «**политикесса**» Ирина Хакамада* (НГ, 31.01.2018; От редакции)
порнополитический (с. 87)	***Порнополитический** процесс. Как Навальный добился своей цели, хотя тех, кого он критикует, принято не сдавать* (НГ, 12.02.2018; Кирилл Мартынов)
порнороман (с. 87)	*Но все же оппозиционер сумел сделать из **порноромана** новость, оттеснившую на задний план официальную президентскую кампанию* (НГ, 12.02.2018; Кирилл Мартынов)
прохановщина (с. 65)	*«В 1993-м у Белого дома были те, кто недоволен ельцинским компрадорским капитализмом. Однако же их идеологией стала **прохановщина**, игра на имперском поле»* (НГ, 09.11.2015; Ян Шекман)
прямоговорящие (с. 105)	*В поддержку **прямоговорящих**. В Самаре прошла поэтическая акция в поддержку арестованных на антикоррупционном митинге 26 марта* (НГ, 21.04.2017; Наталья Фомина)
псевдогосмонополии (с. 56)	*То, что внедряется в России, — это система **псевдогосмонополий*** (НГ, 08.02.2019; Юлия Латынина)
псевдонаблюдатели (с. 56)	*У **псевдонаблюдателей**, весь день отмечавших явку сотрудников своих организаций, их не было* (НГ, 07.09.2018; Татьяна Юрасова)
путинизация (с. 96)	*Не случайно многие на Западе, в том числе председатель Европарламента Мартин Шульц, предостерегают от «**путинизации** Польши»* (НГ, 11.05.2016; От редакции)
путиномания (с. 91)	*Я осилила лишь фрагмент дня, посвященный феномену **путиномании*** (НГ, 24.06.2015; Слава Тарощина)
путинофобия (с. 91)	*Самого-то Путина нет, а обложки западных изданий при этом пестрят его портретами. Что это, как не **путинофобия?*** (НГ, 08.04.2016; Ирина

	Петровская)
размещалово (с. 176)	*Технологические площадки меняются, десять лет назад «**размещалово**» было сосредоточено в условно анонимном «Живом журнале», а сейчас процветает в либертарианском и запрещенном мессенджере* (НГ, 03.12.2018; Кирилл Мартынов)
расфунфыриться (с. 145)	*Обнаружить улучшения можно в любой сфере нашей жизни. Так, недавно президент России заявил, что с 2000 года у нас в разы выросли реальная зарплата и пенсия. Правда, как он заметил, «порог бедности немного сейчас стал хуже, чем мы планировали». Зато какой у нас порог богатства! И какие люди за этим порогом! И как они расфуфырились. Или, как сказали бы потребители напитков в пузырьках, **расфунфырились.** С того же 2000 года* (НГ, 14.06.2017; Борис Бронштейн)
репостный (с. 162)	*Экстремизм на **репостном** масле. В суде может оказаться каждый пользователь соцсети. Репортаж из Барнаула, где суды за картинки поставлены на конвейер* (НГ, 10.08.2018; Татьяна Васильчук, Влад Докшин)
решалы (с. 177)	*Что стало известно в суде про жизнь и смерть «**решалы**» Перепеличного, важного информатора по делу Магнитского* (НГ, 11.09.2017; Вера Челищева)
родноворие (с. 143)	*В другом обществе можно было бы честно зарабатывать и не трястись от страха, что завтра посадят в тюрьму. Но тогда это послушание закону, а Родина превыше закона. Патриот отдает ей свою честь, имя, безопасность, жертвуя всем, что дорого человеку, ради утверждения воровского братства, круговой поруки. Это такая еще не вполне осознанная вера*

	— ***родноворие*** (НГ, 01.02.2016; Михаил Эпштейн)
русофобствующий (с. 101)	*Но на участке № 1512 в селе Сладково не видно ни одного* ***русофобствующего*** *иностранца* (НГ, 07.09.2018; Татьяна Юрасова)
сверхмудрые (с. 62)	*В этой картине мира есть какие-то* ***сверхмудрые*** *люди, которые почему-то засели в Минобрнауки, которые точно знают, куда пойдет наука, и поэтому готовы всех за собой вести* (НГ, 14.08.2017; Андрей Заякин)
секс-инквизиция (с. 87)	***Секс-инквизиция****. Юлия Латынина: нынешние процессы о харассменте полностью нарушают презумпцию невиновности. Мужчина стал заложником женщины* (НГ, 10.11.2017; Юлия Латынина)
секс-скандал (с. 86)	***Секс-скандал*** *по-демократически* (НГ, 02.11.2016; Александр Панов)
сечинизация (с. 96)	***Сечинизация*** *«Газпрома». Глава «Роснефти предложил лишить «национальное достояние» экспортной монополии* (НГ, 06.06.2014; Алексей Полухин)
скукины (с. 121)	***Скукины*** *дети. Как новосибирская мэрия пыталась, но так и не сумела возглавить безобразие* (НГ, 04.05.2016; Екатерина Фомина)
сталиниана (с. 69)	*Нежность к палачам в нынешнем сезоне обрела новые краски. Сокровищница* ***сталинианы*** *пополнилась уже не самим Иосифом Виссарионовичем, а его тенью* (НГ, 25.12.2017; Слава Тарощина)
стройблат (с. 107)	***Стройблат****. Авторитетные застройщики из Ставрополя дарят квартиры силовикам — и ничего не боятся* (НГ, 31.05.2017; Иван Жилин)
супербой (с. 168)	*Вершиной его драчливости и* ***супербоем*** *стала драка с директором отеля «Sands»* (НГ, 16.12.2015; Алексей Поликовский)

телепросветитель (с. 78)	*Впрочем, он старается и в других своих произведениях не снижать градус мракобесия, что, видимо, и позволило голосовавшим назначить Прокопенко главным* ***телепросветителем*** *страны* (НГ, 05.10.2017; Ирина Петровская)
телочкогейт (с. 180)	*К итогам «****телочкогейта****». Скандал вокруг публикаций «Медузы» - хороший знак для общества* (НГ, 30.03.2015; Белла Рапопорт)
трамписты (с. 72)	*И все же это — только часть правды. Не все избиратели Трампа — расисты. Уже потому, что многие из них голосовали за Обаму, многие — дважды. Не все* ***трамписты*** *— идиоты* (НГ, 14.11.2016; Александр Генис)
Трампушка, Обамушка (с. 145)	***Трампушка*** *за* ***Обамушкой****. Россия снова выбирает президента. К сожалению, всего лишь американского...* (НГ, 22.08.2016; Анастасия Миронова)
троллевые (с. 116)	***Троллевые*** *игры* (НГ, 09.11.2018; Григорий Туманов)
фокусы-кокусы (с. 108)	***Фокусы-кокусы****. Кокусы в Айове дали старт первичным выборам в США* (НГ, 15.02.2016; Александр Панов)
ФСБук (с. 131)	***ФСБук****. Что случится с российским интернетом, если ФСБ расшифрует всё?* (НГ, 23.09.2016; Кирилл Мартынов)
фуфломицины (с. 180)	*Единственное, в чем мы преуспеваем — так это в производстве многочисленных* ***фуфломицинов****, вроде арбидола или кагоцела, клиническая эффективность которых, мягко говоря, не доказана, что не мешает им быть внесенными в список жизненно важных препаратов* (НГ, 24.12.2018; Юлия Латынина)
хамнет (с. 106)	***Хамнет.*** *Тонны жестокости и хамства день и ночь плещутся в русской Сети* (НГ, 17.06.2009;

	Алексей Поликовский)
цапковщина, цапки (с. 66)	*Так что с Варламовым все очевидно. Тут долгая, безнаказанная, все контролирующая* ***цапковщина*** *в полный рост и полная уверенность духовно-патриотичных* ***цапков*** (НГ, 29.04.2017; Юлия Латынина)
Чечен-гейт (с. 82)	***Чечен-гейт.*** *Как следователи доказали, что в Чечне пытали и убивали геев и почему не стали возбуждать уголовное дело* (НГ, 24.12.2018; Елена Милашина)
шалтай-болтаевцы (с. 142)	*Когда были вынесены приговоры основным членам группировки «Шалтай-Болтай», версия о причастности офицеров ФСБ к деятельности* ***шалтай-болтаевцев*** *не нашла подтверждения* (НГ, 13.12.2017; Ирек Муртазин)
эмчеэсовский (с. 178)	*Среди лишившихся своих ученых степеней клиентов* ***эмчеэсовского*** *диссероделания – заместитель начальника…* (НГ, 04.04. 2018; Андрей Заякин)
ядовый (с. 95)	***Ядовый*** *потенциал. Лондон устал от загадочных отравлений русских. Что стало известно в суде про жизнь и смерть «решалы» Перепеличного, важного информатора по делу Магнитского* (НГ, 11.09.2017; Вера Челищева)

«РБК»

киберхранитель (с. 77)	***Киберхранитель*** *государственных тайн* (РБК, 28.07.2017; Мария Коломыченко)
недоторговцы (с. 61)	*Торги для* ***недоторговцев*** (РБК, 25.09.2017; Валерия Житкова, Дада Линделл, Николай Гришин)
сверхдоходные, сверхбогатые (с. 61)	***Сверхдоходные*** *для* ***сверхбогатых****. Крупнейшие хедж-фонды мира раскрыли данные об изменениях*

	в своих портфелях во втором квартале этого года (РБК, 23.08.2017; Данил Седлов, Александра Посыпкина)

«Российская газета»

кибергигиена (с. 77)	*Уроки **кибергигиены**. Наталья Касперская: Как России сохранить цифровой суверенитет* (РГ, 14.03.2018; Татьяна Шадрина)

«Совершенно Секретно»

злолото (с. 118)	*Сибирское **злолото**. Старатели уничтожают экосистему Ангары и Енисея* (СС, 09.09.14; Юлия Старинова)
интернет-феодализм (с. 84)	*Навстречу **интернет-феодализму*** (СС, 29.07.2013; Михаил Шевелев)
капутальный (с. 118)	***Капутальный** ремонт. Коммунальная реформа споткнется на саботаже и криминальных схемах* (СС, 24.03.2015; Анна Перова)
Клинтомания (с. 91)	***Клинтомания**. Почему публикация переписки Хиллари Клинтон снизила её кандидатский рейтинг* (СС, 17.09.2015; Александр Братерский)
псевдопатриоты (с. 57)	*И не только киевской – местный губернатор Геннадий Москаль заявил, что «вооруженные **псевдопатриоты**» из «Правого сектора» с целью наживы похищали и пытали людей, занимаясь вымогательством* (СС, 04.08.2015; Михаил Виноградов)
развойноваться (с. 123)	***Развойновались**! Большинство россиян ожидают большой войны. Насколько реальна эта угроза?* (СС, 14.04.2015; Александр Круглов)
секторовцы (с. 71)	*Он же сообщил прессе, что среди «**секторовцев**» в Закарпатье есть «ранее судимые лица, негодные к*

	военной службе, беглецы, уклоняющиеся от призыва»… (СС, 04.08.2015; Михаил Виноградов)
Сердюковгейт (с. 82)	*Чем закончился* ***Сердюковгейт*** (СС, 10.03.17; Алексей Челноков)
Хилларигейт, Трэвелгейт, Уайтуотергейт, Файлгейт, Чайнагейт, Моникагейт, Пардонгейт (с. 146)	*Сплошной* ***Хилларигейт****. За время пребывания Клинтонов в Белом доме этот список пополнился Трэвелгейтом, Уайтуотергейтом, Файлгейтом, Чайнагейтом, Моникагейтом и Пардонгейтом* (СС, 07.11.2016; Константин Курбатов)
ЦАРский (с. 131)	***ЦАРская*** *охота. В Центрально-Африканской Республике (ЦАР) были жестоко убиты члены съемочной группы из России Орхан Джемаль, Александр Расторгуев и Кирилл Радченко* (СС, 07.10.2018; Артем Иутенков)
шизбат (с. 107)	***Шизбат****. Почему в армию попадают психически неуравновешенные бойцы* (СС, 29.01.2015; Александр Круглов)